

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

ГОДЪ ПЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскай пр., № 12

1895

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи ¹⁾.

Населеніе Якутской области по своему племенному составу представляетъ значительное разнообразіе, при абсолютномъ господствѣ Якутскаго племени надъ всѣми остальными. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ народностей: русскихъ, тунгусовъ, ламутовъ, якутовъ, юкагировъ, чуванцевъ и чукчей. Постараемся дать краткія свѣдѣнія о каждомъ племени въ отдѣльности и въ отношеніяхъ его къ другимъ племенамъ.

Русскіе.

Подвигаясь отъ Урала къ востоку, мы видимъ постепенное измѣненіе численнаго отношенія между русскимъ и инородческимъ населеніемъ. Тобольская губернія имѣетъ столь незначительный процентъ инородцевъ (8%), что по составу (а въ южныхъ округахъ и по густотѣ) своего населенія, она ни чѣмъ не разнится отъ большинства губерній Европейской Россіи. Енисейская губернія включаетъ еще въ себѣ только 10% инородческаго населенія. Иркутская губернія уже имѣетъ 73% инородцевъ, а Якутская область около 93%. Изъ 263,743 жителей области, занимающей площадь въ 3½ милліона кв. верстъ, только 17,247 ²⁾ чел. составляютъ русское населеніе, и, если мы

¹⁾ Рукопись этой статьи предоставлена авторомъ въ распоряженіе Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета для пользованія ею, по усмотрѣнію, при составленіи за 1894 г. «Памятной Книжки» Якутской области, имѣющей выйти въ свѣтъ осенью сего года.

²⁾ Всѣ приведенныя цифры взяты изъ отчетовъ статистическихъ комитетовъ означенныхъ губерній за 1891 или 1892 гг.

изъ этого числа выключимъ невольныхъ обитателей области — ссыльныхъ (6078 челов.) и послѣдовавшихъ за ними родственниковъ (1890 челов.), то на вольныхъ обитателей останется цифра въ 9,279 чел., которая заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю непостоянныхъ жителей, въ лицѣ чиновниковъ, служащихъ и торговцевъ. Изъ этого видно, какъ мало Якутская область привлекала и привлекаетъ русскихъ колонистовъ.

Русское населеніе по Ленѣ тянется узкой и рѣдкой лентой, а отъ Якутска, какъ на сѣверъ до Ледовитаго океана, такъ и въ другія стороны, оно образуетъ на тускломъ полуочевомъ или бродячемъ инородческомъ фонѣ осѣдлыя пятна большей или меньшей величины, въ видѣ городковъ и селеній, или крапинки, въ видѣ заимокъ, рыболовныхъ поселковъ и промышленныхъ звмовъ.

Коренное русское населеніе области состоитъ изъ потомковъ казаковъ, промышленниковъ, торговыхъ людей и крестьянъ, отчасти и ссыльныхъ, переселенныхъ въ разное время по трактамъ для ямщины и въ другіе пункты въ видахъ развитія земледѣлія.

Нѣтъ сомнѣнія, что завоеватели области и первые піонеры не были лучшими представителями русской культуры, но потомки ихъ представляютъ собою печальное явленіе пониженія типа этой культуры. Мѣстами они не только потеряли чувство своего культурнаго превосходства, столь свойственное всѣмъ европейскимъ колонистамъ среди низшихъ расъ, но какъ будто потеряли способность къ движенію впередъ, далеко уступивъ въ этомъ отношеніи якутамъ. Крестьяне приленскіе, Амгинскаго и другихъ селеній, измѣнили своему родному языку, переняли нравы, обычаи и суевѣрія якутовъ, забыли ремесла, а кое-гдѣ обратились въ полуочевыхъ скотоводовъ ¹⁾. Казаки въ г. Якутскѣ, отправляя службу, постоянно сталкиваясь, какъ и мѣщане, разночинцы и торговцы, съ пріѣзжими русскими, претворяя въ себѣ притокъ свѣжей русской крови, учась, наконецъ, въ школахъ, понемногу освобождаются отъ якутскаго вліянія, но тѣ изъ нихъ, которые жвуютъ въ заимкахъ, среди якутовъ, или не знаютъ по русски, или объясняются на немъ не лучше та-

---

¹⁾ Многіе изъ приленскихъ крестьянъ или совершенно не знаютъ русскаго языка или крайне плохо на немъ объясняются. Въ Амгинской слободѣ Миндендорфъ въ 50 гг. не нашель ни одного человѣка, настолько знающаго по русски, чтобы быть ему переводчикомъ. Теперь тамъ 3—4 человѣка нѣсколько знаютъ по русски, а крестьянскій староста ни слова не знаетъ. Тоже самое мы видимъ въ Нюрбинскомъ селеніи въ Вилюйскомъ округѣ. Селенія эти были заселены: Амгинское для развитія хлѣбопашества крестьянами изъ Илимскаго острога въ 1731 г.; Приленскія—для ямщины крестьянами Иркутской губерніи въ 1773 г. и въ концѣ 18 ст.; Нюрбинское—составлено администраціей изъ крестьянъ, раньше разбросанныхъ по округу среди Якутовъ, въ 1848 г.

тарь и своимъ развитіемъ и понятіями немногимъ превосходить крестьянъ. Тоже самое можно сказать о большинствѣ казаковъ вомандъ окружающихъ городовъ. Многіе изъ нихъ по типу не напоминаютъ собою русскихъ—до того форма головы, складъ лица и другіе физическіе признаки выдають ихъ за инородцевъ. Насколько я замѣтилъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскіе обьязутѣли (какъ напр. на Амгѣ) или подверглись иной метисаціи (какъ въ Нижне-Колымскѣ), тамъ женщины сохранили чище русскій типъ, чѣмъ мужчины. Между первыми нерѣдко можно встрѣтить совершенно правильное милое русское личико. Можетъ быть, это явленіе подтверждаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ антропологовъ о большемъ влияніи отца на рождаемыхъ дѣвочекъ, чѣмъ матери, ибо первыя матери русскаго населенія области рѣдко были русскими.

Что же касается до домашней обстановки, пища и другихъ условій жизни русскихъ внѣ городовъ, то за исключеніемъ скопцовъ и старовѣровъ, они ничѣмъ почти не отличаются отъ условій жизни якутовъ. Только жилища русскихъ состоятъ большей частью изъ домовъ-срубовъ, а не изъ юртъ.

На крайнемъ сѣверо-востокѣ, въ низовьяхъ Колымы, русскіе, правда, не только отстояли свой языкъ, но привили его какъ аборигенамъ юкагирамъ и чуванцамъ, такъ и пришельцамъ якутамъ, но языкъ этотъ, рядомъ съ сохраненіемъ формъ и оборотовъ древне-русскаго языка XVII столѣтія, подвергся столь крупнымъ измѣненіямъ, — особенно пострадала фонетика языка, — что прѣвзшему русскому невозможно понимать сюсюканіе ниже-колымчанъ. Тамъ, на Колымѣ, какъ и на Индигиркѣ, по Янѣ и въ устьѣ Лены, русскіе, оттѣсненные отъ рѣчныхъ береговъ инородцевъ, обратились въ рыболововъ ихтиофаговъ и собаководовъ, подвергаются періодическимъ голодовкамъ и влечатъ болѣе жалкое существованіе, чѣмъ бродячіе оленеводы. Тамъ, на крайнемъ сѣверѣ осѣдлость не есть спутникъ большаго благосостоянія и потому не можетъ считаться высшей формой культуры, какъ это ни парадоксально. Бродячій, но сытый оленеводъ—чучча или тунгусъ—покровительственно и съ презрѣніемъ смотритъ на своего же собрата «сидячаго» рыболова, существованіе котораго зависитъ отъ милости перваго. И русскіе рыболовы крайняго сѣверо-востока находятся въ матеріальной зависимости отъ бродячихъ народцевъ.

Но въ общемъ не слѣдуетъ обойти безъ вниманія тѣхъ могущественныхъ факторовъ, которые содѣйствовали измѣненію русской народности, — независимо отъ первичныхъ причинъ, какъ-то: невѣжества первыхъ русскихъ пионеровъ, мягкости натуры славянской, часто все-таки умѣвшихъ быть очень жестокими къ инородцамъ, движенія впередъ на авось, безъ ясной опредѣ-

ленной цѣли, безъ идеи (если не считать таковой соболей и асака) и безъ руководящаго направленія.

Изъ этихъ факторовъ мы приведемъ наиболѣе важные. Во 1-хъ тотъ физическій и моральный кризисъ, который совершился въ организмъ и въ душѣ русскаго на новой, а подчасъ и невольной, но всегда суровой и холодной родинѣ, рѣзко отличающейся по условіямъ жизни отъ прежней; во 2-хъ недостатокъ русскихъ женщинъ, вслѣдствіе чего рѣдко можно встрѣтить во-реннаго русскаго, въ жилахъ котораго не текла бы якутская или иная ино-родческая кровь; въ 3-хъ воздѣйствіе громадной массы живучихъ, хитрыхъ и пронырливыхъ якутовъ на маленькую и податливую вучку русскихъ.

Но если первые переселенцы въ Якутской области якутѣли, то въ послѣднее время замѣчаемъ отрадное явленіе обратнаго движенія, исходящаго главнымъ образомъ изъ административнаго центра, куда все таки приливаютъ извнѣ и гдѣ зарождаются внутри просвѣтительные элементы, устраняющіе бюрократическую рутину добраго стараго времени и распространяющіе нѣкоторый свѣтъ въ глубь улусовъ. Съ одной стороны мы замѣчаемъ теперь попытки рѣшеній мѣстныхъ экономическихъ вопросовъ, съ другой стороны относительно недавно открытыя учебныя заведенія разныхъ вѣдомствъ, какъ реальное училище, женская прогимназія, семинарія, духовныя, начальныя и церковно-приходскія школы, съ каждымъ годомъ все больше выпускаютъ питомцевъ съ знаніемъ русскаго языка, съ нѣкоторымъ знакомствомъ съ природою и болѣе правильнымъ пониманіемъ началъ христіанскаго вѣроученія. Въ числѣ этихъ питомцевъ мы видимъ не мало якутскихъ дѣтей, хорошо усваивающихъ русскую рѣчь и русскія понятія. Возвращаясь въ свою среду, они распространяютъ тамъ знаніе русскаго языка и грамоты и вліяютъ на переѣзду возрѣвнѣи и нравовъ. Въ городѣ же Якутскѣ русскій говоръ беретъ верхъ надъ якутскимъ. Въ началѣ и въ срединѣ этого столѣтія, по отзывамъ различныхъ путешественниковъ, на званыхъ вечерахъ не только богатыхъ русскихъ купцовъ, но и высшихъ администраторовъ якутскій языкъ употреблялся больше, чѣмъ русскій; теперь же всякій торгующій и зажиточный якутъ учится и старается говорить по русски.

Якуты.

Якуты ¹⁾, какъ и русскіе, — не первобытные обитатели области. По мнѣнію ученыхъ, ихъ первоначальной родиной были или верховья Енисея, или

¹⁾ Русское слово якутъ происходитъ, по мнѣнію Щукина, отъ монгольскаго Еко, заимствованнаго русскими отъ тунгусовъ. Вилкойскіе тунгусы, по словамъ Маака, называютъ якутовъ Яко. Вонзаровъ же допускаетъ, что якутъ есть монгольская форма

берега Байкальского озера, откуда вытѣснены они были бурятами во времена движенія монголовъ подъ начальствомъ Чингисъ-Хана. За отсутствіемъ у Якутовъ письменности и другихъ историческихъ памятниковъ, основанія для этого мнѣнія мы находимъ въ ихъ преданіяхъ, пѣсняхъ, названіяхъ мѣстъ и языкъ ¹⁾).

Всѣ согласны въ томъ, что якуты составляютъ значительно омонголившуюся вѣтвь тюрко-татарскаго племени, первобытнымъ мѣстомъ происхожденія котораго лингвисты считаютъ Туркестанъ ²⁾).

Близость якутовъ съ другими тюркскими народностями подтверждается ихъ сходствомъ языка и физическихъ свойствъ — этикъ двухъ первенствующихъ элементовъ въ вопросахъ о племенномъ родствѣ. Лингвистическія изысканія академика о. Вѣтлинга вполне установили родство якутскаго языка съ другими тюрко-татарскими нарѣчіями, въ томъ числѣ и съ турецкимъ.

По мнѣнію, хотя и преувеличенному, тюрколога Вамбери Константинопольскій османли легко пойметъ якута, не смотря на сильное вліяніе арабскаго языка на турецкій. Съ другой стороны смѣльные татары изъ Западной Сибири или Европейской Россіи быстро научаются говорить по якутски, не смотря на то, что якутскій языкъ всосалъ въ себя не мало монгольскихъ примѣсей.

Еще Миддендорфъ замѣтилъ два типа Якутовъ. Одинъ служитъ представителемъ чистой расы, имѣетъ овальный обликъ, носъ прямой, скулы мало выдающіяся, вѣки чуть скошенныя, стройный станъ и въ общемъ напоминаетъ собой киргиза. У другаго типа лицо имѣетъ монгольское очертаніе, разрѣвъ

множество числа отъ јака, и что при помощи измѣненій согласныхъ, допускаемыхъ тюрко-татарскими нарѣчіями, јака тождественно съ словомъ саха, которымъ Якуты сами себя называютъ и которое въ старину означало человѣкъ, вмѣсто теперешняго кісі. Въ сказкахъ и пѣсняхъ якуты еще говорятъ саха-кісі (якутъ—человѣкъ) вмѣсто человѣкъ. Словомъ саха и теперь еще называется одинъ родъ Качинскихъ татар. Древнее названіе якутскаго племени было Урангхаі. Теперь этимъ именемъ называется одно татарское племя въ Монголіи. У якутовъ же это слово теперь означаетъ бѣдоваго члвѣка, чудака и употребляется иногда вм. слова маніи—глупый, шаловливый—въ презрительномъ смыслѣ. (Ueber die Sprache der Jakuten von Otto Bøthlingk, s. XXXIV. В. III. Dr. A. Th. v. Middendorff's Reise in den Ausersten Norden und Osten Sibiriens. St.-Petersburg 1851, и готовящійся къ печати якутско-русскій словарь Э. К. Пекарскаго).

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ поется, что жили они (якуты) когда-то въ теплой странѣ, у моря, въ большомъ изобиліи, гдѣ «не приходилось такъ мерзнуть и много трудиться, какъ здѣсь». На берегу Байкальского озера сохранились сходныя съ якутскими названія мѣстъ (напр. Амга), какія находимъ теперь тутъ. Мартъ мѣсяцъ по якутски Кулунтутар-ні, т. е. время когда ловятъ и привязываютъ жеребятъ (кулун — жеребенокъ, тутар—ловитъ), чтобы не высиживали дойныхъ коровъ, а здѣсь это дѣлается только въ началѣ іюня мѣсяца.

²⁾ Абель Овельсъ. Лингвистика, стр. 100.

глазъ узкій и косой, скулы сильно развиты, носъ широкій, губы толстыя, длинное сутуловатое тѣло на короткихъ ногахъ и другіе признаки вліянія смѣшенія якутовъ, сначала съ бурятами, а потомъ съ покоренными ими тунгусами. Какъ у того, такъ и у другаго типа волосы прямые и черныя; на тѣлѣ и на лицѣ растительность или совсѣмъ отсутствуетъ или состоитъ изъ рѣдкихъ волосиковъ, выщипываемыхъ якутами въ молодости и оставляемыхъ стариками, такъ что жиденькая борода, если она встрѣчается, является признакомъ преклонныхъ лѣтъ ¹⁾).

Что якуты не на новой родинѣ сдѣлались пастушескимъ племенемъ, объ этомъ и говорить нечего. Весьма возможно, что до прибытія якутовъ въ область, впоследствии названную Якутской, ей еще не были извѣстны лошади и рогатый скотъ. По крайней мѣрѣ за Верхоянскимъ хребтомъ инородцы аборигены познакомились впервые съ послѣдними или черезъ якутовъ ²⁾, или черезъ русскихъ ³⁾. Есть указанія на то, что въ прежнія времена у якутовъ преобладалъ конный скотъ надъ рогатымъ; теперь же мы видимъ обратное отношеніе — рогатаго скота вдвое больше, чѣмъ лошадей. Надо полагать, что причина этого явленія заключается въ качествѣ корма; что болотная трава Якутской области не могла замѣнить душистой зелени степей, а рогатый скотъ менѣе разборчивъ прихотливаго коня — отчасти это зависитъ отъ увеличенія населенія и уменьшенія пастбищъ для гуляющихъ табуновъ, питающихся какъ лѣтомъ, такъ и зимой подножнымъ кормомъ. При увеличеніи населенія, невошенныхъ мѣстъ остается все меньше, и для конскихъ табуновъ не остается подножнаго корма на длинную зиму, вмѣстѣ съ тѣмъ само собой усиливается степень осѣдлости, при которой выгоднѣе содержать рогатый скотъ, молочные продукты котораго начинаютъ играть главную роль въ питаніи массы, лишившейся мясной пищи послѣ уменьшенія табуновъ и сокращенія или даже прекращенія звѣриныхъ промысловъ ⁴⁾. Уменьшеніемъ ко-

¹⁾ Тоже самое мы видимъ и у большинства русскихъ области. О спутникѣ недавно проѣхавшей на Яну экспедиціи подъ начальствомъ барона Толля лейтенантъ Шилейко (молодой человекъ съ свѣтло-русой бородой) якуты рассказываютъ какъ о «старичкѣ», автора этихъ строкъ русскіе Нижнеколымскаго края по тѣмъ же причинамъ прозвали «дохматымъ дѣдушкой». Очевидно у здѣшнихъ обитателей вышніе признаки для опредѣленія возраста отличны отъ нашихъ. Точно также европейцу трудно по наружности взрослога якута судить о его лѣтахъ.

²⁾ Словцовъ. Историческое Обозрѣніе Сибиря, ч. I, стр. 79.

³⁾ Булычевъ. Путешествіе по Восточной Сибири. Спб. 1866 г., ч. I, стр. 6.

⁴⁾ Въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ и теперь коней больше, чѣмъ рогатаго скота. Не оттого-ли, что тамъ болѣе продолжительныя зимы, чѣмъ въ южныхъ округахъ, что не благоприятно для рогатаго скота, а населеніе тамъ очень рѣдкое и много мѣстъ (правда болотистыхъ) остаются невошенными за краткостью лѣта и недостаткомъ рабочихъ рукъ.

личества лошадей можно также объяснить упадок значенія кумыса, какъ пищи у якутовъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что благосостоянiе и вмѣстѣ съ тѣмъ культура якутовъ понизилась на новой родинѣ. Съ одной стороны извѣстно, что родственныя якутамъ тюрскiя племена центральной Азiи достигли въ самыя древнiя времена значительной степени культуры, а съ другой стороны мы видимъ, что на новой суровой и холодной родинѣ, не будучи природными охотниками, якуты не могли уже довольствоваться однимъ полуосѣдлымъ скотоводствомъ и для обезпеченiя своего существованiя должны были прибѣгнуть къ бродячей охотѣ, благопрiятствуемой лѣсами глубокаго сѣвера и случайно имѣвшей мѣсто въ южныхъ степяхъ. При первомъ столкновенiи русскихъ съ якутами звѣринный промыселъ составлялъ уже главное занятiе послѣднихъ. Кромѣ того небольшая часть якутовъ обратилась въ бродячихъ оленеводовъ, а на крайнемъ сѣверѣ въ Верхоянскомъ и, главнымъ образомъ, въ Колымскомъ округѣ—въ жадныхъ ихтиофаговъ, отчасти или совсѣмъ лишившихся скота. Но не смотря на всѣ неблагопрiятныя условiя существованiя въ столь суровой, полярной странѣ, якуты быстро примѣнились къ нимъ и выказали удивительную ассимиляционную силу. Спустившись, какъ полагаютъ, подъ напоромъ бурятъ внизъ по Ленѣ, они съ среднихъ ея береговъ вѣеромъ раскинулись во всѣ стороны. Они не только дошли на сѣверѣ до Ледовитаго океана и на востокѣ до Великаго, но совершили и обратное движенiе, хотя по нѣсколько инымъ направленiямъ—на западъ и сѣверо-западъ въ предѣлы Енисейской губернiи до Таймырскаго полуострова, на югъ черезъ Становой хребетъ въ область Амура. Захвативъ территорiю и оттѣснивъ другихъ инородцевъ, якуты, въ противоположность послѣднимъ, сильно размножились, не смотря на давленiе на нихъ русскихъ, на сильную смертность дѣтей вообще и на смертность взрослыхъ отъ частыхъ эпидемiй. По переписи 1795 г. въ области было 50,066 якутовъ мужскаго пола ¹⁾, а черезъ 67 лѣтъ, въ 1862 г., ихъ уже было 102,307 мужчинъ и 98,725 женщинъ (201,032 чел.) ²⁾, а въ 1891 году ихъ уже числится 115,768 мужчинъ и 113,793 жен. (всего 229,561 чел.) ³⁾. Если къ этому числу прибавить якутовъ Приморской и Амурской областей, Иркутской (Киренскiй округъ) и Енисейской губернiи и якутское колѣно, неизвѣстно какими судьбами оторванное отъ племени, въ Туруханскомъ краѣ, Енисейской же губернiи, то якуты, пожалуй,

¹⁾ С. Маакъ. Вилюйскiй округъ, Якут. обл., ч. III, стр. 121.

²⁾ Памятная книжка Ян. обл. за 1863 г., стр. 34.

³⁾ Статистическiй отчетъ Якут. обл. за 1891 г.

сравнятся по числу съ самымъ многочисленнымъ инородческимъ племенемъ Восточной Сибири—Бурятскимъ.

Какъ наружность якута съ его угнетеннымъ, унылымъ и подчасъ мрачнымъ взглядомъ, такъ и характеръ съ его лукавствомъ, хитростью, недоверчивостью, дерзостью и раболѣпиемъ и меркантильными способностями указываютъ на то, что малоизвѣстное прошлое этого племени не было легкимъ, что народъ этотъ былъ тѣснымъ, терпѣлъ обиды, подвергся изгнанію, а въ началѣ XVIII столѣтія, на новой родинѣ, якутское племя настигъ новый врагъ, на знамени котораго было написано неумолимое слово: асагъ. Но, не смотря на всѣ невзгоды, якуты сохранили свои національныя черты и увеличились въ числѣ.

Едва-ли есть на земномъ шарѣ какой-либо первобытный народъ безъ шевлы и письменности, который состоялъ бы изъ такихъ искусныхъ дипломатовъ, какъ якуты. Каждый якутъ—въ своемъ родѣ Талайранъ. Невольно поражаешься, когда видишь, какъ невзрачный якутъ въ глуши улуса обнаруживаетъ тонкое знаніе людей, способность льстить, умѣнье приводить въ движеніе тайныя пружины тщеславія и притворяться наивнымъ. Политика какъ будто сдѣлалась врожденной чертой его характера. Ни одно дѣло какъ съ чужими, такъ и со своими, не дѣлается прямо, безъ хитростей и обходовъ. Если якутъ приходитъ къ своему сосѣду за какой-нибудь надобностью, онъ никогда не начнетъ со своей просьбы, а будетъ говорить о томъ, о семъ, а главнымъ образомъ о томъ, что интересуется сосѣда, который прекрасно знаетъ, что не въ этомъ суть или даже догадывается, въ чемъ дѣло, настаивается, но невольно поддается дѣйствию человѣческаго слова, да и самъ проситель увлекается своимъ искусствомъ и добивается наконецъ своего.

Не менѣе искусны якуты при совершеніи торговыхъ сдѣлокъ, изъ чего можно вывести заключеніе, что дѣло обмѣна имъ знакомо съ давнихъ временъ. Замѣчательно, что меркантильныя способности сильно развиты не только у торговцевъ по профессіи, но и у всякаго якута. У него все продается, все покупается и ничего нѣтъ завѣтнаго, лишь бы получилась дѣйствительная или воображаемая выгода. «Купи», «продай», «смиѣняйся»—эти слова чаще всего поражаютъ слухъ новичка при встрѣчѣ якутовъ какъ съ русскими, такъ и со своими. Если якутъ нуждается въ какой-нибудь вещи, онъ о ней спроситъ всякаго проѣзжаго, когда она даже носится послѣднимъ, точно также всякій якутъ сниметъ со своего плеча часть костюма, когда пришла нужда, когда новичка соблазняетъ, или когда въ карты проиграется, и предложитъ ее вамъ.

Брезгливость къ ношеному незнакома якутамъ, а то, что находится въ

употребленія у богатого или торговаго человѣка, предпочитается новому и какъ честь, и какъ гарантія качества. Торгующій якутъ является самымъ почетнымъ лицомъ, во 1-хъ, потому, что торговля предполагаетъ богатство, безъ котораго нѣтъ знатности; во 2-хъ, безъ купца не проживешь: натуральное хозяйство давно уже не можетъ удовлетворять всѣхъ потребностей якута, на привозные русскіе товары нѣтъ наличныхъ денегъ, а торговцы, т. е. богатые якуты, даютъ ихъ въ кредитъ, подъ будущіе продукты скотоводства, промысловъ, подъ сѣно, работу и т. д. Поэтому всякій богѣе или менѣе состоятельный якутъ имѣетъ свой районъ для операций, и занятіе торговлей и порядками есть высшій идеалъ всякаго якута, ибо за тономомъ—начальникомъ непосредственно слѣдуетъ тономъ—купецъ, который можетъ жить припѣваючи безъ всякаго труда. Этому обстоятельству, можетъ быть, и слѣдуетъ приписать отчасти упадокъ теперь большихъ скотоводческихъ хозяйствъ, такъ какъ обладатели большихъ стадъ сбываютъ часть скота для занятія торговлей.

Если русскій прїѣзжаетъ въ якутскій улусъ, и съ нимъ нельзя совершить никакихъ дѣлокъ, то удивляются «зачѣмъ прїѣхалъ». Отношеніе якута къ русскому или какъ къ начальнику, или какъ къ посреднику обмѣна, или, наконецъ, какъ къ ссыльному, вытекаетъ изъ исторіи столкновеній ихъ между собой, происходившихъ только на этой почвѣ.

Рѣдко кто изъ русскихъ ѣздилъ къ якутамъ, не имѣя въ виду личной выгоды; это можно сказать и относительно первыхъ властей и даже духовенства, которыя въ доброе старое время, какъ это видно изъ архивныхъ дѣлъ, пользовались запрещеніемъ въѣзда для купцовъ въ инородческія стойбища, чтобы, подъ видомъ сбора ясака и совершенія духовныхъ требъ, вести торговлю по улусамъ съ инородцами ¹⁾.

И теперь еще есть глухіе уголки, гдѣ имѣется начальникъ купецъ и священникъ торговецъ. Но если нѣкоторымъ формамъ торговли якуты научились у русскихъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и до русскихъ они играли извѣстную роль, какъ посредники въ дѣлѣ обмѣна среди инородцевъ. Такіе компетентные судьи, какъ еврейскіе торговцы на якутскомъ базарѣ говорятъ, что они нерѣдко пасутъ передъ ловкостью, изворотливостью и умѣньемъ якут-

---

¹⁾ Интересно, что прежнія запрещенія купцамъ ѣздить въ инородческія стойбища, въ видахъ огражденія инородцевъ отъ эксплуатаціи ихъ русскими и предупрежденія скупики ими ясачныхъ мѣховъ, были вызываемы представленіями правительству мѣстныхъ агентовъ управленія, конкурентовъ по обмѣну инородцевъ, и, можетъ быть, болѣе опасныхъ, чѣмъ профессиональные торговцы. Последніе съ своей стороны посылали доноси на администраторовъ, и высшая власть, всегда гуманно и доброжелательно относившаяся къ инородцамъ, сбывалась съ толку ихъ взаимными обвиненіями.

скаго купца быстро опредѣлить свою позицію и сообразить выгоду, а такіа качества не приобретаются безъ долговременнаго опыта ¹⁾). Наконецъ, извѣстна роль якутскихъ торговцевъ по отношенію къ тунгусамъ и другимъ бродячимъ инородцамъ, о чемъ будетъ упомянуто ниже.

Изъ всего сказаннаго нельзя не сдѣлать заключенія о выдающихся, хотя, по историческимъ причинамъ, дурно направленныхъ, способностяхъ якутовъ по сравненію съ другими инородцами. Но все таки преувеличено мнѣніе, встрѣчаемое въ литературѣ о якутахъ, какъ объ отличныхъ мастерахъ и даже художникахъ—по крайней мѣрѣ въ настоящемъ. Одно можно сказать, что способность къ подражанію въ высшей степени развита у якутовъ, но рѣдко ихъ подражанія поднимаются до оригиналовъ. Единственные мастера между якутами—кузнецы; они же въ улусахъ—серебряныхъ, золотыхъ и всякихъ дѣлъ мастера; они вѣрно и ловко копируютъ самыми первобытными орудіями очень сложныя привозныя механическія издѣлія, но поддѣлки эти грубы: имъ недостаетъ тонкости работы и изящества отдѣлки оригиналовъ. Работу якутскаго кузнеца, напр. топоръ, нельзя сравнивать съ работой послѣдняго коваля въ Россіи. Бустарная промышленность самая жалкая, а рѣзьба якутовъ ва деревѣ или мамонтовой кости, если только не копируется съ русскихъ или другихъ образцовъ, груба, аляповата, въ линіяхъ нѣтъ симметріи, въ рисункахъ перспективы и во всемъ бѣдность фантазіи. Способности-же якута къ подражанію, перемчивости и движенію впередъ надо приписать тотъ переворотъ, который совершила въ якутской жизни, оставивъ въ сторонѣ административное на нее воздѣйствіе властей, небольшая горсть русскихъ, не смотря на высокое мнѣніе самихъ якутовъ обо всемъ якутскомъ и на то, что русскіе піонеры сами очень немного знали ²⁾). Печать русскаго вліянія лежитъ на всемъ. Якутскій языкъ всосалъ въ себя массу русскихъ словъ, подчинивъ ихъ, правда, своимъ законамъ благозвучія, но означавшихъ часто также предметы, которые были извѣстны якутамъ еще до прихода русскихъ. Около городовъ якуты переняли отъ русскихъ многія ремесла: плотничье, столярное,

---

¹⁾ Надо замѣтить, что при всей ловкости, изворотливости и ладности якутскаго торговца, онъ сохранялъ еще много первобытныхъ чертъ, какъ непредусмотрительность, тщеславіе и жизнь настоящимъ. Якутъ подрядчикъ нѣрѣдко платитъ неустойку, а разжившійся въ короткое время, торговецъ можетъ въ одинъ прекрасный день прокутить или проиграть въ карты все нажитое всѣми правдами и неправдами, съ тѣмъ чтобы съ примѣрнымъ терпѣніемъ опять начать съ азовъ не легкое дѣло наживы.

²⁾ По словамъ Словцова (тамъ-же, ч. I, стр. 43 и 88) морные русскіе привезли познакомиться съ желѣзной рудой и ея плавкой отъ инородцевъ, и, въ томъ числѣ, отъ сибирскихъ якутовъ.

тепѣжное, гончарное ¹⁾, а также и кирпичное производство, продуктами которых они снабжаютъ своихъ опустившихся учителей.

Въ Олекминскомъ округѣ, гдѣ климатическія и почвенныя условія болѣе благоприятны для занятія земледѣліемъ, чѣмъ въ остальныхъ округахъ области, почти все якуты приобрѣли осѣдлость и сдѣлались земледѣльцами. Въ послѣднемъ отношеніи, и даже относительно огородничества, они не только оставили за собою прилонскихъ крестьянъ, но нерѣдко являлись конкурентами главныхъ землепашцевъ области—скопцовъ. Но въ Олекминскомъ округѣ якутское населеніе не достигаетъ и 10000 чел.

Въ вѣрованіяхъ, семейной жизни, правахъ и обычаяхъ якутовъ произошелъ крупный переворотъ. Христіанство не только съ формальной стороны повліяло на древній культъ якутовъ, но въ значительной мѣрѣ замѣнило и самыя вѣрованія. Въ народной повѣи якутовъ мы видимъ наслоенія христіанскаго и былиннаго русскаго эпоса. Якуты образовали новый родъ творчества, состоящій въ исковерканныхъ сказаніяхъ о библейскихъ событіяхъ и древне-русскихъ богатыряхъ и названный ими усторъ (исторія).

Только въ началѣ этого вѣка, благодаря вліянію духовенства, у якутовъ укрѣпился моногамическій бракъ ²⁾, а церковный обрядъ, хотя не всегда еще является первой церемоніей въ свадебныхъ обрядахъ, но, отнимая у брака значеніе одной гражданской сдѣлки, основанной на уплатѣ колыма, придаетъ ему религіозную санкцію.

Многіе изъ первобытныхъ нравовъ якутовъ смягчились подѣ вліяніемъ русскихъ. Теперешній якутъ стыдится признать тотъ фактъ, что еще въ недалекомъ прошломъ у нихъ практиковался обычай убіенія стариковъ и погребенія вмѣстѣ съ умершимъ господиномъ, живыми, кого-нибудь изъ домашнихъ и любимаго коня.

Теперь только гдѣ-нибудь въ глуши можно еще встрѣтить древній варварскій способъ убоя скота посредствомъ вскрытія воротной вены ³⁾.

---

¹⁾ Относительно гончарнаго дѣла необходимо замѣтить, что, судя по теперешнимъ приемамъ якутовъ при приготовленіи ими глиняной посуды, производство это имъ могло быть знакомо и до прихода русскихъ. Якуты обходятся безъ гончарнаго колеса и безъ формъ, а глина посуду изъ отдѣльно сдѣланныхъ глиняныхъ плитокъ.

²⁾ См. Указъ Св. Синода отъ 19 мая 1804 года.

³⁾ На способъ этотъ обратилъ вниманіе областной начальникъ М а г к і й. Въ 1828 году онъ приказомъ по области запретилъ его примѣненіе. Состоитъ этотъ способъ въ слѣдующемъ: у коня связываютъ все 4 ноги, валятъ его на землю и, вытянувъ у него языкъ, крѣпко зажимаютъ ротъ, чтобы онъ не могъ реветъ. Затѣмъ около заднихъ ногъ прорѣзываютъ кожу и брюшину, запускаютъ въ нее руку, отыскиваютъ воротную вену и разрываютъ ее. Послѣ этого животное въ страшныхъ конвульсіяхъ лишается сознанія и якуты вскрываютъ брюхо, чтобы собрать вытекшую изъ жилы кровь.

Послѣ прихода русскихъ для якутовъ открылась цѣлая область новыхъ потребностей и привычекъ, какъ полезныхъ, такъ и дурныхъ: рядомъ съ посудой, мануфактурными и другими издѣліями и колониальными товарами завелись табакъ, карты и водка. Зачатки земледѣлія въ южныхъ округахъ вліяютъ на скотоводческое хозяйство, а знакомство съ хлѣбомъ, какъ родомъ пищи, мѣняетъ кореннымъ образомъ расчеты якутской экономіи. Если, наконецъ, якуты въ устройствѣ жилья еще держатся своей традиціонной юрты, то необходимая пристройка къ ней, срубъ—амбаръ, есть типъ русской архитектуры.

Вообще русская культура, какъ высшая, не могла не имѣть цивилизующаго вліянія на низшую, хотя первые ея представители и были плохи.

Если мы обратимся къ низовьямъ Колымы, куда якуты пришли позже русскихъ и въ небольшомъ относительно послѣднихъ количествѣ, то увидимъ, что якуты, въ свою очередь, тамъ вполнѣ обрусѣли. Въ городѣ Ср.-Колымскѣ еще господствуетъ все якутское: языкъ и нравы; русскіе говорятъ лучше по-якутски, чѣмъ по-русски, а якуты русскаго языка совершенно не знаютъ. Въ 270 верстъ ниже Средне-Колымска, на лѣвомъ берегу Колымы, находится первое сплошное якутское селеніе «Кресты» съ домами—срубами, образующими правильную улицу; жители свота не имѣютъ, лѣтомъ занимаются рыболовствомъ, зимою—гоняютъ на оленяхъ казенную почту; говорятъ они по-русски и по-якутски. Еще сѣвернѣе на 230 верстъ, въ городѣ Нижне-Колымскѣ и его окрестностяхъ, живетъ первый Матюжскій родъ якутовъ, которые ничѣмъ—ни по образу жизни, ни по устройству домовъ, ни по языку, а нѣкоторые и по наружности—не отличаются отъ низовыхъ русскихъ. Какъ русскіе, они ни слова не знаютъ по-якутски: когда, во время весенней ярмарки, прѣзжіи съ верху якутъ заговорить со своимъ низовымъ соплеменникомъ на родномъ языкѣ, послѣдній, выпучивъ глаза, толкнетъ въ бокъ «верхового» русскаго и скажетъ: «Братъ, а братъ, что таное онъ сказываетъ»? Надо сказать, что якуты эти вымираютъ; ихъ теперь осталось всего нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Въ другихъ же мѣстахъ области способность якутовъ навязывать свой языкъ другимъ народамъ поразительна. Русскій, тунгусъ, ламутъ или Экагиръ быстро якутѣютъ, живя среди якутовъ. Якуту не нужно знать другихъ

Убой производится въ самой юртѣ, при сборѣ членовъ семьи, сосѣдей и гостей. На камелькѣ разводится яркій огонь. Кроме того юрту освѣщаютъ лучинами, которыя держатъ обикновенно дѣти. Сами якуты говорятъ, что животное во время операціи бьется въ судорогахъ, стонетъ [и плачетъ, какъ человѣкъ. (См. Дяло Балгантайской Изгородной Ураши 1828 г. № 33).

инородческихъ языковъ, ибо все вышеназванныя племена объясняются съ нимъ на якутскомъ языкѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ юкагиръ еще сохранилъ свой языкъ, тамъ, для объясненія со своимъ бродячимъ собратомъ—ламутомъ, онъ употребляетъ международное нарѣчіе—якутское. Одинъ чукча упорствуетъ передъ якутомъ, для сношенія съ которымъ послѣднему нуженъ тунгусъ переводчикъ.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать заключеніе, что якуты имѣютъ все задатки для прогресса какъ по своимъ природнымъ способностямъ, такъ и по отсутствію у нихъ въ нѣкоторой степени духа косности и консерватизма. Они подозрительно относятся къ административнымъ мѣрамъ, но они не принципиальные противники новизны, когда на нихъ дѣйствуютъ примѣромъ. Кроме того, въ якутской массѣ мы находимъ много такихъ добродѣтелей и достоинствъ, какихъ не найдемъ въ низшихъ классахъ многихъ культурныхъ народовъ. Любовь якутовъ къ дѣтямъ достойна вниманія. Хотя въ якутскомъ языкѣ, не меньше чѣмъ въ русскомъ, имѣется грубыхъ и неприличныхъ ругательствъ, но не надо забывать, что якуты, какъ первобытный народъ, съ наивною еще откровенностью, какъ въ пѣснѣ, такъ и въ рѣчи, называютъ все вещи своими собственными именами. Они рѣдко дерутся, не почитая кулачной расправы. На якутовъ можно дѣйствовать резонами; они разсудительны и не лишены дара слова, а хороший говорунъ и умный человекъ въ большомъ почетѣ, даже если онъ бѣденъ, не смотря на то, что бѣдность считается однимъ изъ худшихъ пороковъ. Хотя, по обычаю, женщина продается (уплачивается колымъ), но въ семьѣ она занимаетъ почетное мѣсто, какъ хозяйка, и никто надъ ней не совершитъ насилія, чтобы заставить ее жить съ нелюбимымъ мужемъ. И такъ, еслибъ якуты имѣли болѣе частыя и тѣсныя столкновенія съ болѣе культурнымъ слоемъ русскаго народа, чѣмъ были первые пионеры и позднѣйшіе поселенцы, и еслибъ уровень благосостоянія массы могъ быть поднятъ, то способности якутовъ нашли бы себѣ другое примѣненіе, чѣмъ теперь, и они скоро могли бы примѣнить въ семьѣ культурныхъ народовъ. Но, съ одной стороны мы видѣли, каковы были до сихъ поръ учителя якутовъ; съ другой—сама природа противъ нихъ: высокій градусъ широты—самый лютой врагъ человѣка. Якутская область со своими болотами, тундрами, холодомъ и короткимъ лѣтомъ даже изъ всехъ скотоводческихъ странъ наименѣе благоприятная для скотоводства ¹⁾. Она не можетъ также

¹⁾ Если мы сравнимъ ее напр. съ Голландіей, гдѣ траву косить 3 раза въ теченіи лѣта, Швейцаріей, въ которой ее косить 5 разъ, или Италіей съ ея 6-ю ежегодными сѣнокосами. Тамъ пастбищный періодъ длиннѣе якутской зимы, а зима—періодъ стойловаго содержанія скота—короче якутскаго лѣта, или ея почти нѣтъ.

стать земледѣльческой страной по преимуществу, даже въ самыхъ своихъ южныхъ округахъ. Звѣрь отстываетъ передъ ростомъ населенія или совсѣмъ исчезаетъ отъ безразсуднаго его истребленія, рыбное богатство не вывозится за отдаленностью области отъ рынковъ, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, неприступностью сѣверныхъ мѣстъ и недостаткомъ пищи въ самой области; минеральные богатства, за исключеніемъ золота, не исследованы и не представляютъ еще собою цѣнностей какъ по предъидущимъ причинамъ, такъ и по отсутствію рабочихъ рукъ, капиталовъ, предприимчивости и техническихъ знаній, а также по причинѣ вѣчной мерзлоты почвы. Невольно, поэтому, является вопросъ, чѣмъ можетъ оплачивать населеніе привозные продукты? Присматриваясь къ дѣйствительной жизни якутской массы, мы должны сказать, что болѣе жалкую трудно себѣ представить: скотоводческое племя, и оно рѣдко потребляетъ мясо; многіе якуты (зимой) остаются безъ молока, цѣлая масса якутовъ не въ состояніи приобрести ситцу или дабы на рубаху и одѣваются исключительно въ скотскія шкуры; въ глуши нерѣдко старики и дѣти ходятъ почти или совсѣмъ голые. Питаніе массы якутовъ противорѣчитъ всѣмъ общепринатымъ предписаніямъ гигиены. Они всасываютъ въ себя ядъ гнилой рыбы, цавшаго скота и, за рѣдкимъ избыткомъ въ сѣстныхъ продуктахъ слѣдуютъ долгіе посты и голодъ. Въ лѣтнее время человѣкъ, какъ и скотъ, набираютъ про запасъ жиру, а къ веснѣ они тощатъ до неузнаваемости. У коннаго скота щупаютъ шею для опредѣленія степени ожиренія (такихъ степеней три: полный жиръ (толу сыа), бѣлый (тынга сыа) и красный (кысыл сыа), затѣмъ слѣдуетъ терминъ сухой); точно также и человѣка щупаютъ подъ грудной кляткой—есть ли запасецъ подъ кожей: отъ правильно чередующихся между собой періодовъ относительно избытка и почти полнаго отсутствія пищи въ организмѣ человѣка выработался процессъ быстрого откладыванія жира.

За недостаткомъ мѣста мы должны отказаться отъ подробнаго описанія якутскаго жилья съ его камелькомъ, хотон'омъ (отдѣленіемъ въ юртѣ для скота), грязью, запахомъ коровьяго нала, которымъ пропитаны одежда и никогда не моющееся тѣло якута, и всѣхъ прочихъ непривлекательныхъ сторонъ ихъ жизни. Обратимся еще только къ духовному развитію якутовъ. Въ настоящее время всѣ они числятся православными, но они христіане больше по имени, чѣмъ по существу. Ихъ набожность состоитъ главнымъ образомъ въ механическомъ исполненіи нѣкоторыхъ обрядовъ. Пониманіе сущности христіанства недоступно еще и многимъ развитымъ якутамъ; масса-же, по своему міровоззрѣнію, еще предана шаманству, которое уживается рядомъ съ обрывками изъ священной исторіи. Каждое лицо св. Троицы у якутовъ—отдѣльный богъ,

Богородица—тоже богъ, святые—тоже боги. Въ Верхоянскомъ округѣ я разъ спросилъ многихъ собравшихся якутовъ: какихъ святыхъ они болѣе всего празднуютъ, и мнѣ стали считать по пальцамъ: Воскресенье, Иннокентій, Никола, 1-й Спасъ, 2-й Спасъ, 3-й Спасъ и т. д. Въ церкви якуты, по отдаленности и разбросанности другъ отъ друга жилищъ, рѣдко бывають. Домашнее богомоленіе въ праздничные дни заключается въ слѣдующемъ: передъ иконами зажигаются церковныя свѣчи, подъ ними на горячіе уголья кладутъ ладанъ, и ставятъ на столъ наиболѣе лакомое блюдо — тарелку съ плавающими въ маслѣ оладьями или коровью губу—и вся семья и гости, обративъ лицо къ иконамъ, вланыются имъ и крестятся въ безмолвіи въ теченіе получаса или часа. Кромѣ описанныхъ обрядностей христіанство мало измѣнило у якутовъ складъ народнаго мышленія и вѣрованій, и нѣтъ того сознанія своего христіанства, которымъ якутъ рѣзко отличалъ бы себя отъ некрещенаго инородца. Наружное благочестіе якута можетъ многихъ ввести въ заблужденіе. Онъ оказываетъ священнику почтеніе, готовится къ его встрѣчѣ, вланыется въ ноги, цѣлуетъ руку, проситъ благословенія, но все это нельзя принять за чистую монету. Съ одной стороны якутъ въ религіозномъ дѣлѣ является такимъ же ханжой, какимъ онъ бываетъ лицемѣромъ въ житейскихъ дѣлахъ, съ другой—для него священникъ—и духовное лицо, могущее принести ему вредъ помощью невидимыхъ силъ, съ которыми имѣетъ сношенія, и—начальникъ. Въ обоихъ случаяхъ на якута больше дѣйствуетъ страхъ, чѣмъ вѣра въ христіанскомъ смыслѣ. Когда молитва священника не помогаетъ, онъ обращается къ шаману. Не касаясь тутъ понятій якутовъ о происхожденіи міра, они въ жизни прежде всего матеріалисты. Христіанское ученіе о матеріи и духѣ, о духовной жизни въ противоположность къ плотской, о пренебреженіи къ богатству и земнымъ благамъ, о постѣ, монашествѣ и т. д., имъ еще мало доступно, точно также не многимъ уже понятны христіанская этика и представленіе о грѣхѣ вообще. На христіанство якутъ перенесъ свои прежнія языческія воззрѣнія на божество, какъ на дѣятеля, который постоянно вмѣшивается въ человѣческія дѣла, который то и дѣлаетъ, что причиняетъ людямъ въ матеріальномъ смыслѣ добро или зло и послѣднее больше чѣмъ первое, поэтому необходимо его умиловивлять. Поставленное во время богомоленія лакомое блюдо есть такимъ образомъ остатокъ грубаго фетишизма и переживаніе обычая приносить жертвы духамъ предковъ и богамъ, Имитативное усвоеніе въ той или иной степени обрядовой стороны религіи мало еще говоритъ за пониманіе ея сущности. Такое положеніе вещей вытекаетъ изъ разбросанности якутовъ и отсутствія воспитанія и школы для молодежи. Есть мѣста, въ которыхъ священникъ бываетъ разъ въ годъ или въ 2 года, и

не многіе изъ нихъ стоятъ на высотѣ своего положенія, небрежно относясь къ своимъ духовнымъ обязанностямъ, не посвящая паствы, а механически исполняя требы, за которыя взимають высокую плату, и преслѣдуя только матеріальную выгоду.

Въ Верхоянскомъ, Колымскомъ и сѣверныхъ частяхъ другихъ округовъ, гдѣ населеніе рѣже и приходы обширны пространствомъ, священникъ обыкновенно объѣзжаетъ приходъ зимой, когда улусъ выставляетъ ему для этой цѣли лошадей или оленей съ нартами. Тогда священникъ креститъ младенцевъ, иногда и взрослыхъ (бывшихъ до тѣхъ поръ гдѣ-нибудь въ глуши и не имѣвшихъ случая видѣть священника), исповѣдываетъ, приобщаетъ св. Таинъ, отпѣваетъ умершихъ, давно похороненныхъ, и вѣнчаетъ брачующихся, сожителство которыхъ почти всегда начинается до церковнаго обряда, вокругъ стола, на которомъ полагаются Крестъ и Евангеліе, а вмѣсто вѣнцовъ на главы возлагаются обыкновенно грудные металлическіе кресты со шнурами. По большей части при объѣздѣ священникъ ограничивается только исполненіемъ требъ. Обычай или необходимость—не смотря на ружный сборъ—взимать за нихъ плату, деньгами или натурой, мѣшаетъ установленію довѣрія со стороны якутовъ и духовному вліанію священника на паству. А если священникъ—человѣкъ малоразвитый въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, то онъ ложится бременемъ на населеніи. Мнѣ приходилось видѣть возвращающихся съ объѣзда прихода священниковъ, за которыми слѣдовали обозы съ припасами. Въ сѣверныхъ округахъ, во время оспенной эпидеміи въ 1890 году, нѣкоторые священники отпѣвали покойниковъ по полученіи только коровы или лошади. Нѣсколько лучше дѣло стоитъ въ ближайшихъ къ Якутску и въ другихъ мѣстахъ съ болѣе густымъ населеніемъ, гдѣ церковь не столь далека отъ границъ прихода, прихожане чаще ее посѣщаютъ, а священники ближе къ епархіальнымъ властямъ и культурнымъ элементамъ.

Тунгусы и ламуты ¹⁾.

Тунгусы въ Якутской области, подобно якутамъ, пришлое племя. Они, какъ и манчжуры, покорившіе китайцевъ, вышли изъ приамурскихъ странъ ²⁾,

¹⁾ Сибирскіе казаки узнали тунгусовъ въ началѣ XVII ст. и названіе ихъ заимствовали у остяковъ. Страленбергъ объясняетъ, что Аринны — народъ, жившій на берегахъ Енисея, называли тунгусовъ тонг-кзе, т. е. люди трехъ родовъ, но онъ полагаетъ, что тунгусы суть «водные монголы», упоминаемые древними писателями, и производить слово тунгусъ отъ татарскаго слова тенгисе — море, въ знакъ того, что тунгусы пришли изъ за Байкальскаго моря. По тунгуски озеро значить тунгэр. Тунгусы сами называютъ себя овен, а оленные — ороча. По занятіямъ ихъ можно дѣлать на оленныхъ, рыболововъ-собаководовъ (Ламуты), скотоводовъ и даже земледѣльцевъ (Доуры).

²⁾ А. Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края, т. I, стр. 94. Сиб. 1883.

но пошли по другимъ направлѣніямъ, распространяясь на западъ до Енисея, на сѣверъ до Ледовитаго океана и на востокъ до Охотскаго моря. Тунгусы, ламуты и манчжуры, по мнѣнію ученыхъ, имѣютъ общее происхожденіе, образуя отдѣльную вѣтвь монгольской расы—тунгузскую ¹⁾. Тунгусы, приближаясь болѣе, чѣмъ турки, по наружному виду къ собственно монголамъ, имѣютъ нѣкоторыя оригинальныя особенности, по которымъ ихъ легко узнать. Особенно характерны у тунгуса четырехугольная форма лба, круглыя большія глазницы, въ которыхъ глубоко сидятъ узкіе съ косымъ разрѣзомъ глаза и тонкія губы, изъ которыхъ верхняя довольно длинная. Росту тунгусы небольшого съ сравнительно большой головой, широкими плечами, немного короткими конечностями и маленькими руками и ногами, не смотря на большое употребленіе послѣднихъ. Какъ всѣ сѣверныя, бродячія племена, тунгусы по тѣлосложенію худощавы, сухи, мускульны и жилисты; тучныхъ и жирныхъ, какими бываютъ большинство якутскихъ богачей, между ними нѣтъ. Цвѣтъ кожи у нихъ желтовато-бурый, глаза каріе, волосы черные, прямые, толстые и густые; растительность на лицѣ или очень рѣдкая или отсутствуетъ, черепъ широкъ, а лицо обыкновенно нѣсколько вытянуто въ длину, широко въ щекахъ и суживается по направленію ко лбу; скулы выступаютъ впередъ, носъ около корня широкій и плоскій, къ низу слегка выпуклый, небольшой и тонкій.

Между тунгузскими племенами на Амурѣ есть скотоводы, такъ называемые «конные», и въ небольшомъ количествѣ осѣдлые земледѣльцы. Тоже самое мы видимъ и въ Забайкальи. Въ Якутской же области тунгусы до сихъ поръ не измѣнили своего исконнаго образа жизни и не усвоили себѣ новыхъ потребностей и привычекъ, сдѣлавшись даже сосѣдями русскихъ. Они еще и теперь почти всѣ исключительно бродячіе звѣроловы ²⁾,

Послѣ кровавыхъ схватокъ съ якутами ³⁾, преданія о которыхъ Гмелинъ и Миллеръ еще слышали въ прошломъ столѣтіи, тунгусы отступили на окраины, въ горныя лѣса, богатые звѣремъ, или на безлѣсныя вершины хребтовъ и на тундры, покрытыя мохомъ и изобилующія дичью. Въ этихъ мѣ-

¹⁾ Тамъ же. Лингвистика. А. Озелакъ, стр. 106.

²⁾ По Маѣ (притоку Алдана) есть 4 рода полукочевыхъ тунгузовъ, у которыхъ скотоводство играетъ большую роль, чѣмъ звѣроловство; между ними есть даже нѣсколько человекъ, занимающихся земледѣліемъ и въ другихъ мѣстахъ якутскаго округа (въ Западно-Кангаласскомъ улусѣ) отдѣльные роды тунгузовъ рядомъ съ оленями заводятъ рогатый скотъ и селятся на одномъ мѣстѣ, оставивъ бродячій образъ жизни, но эти тунгусы, поженившись на якуткахъ, быстро якутятся, забываютъ свой языкъ и по наружности ихъ трудно отличать отъ якутовъ — только официально они числятся тунгусами (Нюрбуганскій родъ на рѣчкѣ Чинѣ, л. притокъ Лены).

³⁾ А. Шренкъ, тамъ же, ч. I, стр. 35.

стахъ, годныхъ для охоты и оленеводства, ихъ оставили въ покоѣ въ территориальномъ отношеніи, но якутскіе и русскіе торговцы слѣдовали и слѣдуютъ за ними, чтобы за безцѣнокъ отбирать результаты охоты.

По характеру и нравственнымъ качествамъ тунгусъ представляетъ собою противоположность якуту и стоитъ выше всѣхъ остальныхъ инородцевъ. Съ открытымъ, добродушнымъ и безпечнымъ лицомъ онъ сохраняетъ веселость въ нищетѣ и не унываетъ ни предъ какими бѣдами и невзгодами. Преданные ¹⁾ и услужливые до раболѣпства, тунгусы умѣютъ сохранять собственное достоинство и быть гордыми безъ чванства. Они презираютъ ложь и могутъ служить образцомъ честности. Силки, капканы, западни, самострѣлы, поставленные однимъ лицомъ, непркосновенны для другаго, чего не бываетъ у якутскихъ и русскихъ звѣролововъ, ворующихъ изъ чужихъ снарядовъ попавшагося звѣря ²⁾. Извѣстно также отношенію тунгусовъ къ своимъ долгowymъ обязательствамъ. Они свято хранятъ старыя бумажки, на которыхъ записаны долги отцовъ и дѣдовъ, сами на себя предъявляютъ эти долговые росписки кредиторамъ, пишущимъ на нихъ, что хотятъ. Тунгусъ не страшится опасности, презираетъ страданіе и не боится смерти. Ихъ можно назвать, по выраженію Роклю, героическимъ народомъ. Поэтичныя въ рѣчи и щеголеватые манеры ³⁾, тунгусы, а въ особенности тунгузки, одѣваются съ большимъ вкусомъ. Костюмъ ихъ, поражающій нерѣдко богатствомъ и состоящій изъ замши и мѣховъ, покрытъ узорами изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ сукна, лентъ, шолку, бисеру и металлическихъ блестокъ. Покрой платья съ узкой таліей весьма оригиналенъ, а рисунки на немъ, вышивки, бахромки отличаются правильностью и красотой. Если въ душѣ тунгуса въ достаточной степени развиты этическое и своеобразное эстетическое чувство, то въ ма-

---

¹⁾ Они болѣе всѣхъ инородцевъ преданы представителямъ власти и могутъ служить надежной опорой порядка. На чукотской армаркѣ на Анюѣ ламуты составляютъ для крѣпости, при ничтожной и жалкой казачьей командѣ, охранный отрядъ съ наружными караульными постоями, на случай безпорядковъ со стороны дикихъ и своевольныхъ чукчей, которые боятся небольшихъ, худенькихъ, но жѣтко стрѣляющихъ ламутовъ.

²⁾ Не могу тутъ не вспомнить характернаго факта. Проѣзжая по Верхоненскому округу на оленяхъ, мы на одномъ станкѣ обнаружили пропажу части провизіи и обратились къ ямщикамъ тунгусамъ, но они гордо и съ упрекомъ отвѣтили: «ни во якуты, это не наше дѣло». Кража, какъ потомъ оказалось, была совершена на предъидущемъ станкѣ ямщиками-якутами, которые вообще склонны къ воровству, а при видѣ съѣстнаго не могутъ устоять отъ соблазна.

³⁾ Позволю себѣ привести тутъ одну поэтическую сцену, видѣнную мной на Анюѣ-ской армаркѣ. Къ воротамъ крѣпости подѣзжаютъ въ нартахъ и верхами на оленяхъ тунгусскій таборъ. Мужчины быстро соскакиваютъ со своихъ оленей, опускаются передъ своими амазонками на одно колѣно, а на другое дама становится, слѣзая съ сѣдла. Настоящіе рыцари тундры!

терпѣливой жизни онъ является стойкомъ ¹⁾). Воздержность, умѣренность и довольство малымъ доходятъ у тунгуса до *plus ultra*. По цѣлымъ днямъ, даже во время жестокихъ морозовъ, онъ можетъ обойтись безъ пищи, сохраняя при томъ энергію и бодрость—точно продолжительный холодъ дѣйствуетъ на его тощій организмъ какъ алкоголь на желудокъ, возбуждая пищевареніе въ маленькихъ дозахъ и замедляя процессы питанія въ большихъ. Лѣтомъ, если охота плоха, тунгусъ можетъ жить ягодами тундры или мелкой рыбой горныхъ рѣчекъ. Жители горъ или, какъ здѣсь русскіе называютъ, «Каменные тунгусы», лѣтомъ удаляются отъ комара и овода на ихъ вершины, а зимой бродятъ по ущельямъ и падямъ хребтовъ. Съ топоромъ за поясомъ и кремневымъ ружьемъ и лукомъ за плечами, худой и гибкій тунгусъ быстро скользитъ на лыжахъ по поверхности глубокихъ снѣговъ или мчится по тонкому льду, слѣдуя указаніямъ своей умной собаки, ловко отыскивающей слѣдъ и тонко «хватающей духъ» звѣря.

Убивъ лося, оленя или горнаго барана и отрѣзавъ кусокъ для своего поддержанія, тунгусъ радостно отправляется за своимъ таборомъ. Жилище его (ураса) также легко какъ и его костюмъ. Оно состоитъ изъ 1—2 десятковъ тонкихъ жердей, поставленныхъ конусомъ и обтянутыхъ ровдугой (замша, выдѣланная изъ оленьихъ шкуръ), оно легко навьючивается на оленя и переносится къ мѣсту промысла. Тамъ женщины очищаютъ землю отъ снѣга, кладутъ на нее хвою, мѣста для сидѣнья устилаютъ оленьими шкурами, въ серединѣ урасы разводятъ постоянно поддерживаемый огонь, и жилье готово; но холодъ въ немъ такой, что только полярный житель въ состояніи его выносить. Покончивъ съ добычей, тунгусъ опять снимается и вѣчно такимъ образомъ бродить—онъ счелъ бы себя несчастнымъ, еслибъ ему долго пришлось сидѣть на одномъ мѣстѣ. Поэтому понятна роль тунгусскаго оленя въ качествѣ домашняго животнаго и рабочаго скота. У тунгусовъ обыкновенно нѣтъ большихъ стадъ, и немногіе изъ нихъ занимаются оленеводствомъ, какъ главнымъ промысломъ, но они умѣютъ дрессировать оленей, хорошо выѣздивъ и приспособивъ ихъ также на особыхъ сѣдлахъ къ верховой ѣздѣ, къ чему чукотскіе олени совершенно не годны ²⁾). Что же касается до звѣро-

---

¹⁾ Къ сожалѣнію надо замѣтить, что тунгусы, постоянно живущіе среди якутовъ или на приискахъ, подверглись порчѣ нравовъ, научившись лгать, обманывать и плутовать.

²⁾ Оленеводствомъ по преимуществу занимается Ламухинскій родъ, бродящій въ сѣверо-западной части Намскаго улуса Якутскаго округа у границъ Вилюйскаго, и въ извѣстной степени тунгусы Олекминскаго округа, занимающіеся доставкой на оленяхъ на прииски лѣснаго матеріала. На крайномъ сѣверѣ русскіе называютъ чукотскихъ оле-

ловства, то смѣло можно сказать, что наиболѣе значительная часть пушнины, главнымъ образомъ бѣлка, добывается въ области тунгусами. Иркутскимъ купцамъ она достается чрезъ посредство якутскихъ и русскихъ торговцевъ за табакъ, порохъ, свинцовъ, муку, посуду, цвѣтное сукно и водку, отчасти только за деньги, нужныя тунгусамъ для взноса ясака. Въ средѣ же самихъ тунгусовъ еще въ полной силѣ натуральное хозяйство; каждая семья дѣлаетъ для себя все, что ей нужно; промышленности, кромѣ выдѣлки немногихъ родовъ, никакой нѣтъ; изъ ремеслъ извѣстно только занятіе кузнеца съ его походной кузницей. Онъ выковываетъ снаряды для охоты, украшенія для одежды и принадлежности и побрякушки шаманскаго костюма. Искусство это въ большомъ почетѣ, и чаще всего кузнецъ и шаманъ совмѣщаются въ одномъ лицѣ. О христіанствѣ тунгусовъ (такъ какъ официально они все считаются православными) можно сказать, что оно еще болѣе, чѣмъ у якутовъ, состоитъ въ исполненіи по временамъ небольшого количества обрядностей, перемѣшанныхъ съ дѣйствіями шаманскаго культа.

Изъ числящихся въ Сибири 50.000 тунгусовъ въ Якутской области, по послѣднимъ даннымъ статистическаго комитета, теперь находится 9.089 человекъ, а въ 1862 году ¹⁾ ихъ числилось 10.643 чел. Уменьшеніе тунгусскаго населенія, хотя не столь значительно, какъ у другихъ мелкихъ племенъ, но оно несомнѣнно указываетъ на его вымирание (за 30 лѣтъ оно уменьшилось на 15%). Этому явленію имѣются какъ общія, такъ и частныя причины. Охотничьи племена фатально должны исчезнуть при урѣзываніи ихъ территоріи, если сами не могутъ перейти къ другой культурѣ; звѣрь сократился въ числѣ, а затѣмъ оспа и другія инфекціонныя болѣзни, принесенныя русскими, эксплуатація тунгусовъ торговцами и частыя голодовки дѣлали свое дѣло. Теперь можно найти не мало тунгусскихъ и ламутскихъ семей (особенно на сѣверѣ), совсѣмъ лишившихся оленей. Они лѣтомъ питаются рыбнымъ промысломъ на горныхъ рѣчкахъ, а зимой находятся на жалкомъ иждивеніи якутскихъ улусовъ, въ управамъ которыхъ они приписаны, будучи распределены по юртамъ, какъ поселенцы; но, не въ примѣръ послѣднимъ, они за скудную пищу исправляютъ всякаго рода работы. На крайнемъ сѣверѣ такіе обнищавые тунгусы нанимаются у якутовъ—содержателей станковъ

ной «дикими» или «каргенами» (каргень по чукотски олень), на которыхъ можно ѣздить только въ санкахъ, и они не такъ выносливы, а тунгусскихъ—«сѣжалыми». Эти оба рода оленей отличаются между собою не только воспитаніемъ, но и наружностью и строеніемъ. Чукотскіе олени темнѣе цвѣтомъ, длиннѣе тѣломъ, короче ногами и неуклюжѣ тунгусскихъ.

¹⁾ Памятная книжка Якутской области 1863 г.

въ ямщики къ оленямъ, въ пастухи къ чукотскимъ стадамъ и служатъ переводчиками между чучами съ одной стороны и прѣвѣжающими на тундру для торга съ ними якутами и русскими—съ другой. Изъ этого можно видѣть, что у тунгусовъ есть способность къ усвоенію діалектовъ совершенно различныхъ лингвистическихъ группъ. Большинство тунгусовъ знаетъ якутскій языкъ, многіе объясняются по русски, а сѣверные тунгусы научились и по чувотски. Ламуты, живущіе съ юкагирами, говорятъ по юкагирски (въ верховьяхъ Колымы).

Остается еще сказать кое-что о ламутахъ. Такъ называютъ нѣсколько тунгусскихъ колѣвъ, кочующихъ по Верхоянскому и Колымскому округамъ. Ламутъ происходитъ отъ тунгусскаго слова ламъ, означающаго море; этимъ именемъ окрестили сначала тунгусовъ, пришедшихъ къ Охотскому морю и поселившихся тамъ, обратившись по большей части въ осѣдлыхъ рыболововъ. Пришли-ли ламуты крайняго сѣвера въ упомянутые округа изъ Приморской области черезъ Становыя горы или съ юга черезъ Верхоянскій хребетъ и названы тоже ламутами по близости ихъ отъ Ледовитаго океана — неизвѣстно; но по образу жизни они расходятся съ приморскими ламутами, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ тунгусовъ Якутской области. Ихъ теперь считаютъ въ Области 2.126 человекъ.

Юкагиры и Чуванцы.

Въ то время какъ описанныя уже племена считаются пришлыми, юкагировъ можно назвать коренными обитателями крайняго сѣверо-востока. По сохранившимся преданіямъ они составляли когда-то многочисленный народъ, территория котораго распространялась далеко на югъ, а на сѣверѣ они вели борьбу съ сильнымъ чукотскимъ народомъ, пока съ юга не стали напирать на нихъ сначала тунгусы, а потомъ якуты, и не двинулись на нихъ съ двухъ сторонъ русскіе—съ сѣвера моремъ, съ юга черезъ горы. При первомъ столкновеніи русскихъ съ юкагирами (въ началѣ XVII-го столѣтія) послѣдніе пережили каменный вѣкъ, не зная еще употребленія металловъ и не обладая искусствомъ варить пищу. Воду еще кипятили въ деревянныхъ корытахъ помощью раскаленныхъ камней. Путешественникъ Геденштромъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашелъ еще на островахъ Ледовитаго океана слѣды землянокъ и орудій каменнаго вѣка вымершихъ или убожавшихъ юкагировъ ¹⁾.

¹⁾ Геденштромъ. Отрывки о Сибири. Сиб. 1830 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ наружности юкагировъ мы находимъ не мало признаковъ монгольской расы, какъ болѣе или менѣе выдающіяся скулы или косясающія глаза, но цвѣтъ (болѣе свѣтлый) и очертанія лица и форма головы отличаются значительнымъ своеобразіемъ. Въ вопросѣ о родствѣ юкагировъ съ какою-либо изъ Урало-Алтайскихъ группъ существуетъ между учеными разногласіе. Гмелинъ причисляетъ ихъ къ тюркамъ; Виллингсъ и Миддендорфъ къ тунгусамъ; Пешель называетъ ихъ азіатами неопредѣленнаго этнографическаго характера (*Nordasiaten von unbestimmter sistematischer Stellung*) ¹⁾. Академикъ Шифнеръ, подвергнувъ научному изслѣдованію образчики юкагирскаго языка, собранные барономъ Майделемъ (въ 1868—1870 гг.), пришелъ къ заключенію, что по діалекту юкагиры составляютъ особый народъ среди Сибирскихъ инородцевъ ²⁾. Точно также и Шренкъ ³⁾ причисляетъ ихъ по языку къ народамъ-особнякамъ Азіи. Врангель на основаніи слышаннаго имъ на Колымѣ преданія ⁴⁾ сообщаетъ объ исчезнувшемъ теперь народѣ Омоковъ, какъ о древнихъ обитателяхъ сѣверо-востока Сибири. Геденштромъ ⁵⁾ полагаетъ, что юкагиры суть остатки этихъ Омоковъ, а бывшій чувотскій миссіонеръ св. Аргентовъ слышалъ отъ самихъ юкагировъ, что Омоки были ихъ предками ⁶⁾. Преданіе это мы часто встрѣчаемъ въ научной литературѣ по народовѣднію, какъ нѣчто установленное, а между тѣмъ слово Омокъ само по себѣ есть пустой звукъ безъ этнографическаго содержанія. Нѣтъ сомнѣнія, что особаго народа подъ именемъ омоковъ никогда не существовало. Преданіе же о происхожденіи юкагировъ отъ какихъ-то Омоковъ можно объяснить лексически. Якуты словомъ Омукъ обозначаютъ всякаго чужаго человека. «Омукъ» якутъ говоритъ не только объ иноплеменникѣ, но и о другомъ якутѣ другаго улуса, другаго рода и даже другаго мѣстожительства, чѣмъ онъ самъ. Якуты по приходѣ въ Якутскую область несомнѣнно этимъ словомъ окрестили всѣхъ ея прежнихъ обитателей, въ томъ числѣ и юкагировъ. Въ памяти же послѣднихъ и русскихъ все это перепуталось и якутскимъ словомъ чу ж о й стали именовать своихъ предковъ сами юкагиры.

Изъ юкагировъ, бывшихъ нѣкогда богатыми оленеводами и звѣроловами, сохранили еще небольшія стада юкагиры Верхоянскаго округа, которые бро-

¹⁾ O. P e s c h e l. *Völkerrkunde*. Leipzig 1874. S. 413.

²⁾ Schiefner. *Bar. G. v. Maydell's jakagrische Sprachproben*. Bull. de l'Acad. Imp. des Sc. T. XVII, p. 86.

³⁾ Ш р е н к ъ, тамъ-же, стр. 256.

⁴⁾ В р а н г е л ь. Путешествіе по сѣв. бер. Сибири и по Ледовитому морю. Ч. II. Сиб. 1841 г., стр. 81.

⁵⁾ Отрывки о Сибири, стр. 97.

⁶⁾ Звѣздки Сиб. Отд. Импер. Русс. Геогр. Общ. 1857 г., кн. IV.

дять на тундрѣ между рр. Яной и Индигиркой, подходя близко для обмѣна въ селенію Усть-Янскъ. Юкагиры же Колымскаго округа давно лишлись своихъ стадъ ¹⁾. Тѣ изъ нихъ, которые обитаютъ въ низовьяхъ Колымы, занимаются главнымъ образомъ рыболовствомъ и отчасти только звѣроловствомъ. Юкагиры верховьевъ Колымы ведутъ кочевой образъ жизни, живя селеніями по рр. Карводону и Ясачной (притоки Колымы) и перекочевывая съ одного мѣста на другое сообразно времени года. Они питаются рыбой и звѣринымъ промысломъ, употребляя также въ пищу мясо бѣлки, какъ ламуты ²⁾. Изъ юкагировъ болѣе сохранили свои національныя черты бродячіе Верхоянскаго округа; юкагиры верховьевъ Колымы кочуютъ и живутъ вмѣстѣ съ ламутами, языкъ которыхъ и нравы перемѣшались съ юкагирскими, а на нижнемъ ея теченіи и по р. Омолону они окончательно обрусьли, забыли родной языкъ, сдѣлались осѣдлыми рыбаками. живутъ отдѣльными селеніями въ русскихъ домахъ или среди русскихъ и точно такъ же, какъ и послѣдніе, зимой, когда рыбныя запасы выходятъ, зависятъ въ своемъ пропитаніи отъ оленеводовъ чукчей. Болѣе жалкое существованіе чѣмъ жизнь этихъ ихтиофаговъ, трудно себѣ представить, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекратился обильный оленій промыселъ, описанный въ концѣ прошлаго столѣтія капитаномъ Биллингомъ ³⁾ и въ началѣ нынѣшняго Врангелемъ ⁴⁾, при которомъ промыселъ этотъ уже сталъ падать. Весной дикіе олени выходили изъ тайги отъ комаровъ и, переплывая рѣки, направлялись на сѣверныя тундры, а осенью возвращались. Они ходили стадами въ нѣсколько сотъ головъ. Главное мѣсто переправы была р. Анюй ⁵⁾. Когда стадо оленей, тихо слѣдуя за вожатымъ, достигало середины рѣки, изъ засадъ съ крикомъ выплывало въ легкихъ челнокахъ (вѣткахъ) общество охотниковъ, окружало стадо и, пользуясь его замѣшательствомъ, съ опасностью для собственной

---

¹⁾ Сѣвернаго оленя инородцы лишлись съ незапамятныхъ временъ. Лишившись отъ нужды, голода или падежа своихъ оленей, инородецъ долженъ оставить оленеводство. По свидѣтельству Маака (Виллюйснй окр., стр. 154, ч. III) всѣ попытки Виллюйскихъ тунгусовъ приручить дѣтоншней дикихъ оленей не увѣнчались успѣхомъ. Вотъ почему потеря стадъ сопряжена съ вымираніемъ или переходомъ къ другой культурѣ.

²⁾ Изъ промысловъ этихъ юкагировъ надо еще отмѣтить приготовленіе лодокъ и карбасовъ, на которыхъ якуты-подрядчики сплавляютъ казенную кладь, а затѣмъ продаютъ ихъ рыбакамъ средняго и нижняго теченія Колымы, гдѣ нѣтъ подходящаго лѣса для ихъ построекъ или вовсе нѣтъ лѣса.

³⁾ Путешествіе капитана Биллинга черезъ Чукот. землю. Спб. 1811.

⁴⁾ Путешествіе и т. д., ч. II, стр. 87.

⁵⁾ И теперь олени бѣгутъ весной къ морю, но въ маломъ количествѣ, небольшими группами и разными путями. Есть родъ оленей, который не уходитъ съ тундры и котловинъ тамъ русскіе называютъ «стоячими».

жизни, колото направо и налѣво рогатинами (пальмами) и просто ножами, мѣтко нанося, въ пылу охотничьихъ страстей, смертельные удары, пока рѣва не покрывалась трупами испуганныхъ животныхъ и вода не дѣлалась красной отъ крови. Охота эта носила артельный характеръ, и каждая семья обыкновенно получала за весну и осень до 100 оленей. Теперь же юкагирь счастливъ, если ему весной удастся убить на рѣкѣ 2—3 оленей. Въ то время, о которомъ старики рассказывали мнѣ съ восторгомъ и горькимъ сожалѣніемъ, берега Анюя были покрыты заимками русскихъ, жилищами юкагировъ и урасами ламутовъ, а во время экспедиціи барона Майделя (1868—1870) они уже были безлюдны и пустынно. Я проѣзжалъ по Анюю весной 1890 года и мѣстами видѣлъ еще слѣды разрушенныхъ избъ, балагановъ, воздушныхъ амбарчиковъ (стоящихъ на сѣверѣ на высокихъ столбахъ для защиты запасной провизіи вообще или во время ея выленія отъ аппетита господъ медвѣдей), а въ сторонѣ отъ дороги, какъ мнѣ говорили, встрѣчаются еще остатки висачихъ ламутскихъ могилъ (арангасы). На прекращеніе этого промысла и смотреть, какъ на одну изъ главныхъ причинъ вымирания юкагировъ и другихъ жителей Нижне-Колымскаго края ¹⁾.

Но тоже явленіе вымирания мы видимъ у всѣхъ юкагировъ. Слѣдующія данныя могутъ служить прекрасной иллюстраціей. Въ 1862 году юкагировъ въ области еще считалось 1.518 человекъ ²⁾, а теперь ихъ числится всего 436 ч., такъ что въ теченіе 30 лѣтъ юкагирское населеніе уменьшилось на 71 0/0.

Нельзя тутъ не упомянуть еще о Чуванцахъ, народъ тоже нѣкогда многочисленномъ, бывшихъ въ союзѣ съ юкагирами противъ свирѣпыхъ чукчей, вытѣснившихъ ихъ съ береговъ Анадыра. О чуванцахъ мы теперь встрѣчаемъ свѣдѣнія только въ официальныхъ отчетахъ, но не въ руководствахъ по народовѣдѣнію и лингвистикѣ; о нихъ даже не упоминается въ Географическомъ Словарѣ Россійской Имперіи Семенова. Нѣтъ сомнѣнія, что чуванцы больше не существуютъ, какъ отдѣльный народъ, такъ какъ остатки его отчасти обрусѣли, отчасти подверглись вліянію другихъ инородцевъ или даже смѣшались съ ними.

---

¹⁾ Чтобы судить о вымирании юкагировъ, любопытно привести одну цифру не официального характера. При впадении р. Омолона въ Колыму живетъ Омолонскій юкагирскій годь. Всѣхъ зовутъ Востряковыми, такъ что фамилія относится къ роду, а не къ лицамъ. Когда я былъ въ 1891 году въ ихъ селеніи, староста Федотъ жаловался на тяжелыя времена и рассказывалъ, что во время 10-й народной переписи въ 1859 году у нихъ было 54 взрослыхъ мужчинъ (отъ 18 до 55 лѣтъ), платящихъ ясакъ. Они тогда были обложены по 1 р. 30 к. съ души, а теперь осталось 6 плательщиковъ, и общество должно вносить полный окладъ.

²⁾ Памят. Книжка Якут. Обл. за 1863 г.

Въ Колымскомъ округѣ отъ нихъ теперь осталось небольшое осѣдлое общество въ г. Нижне-Колымскѣ, вполне обрусѣвшее и одинъ родъ, бродящій въ востокъ отъ Колымы по одной территоріи съ оленными чукчами, вліянію которыхъ они подпали: они ведутъ такой же образъ жизни, какъ чукчи и охотно выдаютъ за нихъ своихъ женщинъ ¹⁾.

По свѣдѣніямъ 1862 г. ихъ всего числилось въ округѣ 259, а теперь только 143 чел. ²⁾.

Номного обрусѣвшихъ или окорячившихся (т. е. живущихъ съ оленными коряками, которыхъ теперь уже нѣтъ въ Якутской области) юкагировъ и чуванцевъ находится въ Гижигинскомъ округѣ и Анадырскомъ краѣ.

Ч у к и.

Чукчи, исконные враги юкагировъ, тоже составляютъ первобытное населеніе крайняго сѣверо-востока Азіи, населеніе живучее, сохранившее свою независимость, оградившее свой языкъ, нравы, бытъ, отчасти и территорію отъ напора коряковъ, юкагировъ, тунгусовъ, якутовъ и русскихъ, населеніе, царствующее на тундрахъ и скалахъ сѣверо-востока Азіи. Занимая площадь, равную Франціи, вмѣстѣ съ Апеннинскимъ полуостровомъ—отъ Берингова моря до Индигирки и отъ Ледовитаго океана до р.р. Анадыра и Аноя—чукотское племя, какъ бродячее, не велико количествомъ. Сколько всего чукчей даже приблизительно неизвѣстно, такъ какъ сами чукчи очень плохіе счетчики и никому изъ путешественниковъ или администраторовъ до сихъ поръ еще не удавалось привести въ извѣстность ихъ число; всѣ же цыфры, приводимыя

---

¹⁾ По сообщенію совѣтника Областнаго Правленія Д. И. Меликова, имѣвшего недавно возможность видѣть нѣкоторыхъ представителей этого рода, они свѣтло- или рыжеволосы, съ овальнымъ складомъ лица и широкимъ разрѣзомъ глазъ, не смотря на сгращиваніе ихъ съ чукчами. Также самое мнѣ говорили о наружности юкагировъ Верхоянскаго округа. Изъ этого видно, какой глубокой интересъ эти исчезающія племена представляютъ для антропологовъ.

²⁾ Фельетонистъ «Русскихъ Вѣдомостей», г. Діонео, сообщаетъ въ № 39 1893 года, что онъ видѣлъ «п о с л ѣ д н я г о» чуванца, а въ № 134, онъ называетъ его по имени—Теодоръ Лычнинъ; но такъ какъ Теодоръ Лычнинъ въ прошломъ году умеръ, то теперь не должно быть ни одного чуванца. Но дѣло въ томъ, что Теодоръ былъ послѣднимъ изъ рода Лычнинныхъ, жившихъ нѣкогда на Большой рѣкѣ, и если бы г. Діонео серьезно относился къ тому, о чемъ писалъ, то онъ бы на Колымѣ видѣлъ не одного только чуванца, а зналъ бы, что на Анойскую ярмарку приходятъ изъ Анадырска чуванцы и коряки. Смерть рода Лычнинныхъ произошла двумя путями: дѣйствительнымъ вымираніемъ его членовъ и переходомъ женщинъ въ другія общества. Теодоръ былъ женатъ на юкагирѣ, а дочь его вышла за русскаго и ея потомство, если оно будетъ, уже будетъ числиться русскимъ.

географами вполне гадательныя. Какъ, напр., добыто число въ 12.000 чел., приводимое Венюковымъ въ этнографич. картѣ Россіи? Въ Географич. словарь Семенова число чукчей показано въ 100.000 чел., но это, вѣроятно, опечатка. Вслѣдствіе предписанія Сибирскаго губернатора въ 1710 г. «были отобраны отъ Анадырскихъ властей показанія», по которымъ «число чукотскаго племени по разнымъ сказкамъ было отъ 3.500 до 4.500 чел.». По соображеніямъ капитана Биллингса ¹⁾, въ концѣ прошлаго столѣтія ихъ было 10.000 чел. Спутникъ Норденшильда Вове ²⁾ полагаетъ, что численность этой народности не превышаетъ теперь 3—5 тысячъ человѣкъ. Другой же спутникъ Норденшильда Нордвистъ ³⁾ опредѣлилъ однихъ береговыхъ чукчей, наименѣе значительную ихъ часть, въ 2.000 ч. На вопросъ, заданный мной черезъ переводчика чукотскому старшинѣ Арарѣ ⁴⁾: сколько оленныхъ чукчей, онъ, подумавши, отвѣтилъ: «много, мы на тундрѣ все равно, что комары». Если это показаніе своимъ сравненіемъ сильно преувеличено, то относительно своей точности (за исключеніемъ только цифры Нордвиста, приблизительно вѣрной) оно едва-ли уступаетъ другимъ даннымъ. Одно можно сказать: если этотъ народъ не увеличился числомъ, то онъ во всякомъ случаѣ не вымираетъ, упорствуя передъ природой и отражая натискъ другихъ народовъ.

По языку, чукчи, вмѣстѣ съ родственными имъ коряками и нѣкоторыми жителями острововъ Берингова моря, принадлежатъ къ тѣмъ-же народамъ-особнякамъ, по классификаціи лингвистовъ къ гиперборейцамъ, а по терминологіи академика Шренка ⁵⁾ къ палеазійскимъ народамъ, такъ какъ, по его мнѣнію, все народцы крайняго сѣверо-востока съ ихъ нарѣчіями, которыхъ нельзя отнести къ той или другой изъ извѣстныхъ лингвистическихъ группъ и не имѣющихъ также родства между собой, суть остатки наиболѣе древнихъ и многочисленныхъ южныхъ народовъ, уцѣлѣвшіе потому только, что изолировались отъ напиравшихъ на нихъ съ юга племенъ, удалившихся на край материка.

По своимъ физическимъ свойствамъ, чукчи представляютъ собою, можно сказать, этнографическій мостъ между монгольской и американской расами. Преобладающимъ типомъ у нихъ всетаки остается монгольскій, но часто можно

---

¹⁾ Путешествіе капитана Биллингса.

²⁾ Р е к л ю. Азіатская Россія.

³⁾ Записки о численности и нынѣшнемъ положеніи чукчей, живущихъ по берегу Ледовитаго океана. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XVII, в. II, стр. 95.

⁴⁾ Это самый богатый и староста чукчей, живущихъ между Большою и Индигиркой. Имѣетъ кортикъ, медаль и американскую золотую медаль за спасеніе экипажа «Жанетты».

⁵⁾ Объ иноподдахъ Амура, стр. 257.

встрѣтить чукчей, у которыхъ монгольскія черты едва замѣтны, и, вмѣсто смуглой или желто-бурой окраски кожи, цвѣтъ лица переходитъ въ мѣдно-красный, а носъ выдающийся, тонкій и круглый. Это можетъ служить указаніемъ на давнишнія сношенія сѣверо-восточныхъ азіатовъ съ американскими племенами, но и на то, что смѣшеніе ихъ съ монголами происходило сильнѣе и чаще. Точно также въ мнѣніяхъ путешественниковъ о первоначальной родинѣ чукчей существуетъ разногласіе. Бове думаетъ, что се слѣдуетъ искать въ бассейнѣ Амура, а Нейманъ ¹⁾ полагаетъ, что чукчи пришли изъ сѣверныхъ странъ Нового Свѣта. Какъ видно, вопросъ этотъ еще подлежитъ изслѣдованію специалистовъ. Отличаются также противорѣчіемъ мнѣнія однихъ и тѣхъ же путешественниковъ (какъ у Неймана) о томъ, что сидячіе (береговые) чукчи отличаются отъ оленныхъ не только образомъ жизни, но и нарѣчіями, и въ тоже время говорятъ, что въ береговые чукчи идутъ обѣднѣшіе и лишившіеся своихъ стадъ оленины.

По роду занятій можно раздѣлить чукчей на сидячихъ (анкальнѣ), живущихъ селеніями по всему побережью Ледовитаго океана отъ Шалахскаго мыса до Чукотскаго носа, отчасти также отъ носа до Анадырской губы, оленныхъ (чавча), бродящихъ по Берингову полуострову, въ бассейнахъ рѣкъ Анадыра (по лѣвому берегу), Чауна и Колымы (въ нижнемъ теченіи) и на сѣверѣ такъ называемой Большой тундры между Колымой и Индигиркой, и торговыхъ или носовыхъ (каварѣмкитѣ).

Первые имѣютъ собачье хозяйство, занимаются промысломъ тюленей (нерпѣ), моржей, бѣлыхъ медвѣдей и полярныхъ лисицъ (песцовъ); нерѣдко находятъ мамонтовые бивни и китовый усъ. Промыслами этими они питаютъ себя и собакъ и въ обмѣнъ на ихъ продукты (между которыми особенную роль играютъ моржовые ремни) получаютъ отъ бродячихъ чукчей оленины шкуры на одежду, обувь и жилище (пологъ), а отъ русскихъ табакъ, котлы, чайники и чай. Вторые, образуя главную массу чукчей, суть настоящіе пастухи оленоводы съ многочисленными стадами въ тысячи и десятки тысячъ головъ, счетъ которымъ хозяева не знаютъ. Въ оленѣ вся жизнь чукчи; онъ доставляетъ ему пищу, одежду, жилье, освѣщеніе, отопленіе (бѣлый мохъ, налитанный жиромъ, освѣщаетъ и грѣетъ пологъ), средство для обмѣна и рабочей скотъ для кочевокъ. Чукчи плохіе стрѣлки и плохіе охотники, можетъ быть потому, что большей частью кочуютъ по безлѣсной тундрѣ или

¹⁾ Извѣстія Спб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. I, № 4 и 5.

голымъ скалистымъ отрогамъ Становаго хребта ¹⁾, гдѣ звѣрь рѣдокъ. Они тяжелѣе на подъемъ, чѣмъ звѣроловы тунгусы; они охотно сидятъ на одномъ мѣстѣ, если истощеніе оленьей отавы не заставляетъ ихъ искать другой. Третьи кочуютъ около Чукотскаго носа, гдѣ имѣютъ сношенія съ американскими китоловами и откуда ѣздятъ для торга съ такъ называемыми Кыргаулями ²⁾ и другими эскимосскими племенами острововъ и сѣверо-западныхъ береговъ Америки и съ русскими въ селеніе Марково Анадырскаго края и Анюйскую крѣпость въ Колымскомъ округѣ. Въ Колымскомъ округѣ кочуютъ только оленные чукчи, такъ какъ границей этого округа считается рѣка Чаунъ, до котораго нѣтъ береговыхъ чукчей.

Первое извѣстіе о чукчахъ доставилъ въ Якутскъ казакъ Стадухинъ, основавшій въ 1644 г. Нижне-Колымскій острогъ. Въ то время чукчи кочевали какъ на востокъ, такъ и на западъ отъ р. Колымы. Послѣ кровавыхъ битвъ съ русскими чукчи удалились съ лѣваго берега Колымы, оставивъ свидѣтельствомъ своего древняго тамъ пребыванія названіе рѣкъ Малой и Большой Чукочей и оттѣснивъ въ свою очередь сидячее эскимосское племя Намолловъ съ сѣверныхъ береговъ Азіи къ Берингову морю. Съ тѣхъ поръ, можно сказать, Колыма служила естественной нашею границей на западъ отъ чукотской территоріи (какъ р. Анадырь въ Приморской области на югѣ), подвергаясь по временамъ нападеніямъ и вторженіямъ воинственныхъ чукчей, ни за что не желавшихъ потерять свою независимость и быть объясченными ³⁾. Къ востоку отъ Чауна чукчи и теперь еще считаются независимыми отъ Россіи ⁴⁾. Когда чукчи убѣдились, что русское правительство не имѣетъ намѣренія насильственно ихъ подчинять, они начали мирныя сношенія съ рус-

---

¹⁾ Линія сѣвернаго предѣла лѣса доходитъ по Ленѣ до 72° с. ш., по Колымѣ до 69° с. ш., а дальше на востокъ опускается до 66° и даже 65° с. ш. и весь крайній сѣверо-востокъ представляетъ собой гористую мѣстность, скалы которой мѣстами вдаются въ Ледовитый океанъ.

²⁾ Въ литературѣ нерѣдко упоминаются Кыргаули или Емыргаули, съ которыми чукчи ведутъ торгъ, какъ особый народъ. Это приводится, конечно, со словъ чукчей (что и мнѣ пришлось слышать); на самомъ же дѣлѣ это вообще эскимосы острововъ Берингова моря, и нѣтъ сомнѣнія, что наваніе это происходитъ отъ чукотскаго слова «кыргиль», равносильное якутскому «омукъ» — чужой, иностранннй. Напр. «К и р г и л ь - т а б а в ь зъ» по чукотски — черкасскій (или русскій) табакъ.

³⁾ Изъ исторіи извѣстно, съ какимъ упорствомъ вседѣ горныя племена отстаивали свою свободу. Тѣмъ болѣе трудностей для военныхъ дѣйствій представляли холодные, голые или покрытые мохомъ и лишаями, скалистые отроги Становаго хребта. Поэтому понятно отступленіе чукчей отъ западныхъ береговъ Колымы, образующихъ отлогую тундру съ небольшими возвышеніями.

⁴⁾ Въ законахъ о состояніяхъ чукчи причисляются къ инородцамъ не совершенно зависящимъ отъ Россіи (ст. ст. 857, 858 и 860).

скими на почвѣ торговли, этого могущественнаго рычага сближенія народовъ, и стали со своими стойбищами близко прикочевывать къ русскимъ селеніямъ и заимкамъ ¹⁾, оставивъ взаимныя опасенія, но будучи все таки на сторожѣ. Въ 1857 г. Эрэмъ оленныхъ чукчей Амвраургинъ просилъ у ревизовавшаго округъ чиновника Шевелева дозволенія перейти со своими табунами на лѣвый берегъ Колымы. Дозволеніе было ему дано. Въ 1858 г. пріѣзжалъ въ Якутскъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ одинъ изъ чукотскихъ старшинъ Хотто, обѣщавшій прислать на воспитаніе своего сына, но обѣщанія этого онъ не исполнилъ. Тогда же и была выработана форма присяги на русское подданство на чукотскомъ и русскомъ языкахъ и отпечатана въ числѣ 50 экземпляровъ. Съ тѣхъ поръ посредствомъ ласки и подарковъ происходили отдѣльные случаи привлеченія въ русское подданство чукчей — привлеченія фактически ничего не измѣниваго въ отношеніяхъ чукчей къ властямъ, но способствовавшаго все таки сближенію ихъ съ русскими. Въ 1869 г. въ бытность такъ называемой чукотской экспедиціи подъ начальствомъ бар. Майделя, принявшихъ подданство Россіи уже числилось 5 родовъ, которые бар. Майделемъ были обложены ясакомъ по 1 рублю съ души (въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ) и такихъ душъ (не считая, значитъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ) тогда было 247, соотвѣтственно чему количество ясака равнялось 247 руб. То же число чукчей и то же количество ясака продолжаетъ числиться безъ измѣненія въ позднѣйшихъ официальныхъ отчетахъ, а между тѣмъ количество чукчей въ Колымскомъ округѣ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ отъ Колымы довольно значительно ²⁾. На вопросъ же: сколько ихъ? можно отвѣтить только, что пока это и приблизительно еще не извѣстно.

Оставивъ вопросъ о количествѣ для статистики будущаго, я перейду къ вопросу о сношеніяхъ чукчей Колымскаго округа съ русскими. Есть указанія на то, что въ промежуткахъ между битвами русскіе промышленники по временамъ завязывали торговый обмѣнъ съ чукчами. Кеннанъ рассказываетъ, что вначалѣ чукчи предлагали свои товары на остріяхъ своихъ копій и обмѣнъ

---

¹⁾ Слѣдующія историческія данныя суть извлеченія изъ архивныхъ матеріаловъ, собранныхъ мной для составленія отдѣльнаго очерка по исторіи сношеній русскихъ съ чукчами.

²⁾ Если даже возьмемъ данныя, собранныя бар. Майделемъ, то получимъ, что въ 1870 г. по одной тундрѣ между Индигаркой и Колымой уже было 88 семействъ съ 419 чел. одного мужского пола (изъ бумагъ Нижне-Колымскаго архива). По переписи, произведенной миссіонеромъ о. Аргентовымъ въ 1851 и 1852 гг., въ одномъ Чаунскомъ приходѣ было 94 семейства съ 666 мужчинами и 510 женщинами. При чемъ часть чукотскихъ семействъ этого района не вошли въ перепись (Записки Сибирскаго Отдѣла Имп. Русс. Географич. Общ. 1857 г., кн. III. Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода Аргентова).

производился въ полномъ вооруженіи съ обѣихъ сторонъ. Въ 1770 г., послѣ неудачной чукотской кампаніи Шестакова, смерти Павлуцкаго и многочисленныхъ стычекъ съ чукчами, Анадырскій острогъ, откуда предпринимались военныя дѣйствія противъ чукчей, и который терпѣлъ не мало отъ осадъ и нападеній, былъ уничтоженъ, команда переведена въ Нижне-Колымскъ, и чукчи, освободившись отъ воинственнаго сосѣда, сдѣлались менѣе злобными. Познакомившись съ русскими привозными товарами, наиболѣе простыми продуктами русской культуры, какъ желѣзныя орудія, котлы, посуда, мѣдные чайники и т. д. и отвѣдавъ табакъ и водки, они, хотя съ опаской и всегда готовые на бой, стали подходить ближе къ берегамъ Колымы, на которыхъ сосредоточилось русское населеніе, для обмѣна своихъ оленьихъ шкуръ и мѣховъ на русскіе товары. Первоначальнымъ мѣстомъ для торга, по указанію Зашиверскаго комиссара Ваннега (въ 1775 г.), была выбрана рѣчка Ангарка, притокъ Большого Анкя, гдѣ была построена Ангарская крѣпостца. Впослѣдствіи она была перенесена на островъ Малаго Анкя и названа Островной, но въ 1848 г. разливъ рѣки снесъ часть острова и крѣпость съ ярмаркой перевели на 10 в. ниже, на живописный угоръ лѣваго берега М. Анкя. На этомъ мѣстѣ и теперь крѣпость стоитъ и называется Анкюйской, но мѣстные жители по традиціи продолжаютъ ее именовать Островной. Она находится въ 250 верстахъ отъ Нижне-Колымска на OSO отъ него.

Въ первое время въ крѣпостцу посылался на время ярмарки изъ Нижняго значительный отрядъ казаковъ, а теперь ежегодно командуются на ярмарку 4—5 казаковъ, незнакомыхъ съ употребленіемъ оружія. Въ первой половинѣ этого столѣтія крѣпость еще была постоянно обитаема нѣсколькими семействами, въ ихъ числѣ былъ присяжный чукотскій переводчикъ и казачій сотникъ; теперь крѣпостца,—окруженная оградой, имѣющей видъ многоугольника и сложенной на пазахъ изъ тонкоствольныхъ листовницъ, съ башенкой надъ воротами, маленькой часовней, караульнымъ домомъ, десятковъ жалкихъ срубовъ для жилья и рядомъ лавочекъ и ларей,—тихо покоится на откосѣ горы—лѣтомъ убаюкиваемая шумомъ разливающегося Анкя, а зимой обсыпанная кругомъ снѣгомъ и только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на 5—6 дней она стряхиваетъ съ себя снѣгъ и воскресаетъ подобно мертвой царевнѣ: внѣ и внутри нея оживленное движеніе—кругомъ крѣпостцы раскинуты стойбища бродячихъ племенъ со стадами оленей, а въ оградѣ помѣщаются русскіе съ сотнями вѣдвыхъ собакъ и товарами для обмѣна.

Чтобы не выйти изъ рамокъ настоящаго очерка, я не могу подробно распространяться объ исторіи этихъ торговыхъ сношеній. Сначала на каждой ярмаркѣ устанавливались по соглашенію между русскими купцами и чукчами

подъ наблюдениемъ комиссаровъ, правила для обмѣна и опредѣлялась мѣновая единица. Въ 1811 г. Иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ, по примѣру правилъ, установленныхъ правительствомъ (въ 1800 г) для Кяхтинской торговли, были установлены также правила для Анюйской ярмарки. Въ нихъ роль мѣновой единицы играла красная лисица, и опредѣлялось, сколько лисицъ дается за известный предметъ или вѣсъ, или за сколько красныхъ лисицъ принимается тотъ или другой мѣхъ ¹⁾. Правила эти существовали до 1869 г., когда бар. Майдель въ видѣ опыта допустилъ вольную торговлю. Слѣдующій за нимъ исправникъ возстановилъ прежній порядокъ и представилъ проектъ новыхъ правилъ, но по заключенію министра финансовъ (отъ 27 апр. 1875 г.) правила эти были отклонены, какъ стѣснительныя для инородцевъ, и съ тѣхъ поръ вольный торгъ больше не нарушался. Характеръ торговли отъ того, что она стала свободной, не измѣнился и теперь. Для предметовъ издавна обращающихся на ярмаркѣ (какъ желѣзные издѣлія, табакъ и др.), сравнительной единицей обмѣна, какъ по традиціи, такъ и для удобства, продолжаетъ служить лисица, — ибо понятія о цѣнахъ (т. е. мѣновомъ отношеніи предметовъ къ деньгамъ), денежныхъ знакахъ и представленія объ ихъ надобности чукчи до сихъ поръ не имѣютъ,—только никто не обязанъ придерживаться какой-либо мѣновой таксы, отступленіе отъ которой для русскихъ наказывалось раньше запрещеніемъ торговать въ теченіе одной или больше ярмарокъ. Но когда дѣло идетъ о новинкахъ, то ихъ мѣновая цѣнность (т. е. количественное отношеніе, въ которомъ одинъ предметъ обмѣнивается на другой) опредѣляется главнымъ образомъ впечатлѣніемъ, какое онѣ произвели на глазъ дикаря.

¹⁾ Ежегодно передъ выѣздомъ изъ Нижне-Колымска въ Островную крѣпость торговцы выбирали изъ своей среды ярмарочныхъ старшинъ, пересматривавшихъ мѣновую таксу, наблюдавшихъ на ярмаркѣ за ея исполненіемъ и каравшихъ нарушителей, т. е. тѣхъ, которые давали чукчамъ за мѣхъ больше, чѣмъ полагалось по таксѣ. Наказаніе, приводившееся въ исполненіе полицейской властью, доходило иной разъ до запрещенія провинившемуся торговать на ярмаркѣ на всегда. Торговые старшины передъ выходомъ въ Островную составляли «актъ», который подписывался купцами и «кредитованными мѣщанами» (прикащиками).

Изъ имѣющагося у насъ акта за 1832 годъ мы приведемъ тутъ мѣновую таксу:

1 пудъ чоркаскаго табаку = 10 краснымъ лисицамъ; 1 п. желѣзныхъ котловъ = то же; 1 п. мѣдныхъ котловъ = 20 краснымъ лисицамъ; 1 мѣдный чайникъ = 1 красной лисицѣ; 1 топоръ желѣзный = 2 песцамъ или 2 моржовымъ влякамъ; 1 желѣзный ковшъ = 1 песцу или свитку моржовыхъ ремней; 1 пальма (небольшая рогатина) = то же; 1 ножъ = 1 выпоротку; 20 красныхъ лисицъ = 1 чернобурой лисицѣ; 4 крас. лис. 1 = бобру; 3 крас. лисицы = 1 рысу; 2 крас. лисицы = 1 сивоушкѣ или 1 выдрѣ; 1 красная лисица = 3 куницамъ, 4 песцамъ, 4 моржовымъ зубамъ, 4 пыжикамъ, 15 выпороткамъ, 1 черной или бѣлой медвѣдицѣ.

На ярмарку оленные чукчи доставляютъ одежду изъ оленьихъ шкуръ, шкуры, ровдугу, живыхъ оленей на убой и въ небольшомъ количествѣ полярныхъ и другихъ лисицъ; сидячіе—тюленья шкуры, моржовые ремни, кльжи, китовый усъ, бѣлыхъ медвѣдей и песцовъ; носовые—дорогіе мѣха (бобровъ, куницъ, черныхъ лисицъ, голубыхъ песцовъ и т. д.), добываемые ими не на скалахъ крайняго сѣверо-востока, а помощью обмѣна на русскій табакъ у обитателей острововъ Берингова моря и сѣверо-западныхъ береговъ Америки. Когда товары доставлялись на крайній сѣверо-востокъ единственнымъ путемъ—сухопутнымъ (изъ Якутска), естественно, что всѣ чукчи—и съ Берингова полуострова и съ Чукотскаго носа, приходили за ними въ Колымскій округъ, но уже въ первой половинѣ настоящаго столѣтія у нашихъ торговцевъ явились опасные конкуренты въ лицѣ контрабандныхъ американскихъ китолововъ, а въ послѣднее время и въ пароходахъ добровольнаго флота, доставляющихъ товары въ Гижигу, откуда Анадырскіе торговцы доставляютъ ихъ въ чукотскія стойбища. Носовые чукчи, получая такимъ образомъ товары лучшаго качества и дешевле, все въ меньшемъ числѣ стали приходить въ Анжійскую крѣпость. Раньше ихъ считали на ярмаркѣ сотнями, а въ послѣдніе годы единицами, приходящими исключительно ради черкаскаго табаку, крѣпость котораго терается отъ морской перевозки. Раньше оборотъ ярмарки выражался въ сотняхъ тысячъ, а теперь не превышаетъ 25.000 руб. Дорогіе мѣха почти отсутствуютъ на ярмаркѣ, и она потеряла значеніе заграничнаго сбыта, сохранивъ лишь характеръ внутренняго обмѣна съ оленными чукчами, ламутами и другими бродячими инородцами округа.

Обращаясь опять къ чукчамъ Колымскаго округа, надо сказать, что, не смотря на то, что часть изъ нихъ считается русскими подданными, жизнь ихъ на тундрѣ течетъ безъ всякаго вмѣшательства русскихъ властей и быть ихъ мало извѣстенъ. Въ общемъ чукчи и теперь сохранили свои характерныя черты. Они горды, чванливы, дерзки, безстрашны, мстительны и жестоки, хотя часто бываютъ добродушны. Этическія требованія и добродѣтели еще находятся у нихъ въ той стадіи развитія, когда они главнымъ образомъ проявляются по отношенію къ себѣ, а не къ ближнему. Чукча не терпитъ обмана со стороны купца ¹⁾, требуетъ справедливости, чувствителенъ къ оскорбленіямъ, за которыя онъ требуетъ вознагражденія (какъ мнѣ приходилось ви-

---

¹⁾ Чукчи единственный изъ сибирскихъ народовъ, съ которыми русскіе торговцы ведутъ только наличный обмѣнъ безъ кредитныхъ сдѣлокъ, столь выгодныхъ для купцовъ при торгѣ напряміемъ съ тунгусами, но и со стороны чукчей нѣтъ особаго довѣрія къ русскимъ торговцамъ; они не выпускаютъ изъ рукъ мѣховъ, пока не получаютъ ихъ эквивалента.

дѣтъ), иначе съ нимъ шутки плохи; но въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ другимъ онъ чаще еще руководится необузданностью желанія и правомъ сильного. Только инстинктивное сознаніе, что за этой маленькой кучкой русскихъ стоитъ грозная сила, и въ известной степени коммерческій расчетъ удерживаютъ чукчей отъ насилія на ярмаркѣ. Здѣсь они нерѣдко воруютъ, что плохо лежитъ, а тамъ, у себя на тундрѣ и въ ущельяхъ скалистыхъ горъ, они могутъ и грабить, полагая, что они въ правѣ отнимать то, что имъ нужно и чего не хотите дать добровольно ¹⁾). Но это все-таки относится больше къ чукчамъ, кочующимъ къ востоку отъ Колымы—до Чукотскаго носа, куда до послѣдняго времени рѣдко кто изъ русскихъ отваживается ѣздить ²⁾). Прежде такія поѣздки были запрещены и даже знаменитый Муравьевъ-Амурскій счелъ нужнымъ въ 1859 г. запретить русскимъ ѣздить къ чукчамъ безъ особаго разрѣшенія начальства изъ опасеній какихъ-либо столкновеній. На нравы же чукчей, кочующихъ между Колымой и Индигиркой, соседство русскихъ повміяло смягчающимъ образомъ. Теперь эти чукчи являются къ русскимъ безъ опасенія, довѣрчиво угощаются и у себя на тундрѣ привѣтливо принимаютъ русскихъ и якутскихъ торговцевъ, теперь ужъ не слышно объ убійствѣ у нихъ слабыхъ дѣтей и стариковъ, мужа проя-

¹⁾ Считаю необходимымъ тутъ замѣтить, что командированный въ прошломъ году г. Губернаторомъ въ Колымскій округъ Совѣтникъ Областнаго Правленія Д. И. Меликовъ изъ своего двухъ-мѣсячнаго путешествія вмѣстѣ съ оленными чукчами по дорогѣ изъ Гижиги въ г. Ср.-Колымскъ вынесъ нѣсколько иное впечатлѣніе о чукчахъ. Д. И. Меликовъ болѣе удачно совершилъ путешествіе, чѣмъ другіе, предыдущіе путешественники, проѣхавшіе по чукотской территоріи. По его мнѣнію, оленные чукчи—добродушный, гостеприимный и миролюбивый народъ; со своими стадами оленей они напоминаютъ патриархальныя пастушескія племена. Но съ другой стороны и г. Меликовъ отмѣтилъ ту характерную черту, что воровство у чужихъ чукчи не считаютъ порокомъ, а сами чукчи ему говорятъ, что у нихъ еще практикуется обычай убіенія стариковъ и что родовая месть еще находится въ полной силѣ. По сообщенію г. Меликова у чукчей существуютъ только 3 рода дѣяній, считаемыхъ преступленіями, за которыя полагаются наказанія: 1) воровство у своихъ, 2) изнасилованіе дѣвственницы, груди которой еще не достигли надлежащаго развитія—при чемъ экспертами въ признаніи зрѣлости или незрѣлости у дѣвушки органовъ кормленія бываютъ «старикъ» и 3) убійство. По всѣмъ этимъ преступленіямъ «старикъ» произноситъ приговоръ, состоящій въ пѣніи, тѣлесномъ наказаніи или смертной казни, а исполненіе приговора предоставляется роду, къ которому принадлежитъ субъектъ преступленія. Если родъ этотъ откажется отъ исполненія приговора надъ своимъ членомъ, то родъ, къ которому принадлежитъ объектъ преступленія, получаетъ свободу въ своихъ дѣйствіяхъ и рамо-ли, поздо-ли — иной разъ проходить многіе годы или десятки лѣтъ—но возмездіе совершается.

²⁾ Изъ Нижне-Колымска русскіе ѣздить только для промысла непря на берегъ Ледовитаго океана, не удаляясь далеко на востокъ, доѣзжаютъ иной разъ до Чаунскихъ чукчей, но не дальше Шалахскаго мыса. Въ Авлюйскую крѣпость пріѣзжаютъ русскіе также изъ Анадырскаго края, но не ради товаровъ, которые стоятъ тамъ гораздо дешевле, а исключительно, чтобы заставить водкой.

вляють иной разъ ревность, хотя встрѣчаются еще случаи переживанія обычая гостепріимной проституціи. Мнѣ извѣстны случаи, когда родоначальники двухъ стойбищъ, въ знакъ заключенія дружбы, обмѣнивались на ночь женами. Богатые чукчи имѣютъ обыкновенно больше одной жены. Встрѣчаются отдѣльные случаи ухода или продажи ¹⁾ русскихъ женщинъ, но это не есть обычное явленіе, наоборотъ знакомство съ чукотскимъ ложемъ считается ругательствомъ у Нижне-Колымскихъ бабъ. Въздвигшіи при мнѣ на тундру вмѣстѣ съ женой русскій торговецъ служилъ объектомъ для остротъ: утверждали, что жена заслуживаетъ мужу дружбу и подарки чукчей. Нельзя, наконецъ, не упомянуть о томъ, что чукчи нерѣдко проявляютъ чувство человеколюбія, и что благотворителями могутъ быть и дикіе люди: во время частыхъ голоднокъ на Колымѣ, богатые люди жертвуютъ голодающимъ оленей, хотя потомъ хвастаютъ, что содержатъ все населеніе.

Но въ общемъ жизнь чукчей мало чѣмъ измѣнилась отъ сосѣдства ихъ съ русскими. Передвижныя ихъ жилища и теперь еще состоятъ изъ ровдужныхъ шатровъ, внутри которыхъ устанавливаются одинъ или нѣсколько прямоугольныхъ пологовъ изъ оленьихъ шкуръ, сшитыхъ наглухо, и въ пологи вползаютъ, приподымая край одной изъ стѣнъ. Внутри, на шкурахъ, сидятъ обнаженные до пояса мужчины, татуированныя женщины и голыя дѣти; коптится свѣтильникъ изъ ягеля, напитааннаго оленьимъ саломъ или ворванью, духота, запахъ пота, вонь и грязь. Трудно себѣ представить болѣе грязный народъ, чѣмъ чукчи. Послѣ неприличнаго поведенія ребенка мать продолжаетъ стращать и угощать гостей, не почистивъ рукъ. Лакомство чукчей — тѣсто изъ сала, мозговъ и содержимаго желудка оленя — чуть не вызвало у меня рвоты. Разъ мнѣ случилось заночевать въ чукотскомъ стойбищѣ, и я предпочелъ спать на морозѣ, чѣмъ въ пологѣ, гдѣ ночью отправляются всѣ нужды. Самое худшее время для чукчи — короткое лѣто, когда кочевать приходится по болотамъ; комары, мошки и оводы терзаютъ людей и животныхъ; олени бѣгаютъ съ храпомъ, бѣсятся и разбѣгаются; — такъ что зима со своими жестокими морозами, пургами и мракомъ гораздо милѣе ему лѣта. На самомъ большомъ морозѣ чукчанка съ полуоткрытымъ бюстомъ ²⁾ варить

¹⁾ Мнѣ извѣстенъ одинъ только фактъ продажи мѣщаниномъ изъ селенія Походскъ своей 13-лѣтней дѣвочки за 10 оленей, но это дошло до свѣдѣнія мѣстныхъ властей, которыя отобрали несчастную дѣвочку отъ чукчей. Къ счастью стойбище ихъ тогда еще было не далеко отъ Нижне-Колымска.

²⁾ Домашній костюмъ чукчанки состоитъ изъ пыжиковыхъ (шкуры оленьихъ телятъ) широкихъ штановъ, сшитыхъ наглухо съ курткой и когда ей жарко, она снимаетъ одинъ рукавъ, оголяя руку и плечо и выставляя татуированную грудь. Въ пологѣ она и совсѣмъ раздѣвается.

на дворѣ надъ костромъ оленину и кипятить въ мѣдномъ чайникѣ кирпичный чай.

Не смотря на все сказанное, чукчи самый счастливый изъ всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ, онъ всегда сытъ и съ презрѣніемъ смотритъ на своихъ убогихъ сосѣдей. Ему невѣдома лучшая жизнь, а когда напьется настоя мухомора или русской водки, онъ самый счастливый, но и самый буйный изъ смертныхъ. Дикость его природы обнаруживается также въ играхъ, въ состязаніяхъ. Побѣжденный считаетъ себя кровно обиженнымъ побѣдителемъ, выраженіе одобренія второму вызываетъ въ первомъ ярость и чувство мести. Со сверкающими глазами, со скрежетомъ зубовъ и съ пѣной у дико искривленнаго рта онъ хватаетъ ножъ и бросается на побѣдителя. На Анюйской ярмаркѣ я видѣлъ такую сцену, и ничего нѣтъ страшнѣй и отвратительнѣй ея. Рѣдко поэтому чукотское празднество кончается безъ увѣчій или даже убійства съ его послѣдствіями—родовой мести.

Не зная даже приблизительно количества чукчей въ различные періоды нельзя дѣлать никакихъ заключеній объ увеличеніи или уменьшеніи ихъ численности, но смѣло можно сказать, что это еще не вымирающій народъ. Да это и понятно: какъ пастухи-оленоводы, они не нуждаются въ такой обширной территоріи, какъ бродячіе охотники, а между тѣмъ они занимаютъ гораздо большую территорію, чѣмъ какая нужна, по вычисленію ученыхъ, охотничьему племени — территорію, которую они отстаивали, нагнавъ страхъ какъ на старинныхъ сосѣдей, такъ и на пришлые народы, не исключая и русскихъ; только передъ «огненнымъ оружіемъ» послѣднихъ они отступили немного къ востоку. То обстоятельство, что въ началѣ первой половины этого столѣтія чукчамъ понадобилось расширеніе своей территоріи, можетъ быть, объясняется увеличеніемъ народонаселенія.

Г. Якутскъ. 10 апр.
1894 г.

Вл. Юхельсонъ.

Особенности языка латышскаго писателя Г. Манцелія.

Георгій Манцелій, сынъ лютеранскаго пастора Каспара Манцелія, родился въ Курляндіи (въ Гренцгофѣ) въ 1593 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома у частныхъ учителей и только съ 1608 года началъ посѣщать училище сначала въ Митавѣ, а потомъ въ Ригѣ. Отсюда въ 1611 году онъ отправился въ Франкфуртъ на Одерѣ, но такъ какъ здѣсь началась католическая реакція, то онъ оставилъ этотъ городъ и поступилъ въ одно высшее учебное заведеніе, такъ называемое «fürstliches Pädagogium», въ Штетинѣ, гдѣ занимался богословіемъ и философій. Въ слѣдующемъ году онъ уже перешелъ въ Роптокъ и записался въ тамошній университетъ. Въ 1615 году онъ возвратился на родину, чтобы достать средства для продолженія образованія въ другихъ университетахъ. Но здѣсь онъ былъ Курляндскимъ герцогомъ Фридрихомъ совершенно неожиданно назначенъ настоятелемъ въ Вальгофѣ. Отсюда въ 1620 г., когда свирѣпетствовала война и морская язва, онъ былъ переведенъ въ Зельбургъ. Но такъ какъ послѣдній былъ взятъ Шведами, то онъ въ 1625 г. отправился въ Дерптъ, нынѣшній Юрьевъ, будучи избранъ оберпасторомъ нѣмецкой церкви. Послѣ основанія здѣсь королемъ Густавомъ Адольфомъ академической гимназіи, Манцелій былъ назначенъ сюда профессоромъ полемики и греческаго языка (въ 1630 г.) и послѣ преобразованія гимназіи въ университетъ (въ 1632 г.) онъ занималъ должность профессора богословія. Въ томъ же году онъ получилъ ученую степень лиценціата богословія, какъ онъ именуется себя въ изданныхъ имъ книгахъ. Онъ занимался усердно, читалъ много коллегій и съ 1636 года исправлялъ также должность ректора. Но скоро послѣ этого въ 1637 г. герцогъ Фридрихъ, вспомнивъ о заслугахъ отца Манцелія, и предполагая, что качества и достоинства отца также присущи сыну, пригласилъ послѣдняго въ Митаву въ санѣ придворнаго проповѣдника и духовнаго отца. Не смотря на настоятельныя просьбы остаться въ Дерптѣ, онъ, желая исполнить данное раньше обѣщаніе, отправился въ Митаву. Упомянутую должность онъ занималъ въ теченіе 17 лѣтъ и умеръ тутъ же въ Митавѣ въ 1654 году. Кальмейеръ приводитъ какое-то старинное свидѣтельство, говорящее о немъ,

какъ о настоящемъ образцѣ ученаго и блаженномъ учителѣ безъ фальши и злобы ¹⁾).

Въ просвѣщеніи латышскаго народа Манцелій имѣетъ огромное значеніе и не даромъ онъ называется отцомъ латышской письменности. Были правда латышскія книги и до него, какъ: катехизисъ, духовные гимны, Евангелія и страданіе Христово, но языкъ ихъ переполненъ ошибками. Манцелій, будучи плодовитымъ писателемъ, былъ и однимъ изъ первыхъ, которые серьезно занимались латышскимъ языкомъ. Онъ исправилъ и дополнилъ прежнія книги, перевелъ Сираха и одинъ рассказъ о разрушеніи Іерусалима и издалъ эти сочиненія подъ общимъ заглавіемъ: *Lettisch Vademezum* (Рига 1631—1643. См. Реке и Напьерскій). Потомъ онъ составилъ первый латышскій словарь съ фразеологіей: *Lettus, Das ist Wortbuch* (Рига. 1638 г.). Но главнымъ его сочиненіемъ былъ сборникъ латышскихъ проповѣдей: *Lang-gewu'nschte Lettische Postill* (Рига 1654 г.), содержащій въ себѣ около 1200 страницъ (три части).

Манцелій, будучи самъ нѣмцемъ, придерживался нѣмецкой орфографіи и въ латышскомъ языкѣ. Короткія гласныя онъ выражаетъ удваиваніемъ слѣдующихъ согласныхъ, напр.: *Radditais* (V. S., т. е. Сирахъ изъ вадемекума, стр. 1) создатель, *Katters* (V. S., 1) который, *labbi* (V. S., 2) хорошіе, *sinnaht* (V. S., 1) знать, *warra'hns* (V. S., 1) могущественный. Только вмѣсто «kk» и «zz» онъ пишетъ «sk» и «tz», какъ и на нѣмецкомъ языкѣ, напр.: *Aska* (V. S., 1) колодезь, *tickaу* (V. S., 2) только, *Titziba* (V. S., 3) вѣра. Долгота гласныхъ выражается посредствомъ буквы «h» или тѣмъ, что слѣдующая гласная не удваивается, напр.: *kjuht* (V. S., 1) сдѣлаться, *gahms* (L. S., 2) тихій, *Sw'a'tu* (V. S., 1) святаго. Исключеніе составляетъ только долгая гласная «i», которая передается или посредствомъ «ie» или посредствомъ «у», напр.: *muhshiegs* (V. S., 1) вѣчный, *dsiewo* (V. S., 1) живетъ, *Lухmibu* (V. S., 1) радость, *mujoht* (V. S., 1) любить. Но иногда пишется и «ih», напр.: *ihsta'na* (V. S., 2) истинная, даже «yh», напр.: *byht* (V. S., 2) бояться. Касательно гласныхъ замѣчательно еще то, что Манцелій различаетъ въ правописаніи широкое «e(=a)» и закрытое «e(=o)» напр.: *Da'hls* (V. S., 3) сынъ, *Sa'ltz* (V. S., 3) золото. *mehs* (V. S., 4) мы, *Bett* (V. S., 2) но. Этого различія въ письмѣ не выразилъ никакой

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія почерпнуты мною изъ слѣдующихъ сочиненій:

C. L. Tetsch. *Curlandischer Kirchen Geschichte*. Riga und Leipzig. 1767.

I. I. von Recke und K. E. Napiersky. *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland*. Mitau 1827—1861.

T. Kallmeyer. *Die evangelischen Kirchen und Prediger Kurlands*. Mitau. 1890.

писатель послѣ него ¹⁾). Звукъ «g» Манцелій пишетъ обыкновенно черезъ «gh», напр.: Ghuddriba (V. S., 1) мудрость, Ghods (V. S. 1) честь. Иногда «h» ставится и послѣ «t», напр.: thas (V. S., 1) этой, Tha^awu (V. S. 4) отца. «Nh» встрѣчается только въ словѣ: phe (V. S., 2) не. Манцелій первый употребляетъ перечеркнутыя буквы для обозначенія мягкихъ звуковъ, напр.: kjuht (V. S., 1) сдѣлаться, Zeju (V. S., 3) дорогу, mehgo (L. S., т. е. приложенныи къ словарю изреченія Соломона, V, 21) мѣрить, kaḡgos (V. S., 8) будетъ воевать, Blehḡas (L. S., XXII, 15) пустыя, Brunḡas (L. S., XXX, 5) брони. Буква «п» іотируется иногда посредствомъ «j», «у», «g», даже «gh», напр.: winja (V. S., 2) его, Koninju (P., т. е. Lettische Postill, I, 78) короля, Koninya (L. S., I, 1) короля, winyo (L. S., I, 6) ихъ, septing-padeszmitt (P. I, 84) семнадцать, wingha (L. S., XXV, 5) его. Иотированныхъ «к» и «g» онъ не выражаетъ особенными знаками. Первое онъ обыкновенно передаетъ черезъ «gk», напр.: Sagkis (L., т. е. Lettus, подъ Hase). Kagke (L. подъ Katz), Iegka (L. S., X, 8) безумца, — а второго онъ не различаетъ въ письмѣ отъ простаго «g», напр.: Ghiemis (L. подъ Gestalt), gherbt (L. Phras. C, XIX) одѣвать. Звукъ «s» онъ пишетъ то черезъ «s», то черезъ «sz», то черезъ «ss», напр.: sehsch (V. S., 1) сидеть, krahszuis (V. S., 1) красивый, passarga (V. S., 2) охраняетъ. Для обозначенія звука «š» употребляется большею частью «sch», напр., schurpi (V. S., 4) сюда, но нерѣдко тоже «ssch» и «sch», напр.: Saprassehana (V. S., 1) разумъ, Schy (V. S., 2) эта. Звуки «z» и «ž» выражаются черезъ «s» и «sch», напр.: sinnaht (V. S., 1) знать, muhschiegs (V. S., 1) вѣчный. Въмѣсто сочетаній «ks» и «ts» Манцелій употребляетъ «x» и «tz», напр. Preeh (V. S., 1) радость, ſwehtietz (V. S., 2) благословенный. По нѣмецкому образцу онъ и пишетъ вмѣсто «kw» «qu», напр.: Queeckschkis (L. подъ Spürhund), Queschi (L. подъ Weitzen) Въмѣсто «j» иногда встрѣчается и «у», напр., domayis (V. S., 1) думавшій, Каһуас (V. S., I, 16) ноги, но буквою «g» пишется этотъ звукъ почти только въ словѣ «gig» — есть. Буква «h» ставится иногда и послѣ краткихъ гласныхъ, если за ними слѣдуетъ согласная «w», напр.: Addehweis (V. S., 1) отдаватель, kahweyahsz (V. S., XIII, 12) мѣшаетъ, Ahwis (P. I, 94 по P. I, 273. — Awis) овца. Также только орфографическое значеніе имѣетъ буква «b» вставляемая между согласными «m» и «t» (или d), напр.: jembt (L. подъ nehmen), simbtz (L. подъ hundred), Iumbts (L. подъ Tach),

¹⁾ За исключеніемъ однако двухъ трехъ не большихъ книжекъ появившихся до времени Глюка.

ghrimbdams (V. S., XXVIII, 17) утопающій. Букву «o» Манцелій пишетъ послѣдовательно въ словахъ so^w (V. S., 2) себѣ и «to^w» (V. S., 3) тебѣ. Наконецъ окончаніе «iñ» онъ передаетъ буквами «ings», напр.: Konings (P. I, 20) король, Zillwehzing (P. I, 15) человѣчекъ, Meedsings (P. I, 167) легкій сонъ.

Имена существительныя, имѣющія въ окончаніи основу «i», сохранили это «i» у Манцелія тоже въ именительномъ и родительномъ падежахъ единственнаго числа, напр.: labba Ahwis (P. I, 94) хорошая овца, Leela Siwis (P. II, 365) большая рыба, sautzama Ballnis (P. I, 46) гласъ вопіющаго, Ausz, Aussis (L. подъ Ohr), Pillis Kungs (P. I, 157) сотникъ, Siwis wa^hdarà (P. I, 272) въ животѣ рыбы. Sirrdes Padomu (P. I, 22) помысль, Debbesses-Manntu (P. I, 20) небесное сокровище. Но болѣе обыкновенны все-таки формы безъ «i». Въмѣсто обыкновенныхъ окончаній дательнаго падежа единственнаго числа словъ женскаго рода иногда встрѣчаются сокращенныя формы на «i», напр.: Meessi (P. I, 160) тѣлу, lieds pastari Deeni (P. I, 204) до послѣдняго дня, т. е. преставленія свѣта, Sirrdi (P. I, 248) сердцу, Balxni (P. I, 288) голосу, Teessi (P. I, 519) суду, Pili (P. II, 185) городу. Въ единственномъ числѣ замѣчательно еще окончаніе мѣстнаго падежа на «n», напр.: rigmajan kahrtan (P. I, 463) во первыхъ, tan sa^asta-padeszmittan weetan (P. I, 461) на шестнадцатомъ мѣстѣ, semmen (V. L., т. е. Geistliche Lieder изъ вадемекума, стр. 76) на землѣ, kohran (V. C. т. е. Catechismus изъ вадемекума листъ Hiiij) вмѣстѣ. Въ родительномъ падежѣ множественнаго числа у Манцелія встрѣчается исключительно окончаніе на «o», напр.: Durgwo (P. I, 42) дверей, Sohbo (P. I, 158) зубовъ, Lauscho (P. III, 108) людей, Seewo (P. III, 108) женъ, muhsso (P. I, 14) насъ, jnhssø (P. I, 56) насъ. Въ дательномъ падежѣ множественнаго числа употребляется то теперешнее окончаніе «m», то полное окончаніе «ms». Возьмемъ примѣры съ послѣднимъ окончаніемъ: Wiereems (P. II, 63) мужамъ, Darrbeems (P. II, 17) работамъ, Seewahms (P. II, 183) женамъ, Rokahms (P. II, 286) рукамъ, Drehbehms (P. II, 15) платьямъ, Semmehms (P. II, 242) землямъ, Atzihms (V. E., т. е. Евангелія изъ вадемекума листъ Hij) глазамъ, Pallaiszdameesz vsz saweems passcheemes attrasta Darbeems (V. L., 25) полагаясь на свои собственные дѣла. Есть тоже не много примѣровъ, гдѣ буква «r» прибавляется къ имени существительному. Эти слова выражаютъ направленіе, напр.: Kad jums Deews Wierohp litzis eet (P. I, 85) когда Богъ предназначилъ вамъ выйти замужъ. Tad Wings mums Kahjohp zell (P. II, 338) тогда онъ возставляетъ насъ на ноги. Ma^ttahsz Kahjohp (P. II, 340) отправляется въ дорогу.

Въ третьемъ лицѣ настоящаго времени встрѣчается у Манцеліи полное окончаніе въ слѣдующихъ глаголахъ: *adbillda* (P. I, 64) отвѣчаетъ, *gluhna* (P. I, 371) подстергаетъ, *peesa* (P. I, 519) чешется, *triesse, drebbe* (P. I, 22) дрожить, *dveeda* (V. L., 16) помѣть, *skappe* (V. L., 16) звучать. Второе лицо настоящаго (и будущаго) времени имѣетъ тройное окончаніе: 1)—*aita*, напр.: *sinnaita* (P. I, 13) знаете, *klauszaita* (P. I, 339) слушаете; 2)—*eeta*, напр.: *warreeta* (P. I, 8) можете, *buhseeta* (P. I, 462) будете, *atrasseeta* (P. I, 77) найдете; 3)—*aht*, напр.: *sinnaht* (P. I, 7) знаете, *sackaht* (P. I, 340) говорите, *darraht* (P. I, 378) дѣлаете. Тѣ же самыя окончанія имѣетъ и повелительное наклоненіе. По новѣйшимъ грамматикамъ латышскаго языка окончаніемъ третьяго лица имперфекта долженъ быть звукъ «а», но старыя писатели употребляютъ эту форму чуть ли не исключительно съ окончаніемъ «е». У Манцеліи встрѣчается и то и другое, напр.: *pahze* (V. E., листъ А) приходилъ, *atwedde* (ibid.) привелъ, *satziya* (ibid.) свазалъ, *noticka* (ibid.) случилось. Въ сослагательномъ наклоненіи языкъ Манцеліи разнится отъ теперешняго въ первомъ и второмъ лицахъ множественнаго числа, напр.: *ghribba*tam* (P. I, 15) мы хотѣли бы, *oeghrimbtam* (P. I, 136) мы утопали бы, *kallpohtam* (P. I, 341) мы служили бы, *tartaht* (P. I, 7) вы сдѣлались бы, *buhhtaht*, *buhsteeta* (P. I, 529) вы были бы, *warra*taht* (P. III, 133) вы могли бы. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей языка Манцеліи есть причастіе настоящаго времени съ окончаніемъ «*tina, tina*», которое теперь вполне вымерло. Даже грамматикъ не упоминаютъ о немъ. Причастіе это выражаетъ возможность или необходимость дѣйствія, напр.: *Bett kur tasz meskletine? kur gir tasz attrastins?* (P. I, 136) гдѣ можно его искать, гдѣ можно его найти? *Kahdas Mohkas tam zeestinas!* (P. I, 273) какія страданія онъ долженъ перенести! *Iauni Laudis audsa*tini sekschan Deewa-Bijaschanas* (P. I, 208) молодыхъ людей надо воспитывать въ благочестіи. *Kad te Laudis pallidsa*tini (kad teems Laudeems japolieds) gir* (V. S., 8), когда людямъ надо помочь. Не смотря на то, что это окончаніе «*tins*» имѣетъ звукъ «*i*», въ предыдущихъ слогахъ, Манцеліи всетаки передаетъ звукъ «е» черезъ широкое «а», напр.: *da'hwa*tins* (V. S., 78) называемый, *thurga*tini* (V. S., 63) держимые, *audsa*tini* (см. выше), *pallidsa*tini* (см. выше), изъ чего мы могли бы по нѣвѣстному закону латышскаго языка заключить, что этотъ звукъ «*i*» произошелъ отъ диграфа «*ai*», но въ этомъ правописаніи Манцеліи не послѣдовательно, такъ какъ встрѣчаются и формы, какъ: *meskletins* (см. выше), *behktini* (P. III, 120) избѣгаемые. Что касается особенностей остальныхъ причастій, то Манцеліи употребляетъ ихъ съ полнымъ окончаніемъ и тамъ, гдѣ нынѣшняя рѣчь требуетъ усѣченныхъ окончаній. напр.: *Wings phe sin-*

nohtz, ko tha Seewa gumajehiti (P. III, 63)—онъ де не знаетъ, что гово-
ритъ эта женщина. Noah buhschohtz tasz ihsta'ns Preeh (P. I, 234), что
Ной будетъ истиннымъ настоящимъ радости. Iums tahda Titziba, ka juhaz
ghaidosta to raschi Elia no Da'ba'ssu atnahkamu (P. I, 44)—вѣра ваша
такова, что вы ожидаете, что вотъ де Илья слезойдетъ съ небесъ. Если отъ
глаголевъ gribet (хотѣть) и gaidit (ожидать) зависить предложеніе, выражающее
желаніе, то Манцелій передаетъ это черезъ причастіе, напр.: Kad Kaimings ru
Kaiminju... nahk, tad ghaida Wee'is meelojams (P. I, 529)—когда сосѣдь
посѣщаетъ сосѣда, то гость ожидаетъ, чтобъ его угощали. Iekkatris Ta'hws
ghribbahsz weenijams no sawu Ba'hngu (P. II, 242)—каждый отецъ хочетъ,
чтобы дѣти его почитали. Aisto tas Kungs grribb, to Tha'wu weenijamu
no teem Ba'hngseem (V. S., 4)—ибо Господь хочетъ, чтобы дѣтв почитали
отца. Такая конструкция встрѣчается еще въ народныхъ пѣсняхъ, напр.:

Grib weente lab' agama,
Wal grib labi weejam'.

(A. Bielenstein. Lettische Volkslieder, 267). Земля хочетъ, чтобъ ее хорошо
пахали и чтобъ ее хорошо боронили. Очень часто у Манцелія встрѣчаются
такого рода предложенія, какъ: Kasz teem Iuhry buhdami notitzees (P. I,
186)—что съ ними случилось, когда они были на морѣ. Здѣсь причастіе
buhdami въ именительномъ падежѣ относится къ слову teem въ дательномъ
падежѣ. Въ виду того, что Манцелій пишетъ довольно правильнымъ языкомъ,
насъ поражаетъ такая странная ошибка. Объясняется это вѣроятно тѣмъ, что
Манцелій смутно чувствовалъ, но еще не ясно сознавалъ того, что причастіе
на «—dams» не ставится въ косвенныхъ падежахъ. Надо еще замѣтить,
что конструкция этого причастія объяснена только въ самое послѣднее время.

Между предлогами встрѣчаются у Манцелія слѣдующія особеннота:
uhsz (P. I, 13) = тепер. us на, ihsz (P. I, 150) = тепер. is изъ, ihs
(P. I, 80), ihsz (P. I, 150) = тепер. lihds до, behs (P. I, 507) = тепер.
bes безъ, labbahd (II. I, 243) = тепер. labad ради, ru (P. I, 34) = тепер.
ree у, eekschan (P. I, 76) = тепер. eeksch въ, внутри, wirsson (P. I,
13) = тепер. wirs на, preekshan (P. I, 13) = тепер. preeksch передъ,
stargan (P. II, 256) = тепер. starg между, agan (P. I, 196) = тепер.
is, no — изъ, отъ, напр.: Wings to'w... isztrausz agan tahsz Nahwes
Saites (P. I, 196) — онъ вырветъ тебя изъ оковъ смерти. Этотъ послѣд-
ній предлогъ по всей вѣроятности есть просто нарѣчіе ahgâ (на дворѣ,
вонъ), употребляемое Манцеліемъ обыкновенно вмѣсто предлога. Это же слово

aran встрѣчается у Манцелія въ смыслѣ нарѣчія, напр.: Iszghruhd aran to Kallpron (V. E., листъ Fijj)—прогони эту служанку. Изъ другихъ частей рѣчи уклоняются отъ тепершняго языка еще слѣдующія слова: Thabapertz (P. I, 223)=тепер. tarez потому, Turplieg (P. I, 74)=тепер. turmak впереди, za^otzaⁿ (P. I, 83)=тепер. zezen (это слово встрѣчается только въ священ-ныхъ книгахъ и народныхъ пѣсняхъ) мимо, Aisto (P. I, 9)=тепер. jo ибо. Слова «jo» Манцелій совсѣмъ не знаетъ и пишетъ каждый разъ «aisto» вмѣсто него. Союзъ «un» и—Манцелій пишетъ только «und, unnd, vnd, vund», въ пѣсняхъ тоже «vnde» (V. L., 47). Въ словарѣ его встрѣчается та-кое объясненіе: Vnd, v n d, Schründen, i n n. Такъ какъ союзъ «un» въ народ-ныхъ пѣсняхъ каждый разъ является лишнимъ словомъ, то можно предполагать, что онъ не очень древнее заимствованіе съ нѣмецкаго языка, но судя по упомя-нутому объясненію въ словарѣ, это слово употреблялось въ народной рѣчи уже во времена Манцелія.

Вопросъ Манцелій выражалъ черезъ постановку словъ по образцу нѣ-мецкаго языка и вопросительная частица «wai» встрѣчается у него очень рѣдко. Вопросительныя предложенія образуются также прибавленіемъ слога «gi» или только звука «g» къ слову, имѣющему логическое удареніе, напр.: Girrahg pareise Swa^ohtaⁿ-deena dseedinaht? (P. II, 281) Позволительно ли вра-човать въ субботу? Tuggi essi taz Messias? (P. I, 41). Ты ли Мессія? Essieg tad tu Elias? (P. I, 43). Илія ли ты? Warrieg Acklis Acklam Zellu rahdiet? Negg kriet tee abbi - diwi Beddreh? (P. II, 72). Можетъ ли слѣпой во-дить слѣпago? Не оба ли упадутъ въ яму? Arrieg tad tu ka Muhx dsiewohssi? (P. I, 294). Развѣ ты будешь жить монахомъ?

Кромѣ грамматическихъ особенностей встрѣчаются у Манцелія тоже лек-сическія. Я приведу здѣсь нѣсколько словъ, которыхъ нѣтъ въ словарѣ Ульманна или которыя имѣютъ значеніе для этнографіи. Ein Pfennig, Kausz (L. Phras. Cap. XXXII). Ein Schilling, Schkillings, Artaugs (ibid.). Слово Artaugs = тепер., artaws происходитъ по всей вѣроятности отъ швед-скаго Örtug. Was der Bra^outgamb der Braut Eltern vnd Freunden giebt, Kreen s, Kreen a Naudi (ibid.). Morgen Gab, die das Weib zum Manne bringt, Rieka p u h r s (L.). Ein Ba^onlichen, Waiṇax. von Mes- sing, Missiṇa - waiṇax. mit Spangen, ar Spangham. von Pferde- haren, no Saṛgeem: ta Meitas na^ossa za^ohssa, im Wendischen vnd da herumb. (L. Phras. Cap. XIX). Kraut, da sie blaw ferben, Mehlohtni. damit man roht fa^or bet. Mahrani (L. Phras. Cap. XX). Reyer, Ghorr- nis (L. Phras. Cap. VV). Ein Fischerboht, Kahrpis (L. Phras. Cap. IX). Runde kleine Ru^oben, Duppuṛi (L. Phras. Cap. XVI). Ein Schloss, Pils,

eine feste Stadt, idem, eine offene Stadt, Ja'llghawa (L. Phras. Cap. XXXVIII). Hauptmann, Stadthalter, Pillskungs (L. Phras. Cap. XLIII). Sonnenfinsterniss, Saules maitaschana Mondfinsterniss, Mehnesz maitaschana (L. Phras. Cap. XXXV). Reval. Даггаpills (L. Phras. Cap. L). Mitaw, Nietauja (ibid.), тепер. Ielgawa. Finland, Sohma-Semme (L. Phras. Cap. XXXVI). Слово dabut добыть Манцелий пишетъ постоянно dubbuit (P. I, 10). Дифтонгъ «ui» сохраняетъ это слово еще въ слѣдующихъ формахъ: dubbuits (P. I, 24), dubbuisz (P. I, 196), dubbuitu (P. I, 293), dubbuitina (V.S, 1). Относительно слова имѣть, въ словарѣ Манцелия сказано, что въ латышскомъ языкѣ соответствующаго глагола нѣтъ (haben, deficit), все-таки въ сборникѣ проповѣдей встрѣчаются нѣсколько предложеній съ такимъ глаголомъ, напр.: Wisša Leeta sawu Eaiku turr (I, 94). Всему свое время. Kungs, kad es to'w jurru (kad to'w gir) tad nhè ba'hdu esz pehtz Debbesz und Semmesz (I, 411). Боже, если Ты со мною, то я ни о чемъ земномъ не забочусь. ....turreta juhsz ta Keisera Naudu, tad tasz Keisers gir juhsso Kungs (II, 362). Если ваши деньги царскія, то царь вашъ повелитель.

Прибавлю еще латышскія народныя пословицы, встрѣчающіяся у Манцелия и являющіяся древнѣйшими примѣрами латышскаго народнаго творчества. Anting kur Stabbuling (L. подъ to'lpisch), Антонушка, гдѣ дудочка (срав. Т. 1), 50). Wer fru'he aufstehet, der jssset fru'h, kurrsch Puttnis aggre zøjahsz, aggre slauka da'ggunting (L. Phras. Cap. VI). Пташка, что рано встаетъ, рано и носикъ обтираетъ (срав. Т., 981). Ie meer Dienstboten, je weniger aufsicht, jo dauds Šunņu, jo mas Ša'htu šarrgha (L. Phras. Cap. VII). Чѣмъ больше собакъ, тѣмъ меньше дворъ въ охранѣ (срав. Т., 1238). Es ist schwerlich zu fliegen ohn Federn, ghruht gir besz Spallwahms skreet (L. Phras. Cap. IX). Трудно летать безъ крыльевъ. Jo agr, jo nabbags, jo dserr, jo baggahtz (P. I, 289). Чѣмъ больше пашешь, тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ больше пьешь, тѣмъ богаче (срав. Т., 339). Dsehris, iszdsehris, laid Schkippele maха (P. I, 335). Пилъ пилъ, пусть заступъ заплатитъ (срав. Т., 1113). Kasz pirrk Siwanu Maisšà? (P. II, 39). Кто купитъ поросенка въ мѣшкѣ? (срав. Т., 1110). Nei manna Zuhka, nei manna Druwa, рее - a'hdussi laid isz-eet (P. II, 224). Не моя свинья, не моя и нива—

1) Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Томъ XI. Труды этнографическаго отдѣла. Книга VI. Матеріалы по этнографіи латышскаго племени. Подъ редакціей О. Я. Трейланда.

каѣвшись пусть выходитъ (срав. Т., 208). Kahds Darrbs, tahda Allgha, kahds Vhdens, tahdas Siwis, kahda Puttra, tahds Meeturrs (Р. III, 156). Какова работа, такова и награда, какова вода, такова и рыба, какова каша, такова и веселка (срав. Т., 337). Assa Riexte darra gahmus Ba'hrmus (Р. III, 156). Хлесткая розга воспитываетъ дѣтей скромными (срав. Т., 1013).

П. Шмидт.

ТАВРЕНЬГА

Вельскаго уѣзда.

Этнографическій очеркъ.

Въ видѣ предисловія къ собраннымъ мною этнографическимъ матеріаламъ, ниже помѣщаемымъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о своихъ поѣздкахъ по Вельскому уѣзду, Вологодской губ., о своихъ впечатлѣніяхъ и пріключеніяхъ.

Задумавши исследовать одинъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ сѣвера Россіи, какимъ является описываемая мѣстность — «Тавреньга»,—я первую поѣздку туда сдѣлалъ въ январѣ мѣсяцѣ 1894 г. по зимнему пути и проѣхалъ туда изъ Кадниковскаго уѣзда самымъ кратчайшимъ путемъ, а именно черезъ деревню Заозерье, Нижеслободской волости, въ дер. Зеленую, уже Вельскаго уѣзда. Изъ Заозерья до Зеленой волость считается 25 верстъ, но въ дѣйствительности, надо полагать, онъ гораздо длиннѣе, ибо дорога идетъ только до р. Пигомы—7 верстъ—болѣе или менѣе прямо, держится одного направленія на сѣверъ, но затѣмъ становится очень поворотистою и въ данномъ случаѣ какъ нельзя болѣе уместна народная поговорка о разстояніяхъ: «баба мѣрjala клюкой да махнула рубой». Да дороги въ буквальномъ смыслѣ слова и нѣтъ, а есть только небольшая и очень извилистая тропка («што заяцъ выключалъ»,—по замѣчанію моего ямщика), по которой лѣтомъ съ трудомъ проходить, а зимою еще съ большимъ трудомъ проѣзжаютъ въ возможно узкихъ саняхъ, да и то «ступью», т. е. шагомъ и съ топоромъ въ рукахъ, такъ какъ ежечасно приходится выходить изъ саней и прорубать или очищать себѣ дальнѣйшій путь. Надо сказать, что тропка эта идетъ густымъ, дремучимъ лѣсомъ, гдѣ еще «изъ вѣковъ топоръ не бывалъ» кромѣ чистки дороги; и толстымъ слоемъ снѣга лѣсъ этотъ гнетъ въ землѣ и ломить, ломить также его и вѣтромъ, отчего на дорогѣ постоянно находитъ валекникъ, чрезъ который если можетъ лошадь перескочить, то ладно, а въ противномъ случаѣ ямщикъ выходитъ и, перерубивши валекникъ, обра-

сбиваетъ съ дороги, и мы опять двигаемся до слѣдующаго препятствія и т. д. Если же валежнику въ одномъ мѣстѣ очень много и расчистить путь трудно, то объѣзжаютъ его стороной, срубая лѣсъ тамъ, гдѣ сани не проходятъ межъ деревьями. Вотъ почему дорожка эта и является очень извилистою, вѣчно мѣняется въ своемъ направленіи. Ъхали мы волокъ этотъ часовъ 7 или 8 не меньше, и, принимая во вниманіе наши остановки, все-же, думается, онъ не меньше 35 верстъ, а не какъ не 25-ть.

Деревня Зеленая, куда мы приѣхали, заключаетъ въ себѣ до 40 домовъ старинной архитектуры: окна небольшія, съ наличниками разнаго рисунка; это такъ называемые «передки», гдѣ живутъ только весною и лѣтомъ. Возлѣ передковъ, гдѣ-либо сбоку кутятся маленькія избенки «зимовки», гдѣ только по зимамъ живутъ, какъ показываетъ и самое названіе ихъ.

Перемѣнивши здѣсь лошадь, я поѣхалъ далѣе, въ с. Пономаревское, гдѣ, собственно говоря, сосредоточена вся администрація мѣстности: волостное правленіе, земское училище, квартиры окружнаго надзирателя, фельдшера и урядника; затѣмъ большая каменная церковь, дома причта и лавки торговцевъ. По приѣздѣ сюда мнѣ прежде всего захотѣлось узнать: сколько всѣхъ жителей въ данной мѣстности? Для этого захожу въ волостное правленіе и лично прошу старшину сказать мнѣ объ этомъ, но онъ порылся, порылся въ какихъ-то книгахъ и наконецъ объявилъ мнѣ, что не знаетъ безъ писаря, а писарь объѣдаетъ. Дѣлать нечего, жду писаря, но по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, не добившись толку, ухожу къ одному мѣстному торговцу и прошу его добыть мнѣ эти свѣдѣнія черезъ свое знакомство съ писаремъ, на что торговецъ согласился и дѣйствительно исполнял мою просьбу, при этомъ сказалъ, что не дали мнѣ свѣдѣній изъ боязни, «для чего, говорятъ, это ему понадобилось? Худа бы не было намъ отъ начальства?»...

Изъ с. Пономаревского я поѣхалъ въ дер. Давыдовскую (Хмельники, по мѣстному), по направленію къ Ширыханову, каковой приходъ являлся моимъ конечнымъ пунктомъ изслѣдованія. Дорога въ Давыдовскую идетъ верстъ 6-ть боромъ, возлѣ р. Вель, а затѣмъ все остальное разстояніе до станціи (я ѣхалъ по земскимъ станціямъ, такъ какъ вольныя подводы здѣсь трудно найти) дорога проложена рѣкою, по льду. Изъ Давыдовской поѣхали прямо въ д. Николаевскую—въ Верхней Подюгѣ,—хотя «просѣлокъ» идетъ на Нижнюю Подюгу; такъ, прямо, лишь зимою проѣзжаютъ, сокращая путь къ Ширыханову. Здѣсь опять пришлось ѣхать волокомъ 20 верстъ и также все густымъ, дремучимъ лѣсомъ, и тоже, что и въ деревню Зеленую, съ топоромъ въ рукахъ и поминутно расчищать путь; кромѣ того выпрягали дважды лошадь въ пути и вываливали изъ саней насыпавшійся съ деревьевъ снѣгъ,

котораго, бывало, навалить полныя сани не смотря на то, что дугу впрягли такую низкую, что она буквально лежала на хомутъ.

Деревня Велико-Николаевская или по просту Николаевская расположена на берегу р. Подюги и имѣетъ 36 домовъ. Рѣка Подюга, какъ я впоследствии убѣдился, протекла между громаднѣйшихъ горъ, ровныхъ мѣстъ почти не встрѣчается. Говорятъ, что полоса этихъ горъ идетъ съ самаго Уральскаго хребта, но насколько это правдоподобно — рѣшить не берусь. Течение р. Подюга имѣетъ очень быстрое, мѣстами есть и пороги; на устьѣ ея водится семга. Въ прежнее время, рассказываютъ мѣстные жители, семги водилось очень много, и поднималась она Подюгою далеко отъ устья, но въ послѣднее время выстроены двѣ мельницы, черезъ плотины которыхъ рыба и не можетъ перебраться, такъ что семга мечетъ икру теперь лишь въ устьѣ рѣки.

Говоръ жителей въ Верхней Подюгѣ близокъ въ важскому, тоже, какъ и тамъ, нѣсколько на распѣвъ.

Пособравши кое-что изъ матеріаловъ, я двинулся дальше, къ Ширыханову, куда дорога идетъ тоже громадными, густыми лѣсами, о величинѣ которыхъ можно судить потому, что при вырубкѣ лѣса случается, что изъ одного дерева вырубаютъ по 3 бревна, длиною 10-ти аршинъ, толщиною и послѣднее 8 вершковъ въ діаметрѣ, да и то въ верхнемъ отрубѣ. Рассказываютъ, что князь Вяземскій, Управляющій Удѣлами, при посѣщеніи этой мѣстности взялъ нѣсколько отрубковъ одного дерева, изъ которыхъ былъ одинъ въ 22 вершка въ діаметрѣ!—да и повѣрить этому можно, принимая во вниманіе, что вдоль самой дороги стоятъ такія гигантскія деревья, что видѣть вершины ихъ можно не иначе, какъ загнувши голову чуть не на спину...

На пути этомъ—къ Ширыханову—есть деревня Вельцы, расположенная на берегу той же р. Подюги и имѣющая до 60 домовъ. Это въ зимнее время, а лѣтомъ въ деревню не заѣзжаютъ, проселокъ идетъ мимо ее. За мѣчательно, что р. Подюга здѣсь до того извилиста, что съ Верхней Подюги въ Ширыханово приходится переѣзжать черезъ нее до 5-ти разъ, какъ въ послѣдствіи оказалось.

Не доѣзжая немного до первой деревни—Хмелеванской—Ширыханова, сдѣлалась страшная пурга и намело снѣгу выше изгородей, такъ что мы съ большимъ трудомъ попали въ деревню, гдѣ и остановился я на «обувательской» станціи. Станція эта здѣсь содержится лишь для того, чтобы вывести обратно того, кого занесетъ сюда капризная судьба, ибо дальше какъ до мѣстной деревни Ярцева и дороги нѣтъ; не даромъ и сложилась въ народѣ такая поговорка: «кто въ Ярцевѣ побывавъ, тотъ вѣчной муки миновавъ»... Правда, есть тропка на Мехренъгу, Олонецкой губ., по которой въ лѣтнее

время знатоки пути пробираются туда пѣшкомъ, а зимою иногда и на лошади, но то знатоки, а такъ, не зная мѣстности, пуститься въ этотъ путь рискованно: легко можно сбиться съ тропки... По словамъ знатоковъ волокъ этотъ, т. е. отъ деревни Ярцева до ближайшей деревни Олонецкой губ. 40 верстъ, а «може и болѣ, кто ево знаетъ», дополняютъ они; посреди волоку будто бы устроена истопка (не большая лѣсная избушка), въ которой путники отдыхаютъ, предварительно выкопавъ ее изъ-подъ снѣга, если случится быть зимою. Я хотѣлъ было рискнуть съѣздить въ Мехреньгу, но заболѣлъ и долженъ былъ вернуться обратно...

Другую же поѣздку туда я сдѣлалъ уже осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ того же года, и пришлось попадать въ эту мѣстность тогда съ другаго мѣста, а именно черезъ Ембскую волость, Кадниковскаго уѣзда въ Чушевицко-Покровскую Вельскаго уѣзда и затѣмъ черезъ Морозовскую въ Тавреньгу. Отъ крайней деревни Кадниковскаго уѣзда—Исаковской—до мѣстности, называемой «Монастырекъ» (гдѣ дѣйствительно прежде былъ монастырь—Верхопежемскій) Вельскаго уѣзда волокъ считается 18 верстъ и дорога до того убійственная, что нѣтъ никакой возможности усидѣть въ тарантасѣ (то колодина, то яма на каждомъ шагѣ), и намъ весь волокъ пришлось идти пѣшкомъ, да и на бѣду случилось это темною ночью, отчего то и дѣло падали и спотыкались, а когда пріѣхали въ первую деревню Монастырька, то оказались оба съ ямщикомомъ и въ грязи, и въ водѣ,—«нитки сухой», что называется не было на насъ. Ночевавши въ деревнѣ, по утру я отправился къ мѣстному священнику, который любезно принялъ меня и даже показывалъ мнѣ церковныя древности.

Верхопежемскій монастырь (теперь приходская церковь) заключаетъ въ себѣ двѣ деревянныя церкви: холодную для лѣтней службы и теплую, т. е. съ печкою ¹⁾,—для зимней. Обѣ церкви, какъ и колокольня, стоятъ отдѣльно и расположены на берегу рѣки Пежмы и обнесены оградомъ. Войдя въ одну изъ церквей меня поразила живопись на иконахъ, такой живописи я никогда и нигдѣ не видалъ, такъ она древня и не похожа на современную. Будь я фотографъ, непременно снялъ бы копіи съ иконъ, что имѣло бы цѣнность для Императорскаго Археологическаго Общества. Кромѣ живописи, надо сказать, есть и другіе предметы, рѣдкостные и важные для археологіи, напр., вериги строителей монастыря, церковныя сосуды и т. п.

Изъ Монастырька я отправился въ Олюшино, дорога куда тоже гряз-

---

¹⁾ Замѣчательно, что печка въ церкви была еще въ царствованіе Екатерины II изъ глины и безъ трубы, какъ видно изъ мѣстныхъ архивныхъ бумагъ.

ная, но одно хорошо — нѣтъ колоднику и ямъ, а потому не тряско ѣхать. Въ Олюшинѣ остановился на земской станціи, у сыновей бывшаго предсѣдателя управы, и по обстановкѣ дома видно, что нѣкогда хорошо жилось здѣсь... Собственно Олюшино—приходъ Морозовской волости, состоящій изъ 4-хъ деревень: Дорь, Бутышкино, Середняя (гдѣ я остановился) и Слудная. Возлѣ послѣдней деревни находятся двѣ церкви, одна каменная, другая деревянная, церкви очень небольшія. Былъ я у обѣдни—служба происходила въ деревянной церкви,—гдѣ молящихся оказалось человѣкъ 10—12 только, и то почти однѣ старушки. Внутреннее устройство и украшеніе церкви очень бѣдно, начиная съ запылившагося потолка, который къ тому же не выше 4-хъ аршинъ отъ полу и кончая иконостасомъ. Священникъ же высокаго роста и казался еще выше въ маленькомъ алтарѣ и должно быть очень ужъ поусердствовалъ на счетъ еміама, а потому дымъ отъ ладана до того былъ густъ, что и самага-то священника еле было видно... Помолившись Богу, я отправился въ Лыцно-Боровскую деревню, уже Тавренгской волости, куда опять пришлось ѣхать—22 версты—все лѣсами; и дорога, по увѣренію ямщика, была такъ грязна, что иначе, какъ на «тройкѣ» и не проѣхать. Дѣлать нечего, пришлось взять тройку лошадей, хотя и на парѣ вполне можно бы проѣхать. На половинѣ волока есть такъ называемый «разбойный догъ», гдѣ, судя по преданію, прежде жили разбойники, въ числѣ 40 человѣкъ. Пытался было я найти слѣды ихъ жилищъ, но безуспѣшно—время все стерло.

Приѣхавши въ Лыцно-Боровскую, я застаю тамъ цѣлую массу пьяныхъ мужиковъ, бабъ и разряженныхъ въ кумачныя кофты, пестрые сарафаны дѣвицъ, съ пѣснями расхаживающихъ по деревнѣ. Оказалось, что въ тотъ день въ деревнѣ былъ «пивной» праздникъ, деревня же, т. е. жители ея были зажиточные крестьяне и пива наварили цѣлое море, которое и требуетъ, по-вѣрно, не единичныхъ усилій его обсушить. Здѣсь каждый крестьянинъ сваритъ на пиво ржи 10—15 пудовъ и кромѣ того покупаетъ еще отъ $\frac{1}{4}$ до 1 ведра водки; всѣ эти напитки и истребляются населеніемъ окрестныхъ деревень. Дѣвицы на такіе праздники приходятъ большею частью для того, чтобы себя показать и жениховъ посмотреть, хоть не прочь иногда и «пригубить» какаго нибудь изъ упомянутыхъ напитковъ, лишь при условіи, чтобы никто, кромѣ товаровъ, этого не видалъ. Къ такому празднику варится пиво каждымъ домохозяиномъ, хотя у него и не хватало бы хлѣба и для своего продовольствія, не варить же пива,—значить не уважать праздника, грѣшить противъ того святаго, день котораго чтутъ. Таковы понятія у населенія, такова сила обычая, стариками установленнаго!

Празднованіе пивомъ или сусломъ какаго-нибудь дня бываетъ не только

въ честь того святого, но и въ ознаменованіе какого-нибудь выдающагося въ жизни народа событія: мора людей или скота, чудеснаго избавленія отъ пожара, градобіятія и т. п. Такіе праздники называются здѣсь или «мольбой» или «обѣщаннымъ».

Пріѣхавши въ с. Пономаревское я на этотъ разъ остановился въ волостномъ правленіи, дабы скорѣе получить кое-какіе статистическія свѣденія и не посредственно самому, а не черезъ другое лицо, что мнѣ на этотъ разъ и удалось, благодаря удостовѣрительнымъ бумагамъ о цѣли посѣщенія мною этой мѣстности. Но, къ слову сказать, никакого содѣйствія мнѣ мѣстныя власти не оказывали, да я и не настаивалъ на этомъ и былъ благодаренъ имъ за то хотя, что не препятствовали въ собираніи свѣденій по этнографіи края.

Пособравши кое-что и сходявши въ дер. Якушевскую для осмотра «городка»,—рѣшилъ было ѣхать далѣе, но опять въ слѣдствіе худаго питанія заболѣлъ и пришлось остаться и ждать пріѣзда фельдшера, который уѣхалъ куда-то верстъ за 100. Къ счастью моему черезъ два дня пріѣхалъ въ Пономаревское докторъ изъ Вельска и привезъ съ собою не большую аптечку-сундучекъ съ медикаментами и помогъ мнѣ. 1-го октября, помнится, я выѣхалъ въ Хмельники, хотя докторъ и запрещалъ еще выѣзжать, рано-де, да и дорога въ Ширыханово по слухамъ была ужасна; къ тому-же, по увѣренію ямщика, около Ширыханова и Подюги медвѣдей такъ много, что ночью «волоками» положительно нельзя ѣздить, да и днемъ «опасно»... Кое-какъ доплелся таки и до Хмельниковъ и остановился почевать опять въ д. Давыдовской. Говорю «кое-какъ» потому, что эту станцію я ѣхалъ чуть-ли не 10 часовъ, такъ какъ на пути сломалась ось у тарантаса, и пришлось перемѣнить лошадей въ дер. Пуминовѣ, гдѣ пока искали ихъ да пока смазывали телѣгу (тарантаса не оказалось въ деревнѣ), времени прошло не мало. Переночевавши въ Давыдовской, на утро я двинулся въ Нижнюю Подюгу, спѣша по лѣтней дорогѣ осмотрѣть мѣстность по р. Подюгѣ, дабы курганы и городища, о существованіи которыхъ я зналъ по разсказамъ жителей, не покрылись снѣгомъ. Дорога въ Нижнюю Подюгу идетъ все сосновыми борями и мимо Хмельницкую церковь, которая расположена на берегу р. Вель, на довольно красивой горѣ. Отъ церкви волокъ 16 верстъ, посреди котораго есть громадная гора, называемая «волоковая», спускъ съ коей тянется на $\frac{1}{2}$ версты, хотя и отлогс. Лѣсъ около дороги—исключительно сосновый, красивый; особенно выдается красотой сосновый же боръ передъ самою Подюгою: лѣсъ громадныхъ размѣровъ, и совершенно гладкія деревья, вѣтки раскинулись лишь на вершинѣ, что у пальмы; однимъ словомъ какъ настоя-

щій паркѣ, тщательно оберегаемый и подчищаемый, хотя ни о какой подчисткѣ здѣсь не могло быть и рѣчи.

Деревня Дьявовская, гдѣ я остановился, расположена на берегу р. Подюги, въ котловинѣ; почти рядомъ съ этой деревней есть другая еще деревушка, противъ которой, на другомъ берегу рѣки—мѣстная приходская церковь, а затѣмъ все вокругъ громаднѣйшія горы, покрытыя вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ. Мѣстность эта чрезвычайно красивая и здоровая; невольно подумаешь: «вотъ гдѣ лечиться-то бы нашей интеллигенціи отъ грудныхъ и нервныхъ болѣзней?»... Такую живописную мѣстность трудно и встрѣтить, особенно у насъ на сѣверѣ: куда ни взглянешь,—картины такъ и просятся на полотно! Замѣчательно, что горы эти всѣ имѣютъ форму сахарной головы, вверху нѣсколько усѣченной, и между горами есть весьма узкія и глубокія ущелья, точно на Кавказѣ, внизу же неизбежно журчитъ горный ручеекъ, и грунтъ земли твердый, каменистый; на такихъ ручейкахъ есть и меленки. Ни населенныхъ мѣстъ, ни болотъ на полтора десятка верстъ въ окрестъ Нижней-Подюги нѣтъ; не даромъ и крестьяне «хвастаютъ» своимъ здоровьемъ: «мы не знаемъ болѣсти, разѣ што ушибешь, ну, заболить то мѣсто»... Жаль, если Удѣльное вѣдомство вырубить эти лѣса; тогда горы потеряютъ всю свою живописность, да и воздухъ будетъ уже не тотъ, не такъ здоровъ, какъ теперь.

Записавши и здѣсь кое-что изъ матеріаловъ и заказавъ сдѣлать мѣстному столяру модели хозяйственныхъ построекъ и домашней утвари, отправился далѣе, въ Верхнюю Подюгу. Дорога отсюда до дер. Николаевской идетъ все возлѣ рѣки Подюги, и на пути тоже ни одной деревни нѣтъ; горы же на всемъ протяженіи волока одна другой громаднѣе, изъ которыхъ есть даже такія, что съ возомъ на лошади одному человѣку ни спуститься, ни подняться почти не возможно, до того круты и высоки. Въ этомъ случаѣ крестьяне прибѣгаютъ къ слѣдующему способу; во-первыхъ, ѣдутъ этимъ волокомъ всегда артелями, если возы грузны, и во-вторыхъ, доѣхавши до такой горы, выпрягаютъ лошадей и возы спускаютъ на рукахъ, т. е. поддерживаютъ сани или телѣгу руками и тормоза ходъ экипажа какимъ-нибудь коломъ; спустивши такимъ манеромъ возы, ведутъ и лошадей туда же. Точно также и поднимаются сообща, подпирая къ каждому возу нѣсколько лошадей. О дорогѣ уже нечего и говорить, понятно, что она и зимою и лѣтомъ очень плоха на такихъ неровностяхъ. Приѣхавши въ Николаевскую—по пути осмотрѣвъ городище,—какъ уже во второй разъ, нѣсколько познакомившись, то сразу же нашлись и рассказчики, и я весь день и вечеръ тотъ занимался записываніемъ сказокъ. Однако, долго жить здѣсь нельзя было. такъ какъ

кромѣ молока и грибовъ никакой пищи не оказалось въ Николаевской, да и это бы еще ничего, еслибъ можно было достать чистаго ржанаго хлѣба, но его не было. Въ этотъ годъ по всей Верхней Подюгѣ былъ неурожай ржи, и населеніе питалось овсянымъ и на половину съ мякиною хлѣбомъ... Смотрѣлъ здѣсь и древности церковныя, изъ которыхъ особо примѣчательными являются деревянныя вѣнцы, найденныя священникомъ въ церковной кладовой.

Изъ Николаевской я отправился опять въ злополучное Ширыханово. Дорога до Хмелеванской лѣтомъ идетъ все лѣсами, минуя д. Вельцы, и до того колодиста, такъ сказать, что большею частью пришлось весь волокъ — 27 верстѣ—идти пѣшкомъ, нерѣдко по колѣни вязнуть въ грязи. Но какъ бы то ни было, все же, хотя и съ большимъ трудомъ, добрался наконецъ опять до Ширыханова и на этотъ разъ уже до крайнихъ деревень, гдѣ далѣе начинается уже Олонецкая губернія, попасть куда въ октябрѣ нечего было и думать.

Подѣзжая къ деревнѣ Ржиново, я былъ страшно пораженъ бѣдностью постройки: вмѣсто домовъ какія-то килейки или истопки ¹⁾, полуразвалившіяся къ тому же; входъ въ эти строенія устроенъ по какимъ-то жердямъ вмѣсто крыльца; вмѣсто стѣволъ въ крошечныхъ рамкахъ торчатъ бычачьи пузыри и т. п. Такой бѣдной, такой грязной деревеньки у насъ, на Сѣверѣ, при такомъ обиліи лѣсовъ, трудно найти, да подай, Господи, никогда не увидать подобной—ужасно тяжело видѣть такую нищету...

Когда мнѣ говорили въ с. Пономаревскомъ, что въ Ширыхановѣ сушатъ хлѣбъ на печкѣ, а молотятъ его на полу своей хижины, а мелютъ въ ступахъ и тоже въ избѣ, ибо ни гумень, ни мельницы завести, т. е. устроить не въ состояніи, то все это я принялъ тогда за шутку, но теперь, поглядѣвши на житье-бытье ширыхановцевъ, приходится отчасти повѣрить и этому. Остановиться въ Русиновѣ не у кого было, и мнѣ по неволѣ пришлось ѣхать къ мѣстному священнику на квартиру. Но и священнической домъ мало чѣмъ отличался отъ крестьянскаго, развѣ только тѣмъ, что въ избѣ было почище подметено да и самоваръ имѣлся, во всемъ же остальномъ—та же крестьянская изба. Есть тутъ и церковно-приходская школа, которая помѣщается въ церковной сторожкѣ, небольшой тоже килейкѣ. Напившись чаю у священника, я хотѣлъ было сразу же приняться за дѣло, но все мои старанія найти расквашка оказались тщетны. Здѣсь, можно сказать, настоящіе дикари и

¹⁾ Истопка—лѣсная избушка.

такъ, по ихъ выраженію, «натыканы» мѣстнымъ начальствомъ, что въ каждомъ прїѣзжемъ видятъ чиновника и при-томъ непремѣнно злого, отъ котораго надо идти прочь, въ лѣсъ куда-либо... Мнѣ никто не хочетъ вѣрить, чтобы я интересовался ихъ сказнами или пѣснями и втихомолку говорятъ про меня, что это «тайная полиція», а потому никого я ни почему не могу созвать къ себѣ. Мой ямщикъ Боровиковъ звалъ было мимо шедшую старушку въ домъ священника, но оказалось, что вѣсть о моемъ прїѣздѣ дошла и до ея слуха, и она была такъ запугана мужиками своей деревни, что на-отрѣзъ отказалась зайти въ домъ, а между тѣмъ старушка эта ходитъ «причѣтницей» по свадьбамъ и, слѣдовательно, весь свадебный обрядъ и колдовство знаетъ отлично и для меня была бы полезна. Вотъ, подумаешь, при такихъ условіяхъ и работахъ. А сказочникъ Ефимъ изъ д. Горы тотъ еще лучше оказался: сначала казался больнымъ, а потомъ, когда я подѣхалъ къ нему и послалъ ямщика узнать: не расскажетъ-ли чего-либо?, то онъ чуть не «отдулъ» его, закричалъ, чтобы и близко къ дому не подходили... «Что, думаю, за чертовщина такая, за что такъ озлились на меня ширыхановцы? Почему они принимаютъ меня за агента тайной полиціи и причѣмъ тутъ полиція»? Спрашиваю ямщика, который и разъяснилъ. Дѣло оказывается въ томъ, что не задолго до моего прїѣзда крестьяне обокрали общественный магазинъ, весь запасной хлѣбъ вытаскали, о чемъ и велось слѣдствіе, но виновныхъ въ этомъ заглашья не скоро сыщешь: ширыхановцы ни за что одного другаго не выдаютъ, живутъ «всѣмъ міромъ». Вотъ почему они и приняли меня за агента полиціи. Да на что лучше: и жена священника — «попадья» — тоже считала меня за сыщика, какъ въ послѣдствіи узналъ я. Послалъ, разъ, за старостою, думая, что тотъ найдетъ мнѣ какого нибудь скашника, но сказали, «дома нѣтъ», что равносильно тому, что «спрятался-де». «Чортъ знаетъ что это такое, выругался я про себя, изъ-за такой ерунды да хотъ бросай все дѣло, а мѣки-то сколько принялъ, ѣхавши сюда!» Но мало по малу взглядъ на меня со стороны населенія поизмѣнился, и какой-то Терѣха пришелъ ко мнѣ и поразказалъ кое-что, а за нимъ и другіе...

Однако, здоровье мое въ Ширыхановѣ опять поразстроилось, въ слѣдствіе дурнаго питанія, да и простудился еще къ тому же, промочивши ноги, и надо было выбираться поскорѣе изъ этой глуши, медицинской помощи ждать здѣсь нечего: одна надежда на Бога. Дѣлать нечего, собрался въ обратный путь, но въ Хмелеванской еще пришлось остановиться на два дня, во-первыхъ потому, что матеріаловъ оказалось много, да и свадьба случилась тутъ, которую мнѣ хотѣлось лично видѣть, во-вторыхъ я не могъ идти пѣшкомъ, будучи боленъ, а въ тарантасѣ нѣтъ возможности высадѣть такой волокъ, какъ 27

версть и то володистою дорогою. Рѣшилъ ждать снѣгу и по санному пути уже ѣхать. Къ счастью моему черезъ день или два дѣйствительно выпала глубокая пороша снѣгу, и я немедленно отправился на Подюгу и далѣе въ Хмельники, дабы выбраться по порошѣ домой, опасаясь, чтобы не растаяла, и не застрясть бы въ Ширыхановѣ на долго.

Но дѣлаю не большое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о степени богатства того края: въ Хмелеванской мнѣ нужно было расчитаться за квартиру и подводы, а денегъ мельче 10-ти рублевой бумажки не было, которую никто не могъ во всей деревнѣ размѣнять до Боровиковъ—содержатель станціи—говорить, что и во всей волости (приходѣ) не найти здѣсь десяти рублей, а «вотъ въ Подюгѣ тамъ ужъ размѣняютъ, потому народъ тамъ богатѣ нашево»... Какого же было его удивленіе, когда онъ три деревни и тамъ обходилъ съ этой бумажкой, и никто не могъ размѣнять? Нашелся было одинъ крестьянинъ и похвастался, что я размѣняю-де, но, придя домой, посчиталъ, посчиталъ свои деньги—не хватаетъ 3-хъ руб. къ десятку да и баста! Спасибо мѣстному священнику, тотъ уже размѣнялъ, а то хоть плачь и съ деньгами, да и у священника, острять подюжане, нашлась такая сумма потому, что недавно еще поступилъ сюда на мѣсто, не успѣлъ еще обнищать.

Но вотъ опять я въ Хмельникахъ, гдѣ прежде всего отправился въ мѣстную часовню, въ которой по слухамъ хранились такія древности, какъ холщевыя ризы, и мнѣ хотѣлось посмотреть ихъ. Часовня эта, какъ и многія другія, здѣсь никогда не запирается, хотя скопляется тутъ иногда порядочно и денегъ, но народъ нашъ сѣверный настолько нравственъ и богобоязненъ, что о кражѣ чего-либо изъ часовни не можетъ быть и рѣчи. Холщевыхъ ризъ, однако, я не видѣлъ въ часовнѣ; онѣ будто бы взяты въ мѣстную церковь; иконы въ часовнѣ дѣйствительно есть древнія, да еще восковой под-свѣчникъ, вотъ и все, что я видѣлъ достопримѣчательнаго тутъ. Выйдя изъ часовни, ходилъ въ поле и осматривалъ тамъ курганы, называемые здѣсь «пунки». Затѣмъ послалъ за двумя охотниками—«Блинникомъ» и «Лискичемъ», по прозвищамъ—но ни тотъ, ни другой по первому зову не явились, хотя я обѣщалъ заплатить имъ поденщину. Содержатель станціи говорить, что боятся придти ко мнѣ, такъ какъ «понаслышали», что я буду ихъ спрашивать о заговорахъ и о прочемъ, а сказать опасатся, какъ бы худа не вышло. Посылаю вторично за Лискичемъ и самого содержателя станціи, которому и удалось уговорить его придти ко мнѣ, такимъ образомъ и пошло дѣло на ладъ.

Во всей этой мѣстности народъ до того скрытенъ и забитъ, что съ

большимъ трудомъ иногда добьешься того хотя, чтобы сказали названія-то живыхъ урочищъ. Если бы не содержатели станцій, которые болѣе или менѣе уже «пообтѣрились», по ихъ собственному выраженію, то ничего не собрать изъ этнографическихъ матеріаловъ.

Пособравши кое-что въ Хмельникахъ, я отправился въ Пономаревское и по дорогѣ туда заѣзжалъ въ деревню Першенскую, гдѣ у одного крестьянина хранился чудской топорикъ, каковой и приобрѣтенъ мною. Въ с. Пономаревскомъ я опять жилъ нѣсколько дней, но затѣмъ успѣвши уже вернуться домой, такъ какъ здоровье мое не въ шутку стало очень плохо. Приѣхалъ домой около 20 октября совершенно разбитый и усталый, такъ что двѣ недѣли хворалъ послѣ этой поѣздки.

Представляя теперь свой слабый трудъ на судъ читающей публики, льщу себя надеждою, что гг. ученые этнографы не осудятъ меня строго за всѣ тѣ промахи, неточности и за топорность, такъ сказать, изложенія, принимая во вниманіе, что собиралъ я эти матеріалы послѣшно въ силу необходимости, будучи больнымъ да и полуголоднымъ...

А. Шустиковъ.

ТАВРЕНЬГА.

Тавреньга, собственно говоря, одна изъ волостей Вельскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Въ географическомъ отношеніи она занимаетъ юго-восточную часть этого уѣзда и съ одной стороны граничитъ съ мѣстностью, извѣстною подъ именемъ «Троичины», Кадниковскаго уѣзда, а съ другой — съ Каргопольскимъ уѣздомъ, Олонецкой губ. и наконецъ съ остальными волостями Вельскаго уѣзда.

Тавреньга раскинута на протяженіи 130—140 верстъ, такъ, напр., отъ крайней деревни съ юго-запада (Заболого) до крайней деревни этой волости съ сѣверо-востока (Ерцево) считаютъ, такъ называемой «проселочной» дорогою 130 верстъ, не говоря о границахъ земельного владѣнія съ той и съ другой стороны. Въ прежнее время, до учрежденія волостей, когда были еще вмѣсто ихъ «приказы», Тавреньга была еще обширнѣе: къ ней причислена была еще цѣлая мѣстность, составляющая въ настоящее время Есютинскую, Морозовскую и Пежемскую волости, Вельскаго же уѣзда.

Нечего говорить о томъ, что климатъ въ данной мѣстности, какъ и во всей Вологодской губерніи, очень суровый, что, думается, каждому извѣстно. Во всякомъ случаѣ скажемъ, что 30—40° мороза здѣсь — явленіе обычное по зимамъ. Розливъ рѣкъ бываетъ въ первыхъ числахъ мая, но это далеко еще не весна... Теплая погода иногда начинается лишь съ 1-го іюня.

Теперь обратимся къ статистикѣ.

Населеніе Тавренгской волости состоитъ изъ 2,474 рев. душъ, а наличныхъ по свѣдѣніямъ мѣстнаго волостнаго правленія считается 6,662 чел., въ томъ числѣ мужчинъ 3,275 чел., женщинъ 3,387 чел. Дворовъ въ волости 1,076. Сельскихъ обществъ 6-ть, а именно: Тавренгское, Завельское, Хмельницкое, Верхне-Подюжское, Нижне-Подюжское и Ширыхановское. Число селеній 53, которыя распредѣляются по обществамъ такъ: въ Тавренгскомъ обществѣ 16 селеній, въ Завельскомъ 14, въ Хмельницкомъ 10, въ Верхне-Подюжскомъ 5, въ Нижне-Подюжскомъ 3 и въ Ширыхановскомъ 5-ть ¹⁾.

Церквей съ постоянною службою (приходскихъ) 5, изъ которыхъ 2 каменные, а остальные 3 деревянные. Одна изъ деревянныхъ церквей—Покровско-Ширыхановская—считается народомъ за самую древнюю церковь во всемъ уѣздѣ, но это подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ того есть еще, такъ сказать, временныя церкви, гдѣ служба бываетъ лишь въ извѣстные дни года, раза 3—4 въ годъ. Такая церковь, напр., есть въ Верхне-Подюжскомъ приходѣ при дер. Вельцевской; устроена она во имя явленной иконы св. Николая Чудотворца; служба бываетъ въ ней 4 раза въ годъ. Церковь эта довольно большаго размѣра и построена уже очень давно, но, къ сожалѣнію, годъ основанія ея, какъ и многихъ другихъ церквей на Сѣверѣ Россіи, обыкновенно неизвѣстенъ. Рассказываютъ, что было дѣлаемо нѣсколько попытокъ сдѣлать эту церковь приходскою, и однажды ходатайство крестьянъ дер. Вельцевской было уже близко къ удовлетворенію: отведена была и земля въ надѣлъ будущему причту, а крестьяне построили уже и дома для священно-церковно-служителей, но вскорѣ послѣ

¹⁾ Названія ихъ помѣщаемъ въ отдѣлѣ «живыхъ урочищъ».

того вышло распоряженіе правительства о сокращеніи причтовъ, и по сему открытіе вновь прихода здѣсь не разрѣшено.

Такая же съ временною службою церковь есть и въ дер. Зеленой и тоже въ честь явленной иконы. Объ явленіяхъ той и другой изъ этихъ иконъ будетъ сказано нами въ отдѣлѣ преданій.

О началѣ заселенія данной мѣстности никакихъ письменныхъ актовъ не имѣется, а равно не имѣется и устныхъ преданій, болѣе или менѣе вѣрныхъ. Говорятъ про ту или другую деревню, что сначала поселилось въ ней столько-то человекъ, или: «старики наши запоминать, что въ N было только 3 дома, а нонѣ вотъ ужъ 30» и—только, но когда случилось поселеніе и по какому случаю и кто именно впервые поселился,—преданіе въ большинствѣ случаевъ умалчиваетъ. Но, между прочимъ, мы должны оговориться здѣсь, что между преданіями есть и такія, что встрѣчаются въ разныхъ деревняхъ и по сходству между собою являются какъ бы признаками правды. Такъ, напр., въ дер. Зеленой пишущему эти строки рассказывали, что въ очень древнія времена сослано было въ Тавреньгу изъ г. Бѣлозерска, Новгородской губ., три человекъ, которые и были первыми колонизаторами данной мѣстности. Другое преданіе, записанное въ с. Пономаревскомъ, говоритъ объ этомъ такъ: Въ древнее время пріѣхали изъ Бѣлозерска въ Тавреньгу три князя управлять Чудью и всѣмъ народамъ, ранѣе ихъ поселившимися здѣсь. По пріѣздѣ своемъ князя эти засѣли: одинъ, по фамиліи Шестаковъ, въ 6-ти верстахъ отъ нынѣшней деревни Зеленой, отчего и до сихъ поръ то мѣсто, гдѣ онъ будто бы жилъ, зовется «шестаковымъ пенникомъ» и замѣтны слѣды пашни, хотя на немъ выросъ уже громадныхъ размѣровъ лѣсъ. Другой изъ этихъ князей, по фамиліи Стоговъ, поселился близъ мѣстности Олюшина, Морозовской волости, составлявшей тогда, какъ уже сказано, въ административномъ отношеніи одну единицу съ Тавреньгой, если въ то время существовала здѣсь какая-либо администрація. Третій изъ нихъ—Распопа—поселился около с. Пономаревскаго.

Шестакова считаютъ основателемъ деревни Зеленой, въ послѣдствіи, когда умеръ Шестаковъ, переселившейся на теперешнее мѣсто.

У всѣхъ трехъ изъ этихъ поселенцевъ, которыхъ народъ почему-то называетъ князьями, были обширныя владѣнія, въ смыслѣ захвата земли, что уже видно по одному тому, что чуть не по всей мѣстности встрѣчаются живыя урочища, ихъ именемъ, т. е. фамиліею, названныя и удержавшія свое названіе до нашихъ дней. Что за люди были эти поселенцы и что ихъ понудило покинуть Бѣлозерскъ и поселиться здѣсь? — преданіе умалчиваетъ, но что это были не первые колонизаторы данной мѣстности, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, судя по преданіямъ и находкамъ. Мы склоняемся къ тому, что аборигенами Тавреньги былъ народъ, извѣстный подъ именемъ Чуди и лишь въ послѣдствіи русскіе поселились здѣсь, отчасти вытѣснили ихъ далѣе на сѣверъ, какъ говорится здѣсь «въ Корелу», отчасти же сдвинули такъ сказать съ ними. Къ этому убѣжденію насъ приводитъ во-первыхъ многочисленныя преданія о пребываніи здѣсь Чуди, а во-вторыхъ и самыя названія живыхъ урочищъ, каковыя названія, не русскаго происхожденія, начиная, напр., съ самаго названія мѣстности «Тавреньга», далѣе рѣчки: «Кырычинга, Кварзанга, Шенчуга, Свззеньга» и т. д. Жители дер. Прилукъ, Завельскаго общества, до сихъ поръ называются здѣсь «Чудями», потомками прежней Чуди, да судя по наружности, а равно и по образу жизни ихъ, рѣзко отличающемуся отъ жителей прочихъ деревень, пожалуй, и повѣрить этому можно. Достаточно сказать, что они до сихъ поръ занимаютъ земледѣльемъ, какъ говорится: «такъ-себѣ», «на ѣду», т. е. для своего пропитанія—только, предпочтая ему охоту, которую занимаютъ съ любовью и положительно всѣ мужчины отъ «нала до велика», но что всего характернѣе—охотою на пушнаго звѣря (въ особенности на медвѣдя), охоту же за дичью—на рабчиковъ и тетеревой—считаютъ не выгодною и унижительною для себя. Между тѣмъ,

какъ это мы увидимъ ниже, жители всѣхъ остальныхъ деревень данной мѣстности занимаются исключительно земледѣіемъ, около землицы «промышляютъ».

Обратившись къ описанію наружности какъ Прилучанъ, такъ и остальныхъ жителей Тавренги (исключая Ширыханова, гдѣ опять своеобразный типъ жителей), мы еще большую разницу замѣтимъ между ними. Начать съ того, что Прилучанинъ—роста высокаго, а житель другихъ деревень—средняго, даже, пожалуй, нѣсколько ниже средняго. Голова у Прилучанина большая, нѣсколько сплюснутая со лба къ затылку,— у прочихъ же голова средняго размѣра, круглая и съ прямыми лбомъ. Глаза у Прилучанъ открытые, большіе, стро-зеленаго, такъ сказать, цвѣта, тогда какъ у прочихъ въ большинствѣ случаевъ каріе и хотя встрѣчаются сѣрые, но съ голубымъ отливомъ. Волосы у Прилучанъ темные, у прочихъ—русые, даже нѣсколько рыжеватые. Бороду носятъ Прилучане узкую и длинную, но волосы на ней рѣдкіе, у прочихъ же борода широкая и густая. Носъ у Прилучанина большой, нѣсколько клювовъ, у прочихъ угрѣнный и прямой или сдернутый къ верху—«куроносъ». Верхняя челюсть у Прилучанина рѣзко выдается впередъ.

Отличительными признаками того и другаго типа можно отмѣтить еще то, что у Прилучанъ слишкомъ длинны ноги, сравнительно съ туловищемъ, а у прочихъ наоборотъ: не соразмѣрно длинно туловище, въ особенности животъ, отчего всѣ вообще «таврежана» носятъ клычку въ другихъ мѣстахъ узда «брюханы» и «веншебды». Еще можно упомянуть о нѣкоторомъ различіи въ держаніи себя при разговорѣ Прилучанина и Таврежанина: Таврежанинъ говоритъ спокойно, даже лѣнливо, Прилучанинъ же при разговорѣ ежеминутно жестикюлируетъ, размахивая руками. Признаками красоты женщинъ считается какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ бѣлизна лица, дородство и русые волосы. Послѣдніе восхваляются въ многочисленныхъ пѣсняхъ и причетахъ, напр., «росцени-ко, батюшко, русое волосицѣ!..», а иногда и прямо говорится «жвотое», но ни въ какомъ случаѣ не черное.

Типъ же Ширыхановцевъ, вообще какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, красивый. Они въ большинствѣ случаевъ высокаго роста, съ правильными чертами лица, черноглазые, но только съ явною печатью недоѣданія на лицѣ. Особо выдающейся какой-либо части тѣла не замѣтно. Ихъ можно сравнить съ новгородцами, но какъ бы оцѣганившимися, если позволительно такъ выразиться. Говоръ ихъ—смѣсь важскаго съ олонекнигъ: горвать они нараслѣвъ, какъ и ваганы, «цѣкають» также, какъ и олоненцы...

Средства къ жизни населенія.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію средствъ къ жизни мѣстнаго населенія, считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о землевладѣніи въ данной мѣстности.

Всѣ по-западѣльные земли (исключая Ширыхановскаго общества, гдѣ жители—бывшіе государственные крестьяне), принадлежать здѣсь Удѣльному вѣдомству; частнаго землевладѣнія въ мѣстности, какъ, впрочемъ, и во всемъ Вельскомъ уѣздѣ, почти нѣтъ, если не считать той горсти частныхъ владѣльцевъ, купившихъ отъ Удѣльнаго же вѣдомства такъ называемые «полевые круги», заключающіеся въ нѣсколькихъ десятинахъ пахотной земли. О томъ, что такое «полевой кругъ», считаемъ тоже нужнымъ пояснить. Во время крѣпостваго права Удѣльное вѣдомство, ради обезпеченія крестьянъ въ продовольствіи на случай неурожая хлѣбовъ, нарѣзало по каждому обществу, чуть-ли не по каждой деревнѣ небольшое количество земли («кругъ») для общественной запашки, и снятый съ такихъ круговъ хлѣбъ ежегодно поступалъ въ запасные магазины общества. Съ уничтоженіемъ же крѣпостничества и съ отводомъ по 7 десятинъ на душу крестьянамъ въ надѣлъ земли, круга эти Удѣльное вѣдомство оставило за собою, а впоследствии и продало ихъ въ личную собственность желающимъ, обыкновенно мѣстными «богачамъ» крестьянскаго же сословія.

Теперь приступимъ къ описанію средствъ въ жизни.

Главнѣйшими изъ средствъ въ жизни мѣстнаго населенія являются: хлѣбопашество, скотоводство, луговое хозяйство и огородничество, льноводство и рыболовство и, какъ промыслы, дающіе средства для уплаты разныхъ повинностей, извѣстны здѣсь: охота (по мѣстному «лѣсованіе»), рубка и возка лѣсу и сдирка скалы.

а) Хлѣбопашество.

Хлѣбопашество въ данной мѣстности занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ промысловъ, дающихъ средства въ жизни и уплатѣ разнаго рода повинностей, но сѣется главнѣйшимъ образомъ лишь рожь и овесъ, отчасти только горохъ и ячмень. Рожь и овесъ въ совокупности занимаютъ $\frac{9}{10}$ всей засѣваемой площади. Система хозяйства здѣсь, какъ и всюду на Сѣверѣ, трехпольная. Обработка почвы производится сохою и бороною, которыя замѣчательны лишь тѣмъ, что своею конструкціею они едва ли не древнѣе всякаго княжескаго рода. О плугахъ или даже объ усовершенствованной сохѣ или борошѣ крестьяне не имѣютъ и понятія. Почва въ Тавренѣ не одинакова по обществамъ; такъ, напр., въ Тавренскомъ и Хмельницкомъ обществѣ очень хорошая, а въ прочихъ—«такъ себѣ», но всюду требуется очень много хорошаго навознаго удобрения, дабы получить и хорошій урожай. На хорошо «сдобренной» землѣ, напр., рожь родится здѣсь сама 8—10, а иногда и сама 12-я, тогда какъ безъ удобрения она не родилась бы и въ половину того.

Посѣвъ яроваго бываетъ около 10—20 мая, вслѣдъ по оттаяніи земли, когда будетъ возможность вспахать полосу. Осинное сѣется между 10—25 іюля мѣсяца, но при этомъ руководствуются слѣдующею примѣтою: когда летающіе мураши (муравьи) будутъ довольно крупны и числомъ ихъ будетъ много—самая настоящая пора сѣва, по замѣчанію мѣстныхъ агрономовъ.

Жатва хлѣбовъ начинается, какъ тольکو созрѣютъ зерна, но въ Ширыхановѣ жнутъ и ранѣе, не дожидая полной зрѣлости, во избѣжаніе вызабанія хлѣбовъ. Вообще жатва проиходитъ отъ 10-го августа до 1-го сентября.

Молоченье начинается тотчасъ же по окончаніи жатвы, а иногда и во время ея. Последнее бываетъ когда, что называется «размокрогодилось», и въ данномъ случаѣ, чтобы не сгнилъ хлѣбъ, его сейчасъ же убираютъ съ полей въ гумна, гдѣ, въ овинахъ, усиленно сушатъ и обмолачиваютъ.

Мелютъ всегда на своихъ мѣстныхъ водяныхъ мельницахъ, въ которыхъ недостатокъ здѣсь нѣтъ, такъ какъ рѣчекъ и ручьевъ здѣсь множество. Изъ мельницъ особо-примѣчательными по своему оригинальному устройству являются на р. Подюгѣ «мельницы-колотушки» (крупянки). Устройство ихъ таково: устанавливаются въ рѣкѣ 4 столба, скрѣпленные брусамъ; между столбами кладется деревянный валъ съ нѣсколькими шипами на немъ, къ одному концу этого вала—что къ рѣкѣ—прикрѣпляется колесо. Подъ валъ кладутся на камняхъ или деревѣ 2 ступы, отъ которыхъ идутъ 2 песта, тоже съ шипами—и вотъ все ихъ устройство. Колесо вертится вмѣстѣ съ валомъ, шипы послѣдняго задѣваютъ за шипы пестовъ и поднимаютъ песты на известную высоту; затѣмъ шипы расходятся, песты падаютъ и ударяютъ своими концами въ ступу съ зерномъ, и такимъ образомъ получается крупа. Такая мельница сверху покрывается тескомъ, но съ боковъ столбы не обшиваются ничѣмъ. Во время разлива рѣки ступы снимаются, а колесо прикрѣпляется къ землѣ коломъ, дабы не вертѣлось—и мельница убрана. Устраиваютъ ихъ на самой «быстротѣ», чуть-ли не посреди рѣки, напр. при дер. Вельцевской, Верхне-Подюжскаго общества, какъ видно изъ прилагаемаго наброска.

Само собою, разумеется, подобныя меленки могутъ удовлетворить лишь одну деревню, да и то смолоть зерно на крупу сомнительнаго качества, но за то не дорого и стоитъ ея устройство: 5—6 руб. только.

Тавренъга вообще изобилуетъ хлѣбомъ (исключая Ширыхановскаго и отчасти Верхне-Подюжскаго обществъ) и считается житницей остальныхъ волостей своего уѣзда, а равно Калининскаго и даже Каргопольскаго, Олонец. губ. Въ одинъ Калининскій уѣздъ на мѣстные пристани Тавренъга ежегодно отпускаетъ десятки тысячъ мудовъ зерна, преимущественно овса. Рѣдкій крестьянинъ не продастъ въ зиму 50—100 мудовъ ржи или овса, а нѣкоторые (напр., собственники «пелевыхъ круговъ») продаютъ по 500 и болѣе мудовъ. Такой излишекъ хлѣба объясняется не тѣмъ, чтобы земля въ данной мѣстности была ужь очень плодородна, а главнымъ образомъ потому, что население очень трудолюбиво и старается около землицы, холить и удабриваетъ ее такъ, какъ, пожалуй, нигдѣ и никто. Удобреніемъ служитъ здѣсь еловая хвоя, которая ежедневно постигается подъ скотъ и, подпрѣвая подъ нимъ, образуетъ отличное удобреніе для полей. Каждый заботливый хозяинъ ежегодно срубаетъ и привозитъ такой хвой для своего двора не менѣе 100 возовъ. Нерачителя къ земледѣлю всячески здѣсь осмѣиваютъ, напр. если крестьянинъ запустилъ, не вспахалъ полосу, то его сосѣди, въ какой-нибудь праздникъ, подъ хлѣбкомъ, не преминуть посмѣяться надъ нимъ, скажутъ: «Що, братъ, Петруха (или кто иной), сталъ, видно, разживаться, — земля отъ смиянъ стало оставаться?»... Эта насмѣшка, эта колкость всегда попадаетъ, какъ говорится, «не въ бровь, а въ самый глазъ» и сопровождается взрывомъ хохота со стороны постороннихъ, и такой нерачитель Петруха конечно на будущее время изъ-за одного самолюбія не оставитъ не вспаханной полосы.

Продуктами хозяйства большинство крестьянъ пріобрѣтаетъ средства не только къ жизни и уплатѣ повинностей, но и на пріобрѣтеніе предметовъ роскоши и «выпивку». Положимъ, потребности крестьянъ до того малы, что держась буквального смысла словъ, предметовъ роскоши и не существуетъ въ данной мѣстности. Напр. купить на штаны 3 аршина какого-нибудь трека въ 20—25 к. за аршинъ—здѣсь уже предметъ роскоши, а не необходимость, но это едва-ли можно отнести къ предметамъ роскоши...

Въ Верхне-Подюжскомъ обществѣ неурожай хлѣба бываетъ, но только всегда послѣ дождливой осени, такъ какъ мѣстность эта весьма гориста, и водою размываетъ почву, а слѣдовательно и удобрительные соки стекаютъ въ рѣку; это съ горъ; что-же касается низменныхъ мѣстъ въ поляхъ, то ихъ въ такое время заноситъ пескомъ. Такъ или иначе, словомъ, въ такое время рожь или не родится вовсе, или родится очень плохо. Яровые хлѣба въ сказанномъ обществѣ тоже не всегда удаются хорошими, но неурожай послѣднихъ бываетъ отъ диаметрально противоположной причины, а именно отъ засухи весною или лѣтомъ. Когда пишется этотъ очеркъ, то въ Верхне-Подюжскомъ обществѣ рожь уродилась такъ плохо, что многіе крестьяне не сжали ее, и населенію грозилъ голодъ, но мѣстное земство выручило его. Причина неурожая—сырая осень 1893 г.

Что-же касается Ширыхановскаго общества, то, должно сказать, земля тамъ очень-бы удобна для пахоты по своей плодородію, но бѣда здѣсь въ томъ, что по близости полей находится масса озеръ, озерковъ и болотъ, отчего хлѣбъ въ большинствѣ случаевъ вымываетъ, когда буквально весь, когда часть его. Но въ этотъ годъ, напр. 1894—урожай хлѣба тамъ былъ хорошій потому, что прошлогодняя осень стояла теплою, да и лѣто сего 1894 года было тоже теплое, безъ заморозковъ, а это для ширыхановцевъ такое счастье, какого они въ 10 лѣтъ лишь однажды видятъ, испытываютъ его. По крайней мѣрѣ такъ рассказываютъ, что полный урожай хлѣба бываетъ тамъ изъ девяти лѣтъ въ десятый, т. е. въ теченіи 9-ти лѣтъ хлѣбъ тамъ или вовсе вымываетъ или часть его, лишь въ одинъ годъ изъ десяти родится онъ полный. Отъ такихъ частыхъ неурожавъ населеніе дошло до крайней степени обнищанія, и за этимъ обществомъ числится громадная сумма недоимки, пополнить которую они едва-ли когда-либо будутъ въ состояніи. Напр. по одной продовольственной ссудѣ недоимки въ губернской продовольственный капиталъ числится за обществомъ по 10-е

октября 1894 г. (155 рев. душ) 2727 руб., болѣе чѣмъ по 16 руб. 30 коп. на каждую душу ¹⁾), не говоря о другого рода недоимкахъ и частныхъ долгахъ...

На этомъ мы и кончимъ говорить о хлѣбопашествѣ.

б) Скотоводство.

Скотоводствомъ занимаются здѣсь по столько, по скольку оно необходимо для хозяйства cadaго домохозяина, т. е. по количеству распашки опредѣляется и количество скота, ибо содержится скотъ въ данной мѣстности исключительно для накопленія навоза, дабы удобрить землю. Конечно, очень часто бываетъ и то, что вслѣдствіе бѣдности хозяина, скота содержится и менѣе того количества, чѣмъ-бы ему слѣдовало по его участку земли.

Вообще-же скотъ является мѣриломъ крестьянскаго благосостоянія въ мѣстности: чѣмъ болѣе скота у N., тѣмъ лучше у него удабривается земля, а слѣдовательно лучше родится и хлѣбъ, и—наоборотъ.

Разводятся здѣсь лошади, коровы, овцы и частію свиньи, но послѣднихъ разводятъ очень мало, лишь одни богачи. Обыкновенно зажиточный (не богатый и не бѣдный) крестьянинъ имѣетъ здѣсь отъ 10 до 15 коровъ, 2 лошади и до 20 шт. овецъ. Но это далеко не то, что мы привыкли подъ этими цифрами понимать: скотъ здѣсь до того плохъ, мелкорослъ, что едва-ли можно гдѣ-либо и встрѣтить такого; не видавшій такого скота всегда приметъ здѣшнюю самую большую корову за теленка, да и то, выражаясь по мѣстному, «нераженково».

Достаточно сказать, что отъ 10 коровъ — чему даже трудно повѣрить—масла здѣсь не постушаетъ въ продажу и фунта, его еле хватаетъ только для своей семьи, хотя живутъ крестьяне болѣе чѣмъ скромно и ³/₄ года постятся. Причина такого плохаго состоянія скотоводства кроется, по нашему мнѣнію, въ томъ, что кормятъ коровъ исключительно соломою и, какъ роскошь лишь, если изрѣдка дадутъ по зимамъ соломѣ съ сѣномъ, что называется «тряску», а потому коровы зимою буквально еле ноги передвигаютъ, а часто и совсѣмъ околѣваютъ. Да и лѣтомъ, по плохому состоянію скотскихъ выгоновъ, скотъ немного поправится отъ зимней голодовки, такъ какъ выгонныя тѣста большею частью или боровыя или болотистыя и такъ или иначе безтравны. Лошадей и овецъ хотя кормятъ сѣномъ, но послѣднее не имѣетъ достаточнаго количества растительныхъ соковъ, а потому—мало питательно.

Въ слѣдствіе такихъ причинъ и самая порода скота выработалась путемъ естественнаго приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ жизни въ какую-то особую, если позволительно такъ выразиться, въ «навозную» породу. Бываютъ исключенія (у богатыхъ крестьянъ) изъ этого опредѣленія относительно лошадей и свиней, но, что касается коровъ, то это опредѣленію какъ нельзя болѣе подходитъ къ подобному типу скота: они, какъ уже сказано, мелкорослы, коротки, тощи, вымя почти не замѣтно, но животь чуть не по землѣ волочится!

Средняя стоимость рабочей лошади здѣсь 30 руб., коровы 8—10 руб., овцы 3 руб. и свиньи 5 руб. Изъ однихъ этихъ цифръ уже можно судить о качествѣ и до-родствѣ скота...

в) Луговое хозяйство и огородничество.

Имѣя въ виду, что всѣ по-занадѣльные земли принадлежатъ здѣсь или удѣльному или казенному вѣдомству, то луговое хозяйство занимаются крестьяне не съ тѣмъ усердіемъ и любовію, какъ въ другихъ мѣстахъ губерніи; напр., хотя-бы въ Кадни-

¹⁾ Свѣдѣнія эти получены изъ мѣстнаго волостнаго правленія.

ковскомъ уѣздѣ. Тамъ, т. е. въ Кадниковскомъ уѣздѣ, каждый крестьянинъ всѣми силами старается во 1-хъ приобрести какой-нибудь клочекъ сѣнокошной земли, «поженку» и, приобретя, расчищаетъ его «для себя», холить его какъ малое дитя. Не то здѣсь: купитъ крестьянину какой-нибудь клочекъ земли для сѣнокоса невозможно, такъ какъ продать земель нѣтъ, расчищать-же арендуемые участки не хочется, «потому—не свои», говорить крестьяне, — «сего году я арендую, а на-прокъ (на будущій годъ) Богъ знаетъ кто его возьметъ»... Неудивительно поэтому, что здѣшній крестьянинъ равнодушенъ къ расчисткѣ сѣнокосовъ, и послѣдніе заростають годъ отъ году. Правда, удѣльное вѣдомство въ послѣднее время отдаетъ годные для пашни или сѣнокоса участки земли въ долгосрочную аренду, и крестьяне охотно берутъ ихъ съ обязательствомъ расчистить, но мы должны сказать, насколько это намъ извѣстно, что берутся такіе участки крестьянами болѣе для «лѣску» и для новинъ, т. е. подсѣкъ, но о расчисткѣ мало думаютъ они. Новины сначала засѣваютъ рожью, а потомъ льномъ или тимофеевкой. Безъ обязательства-же расчистки, отдача лѣсныхъ участковъ земли подъ новины не допускается.

На своихъ-же надѣльныхъ земляхъ крестьяне расчищаютъ покосы охотно, но много-ли на надѣлѣ расчистишь? Впрочемъ, въ Ширыхановѣ и на надѣльной землѣ можно было-бы сдѣлать прекрасные покосы, если приложить стараніе, но... ширыхановцы такъ сжились съ нуждою безысходной, что мало и заботятся объ улучшеніи своего благосостоянія; «руки, что называется, опустились у нихъ». Да въ лѣни по расчисткѣ покосовъ можно и не обвинять ихъ, потому что въ Ширыхановѣ у богатаго крестьянина 5—6 коровенокъ, а у бѣдныхъ — ихъ же большинство—всего 1—2 и сѣна безъ расчистки всегда бываетъ достаточно. Вотъ почему и мало заботятся ширыхановцы о расчисткѣ покосовъ; но намъ могутъ возразить, что сѣно, излишнее отъ своего хозяйства, ширыхановцы могли-бы продать. На это мы можемъ тоже задать вопросъ: куда сбыть его?..

Что-же касается огородничества, то оно здѣсь находится въ очень плачевномъ состояніи, отчасти вслѣдствіе климатическихъ условий, отчасти по неумѣнію крестьянъ вести его болѣе разумно. Садятъ въ здѣшнихъ огородахъ преимущественно картофель ¹⁾, лукъ, рѣдьку и капусту, но послѣдняя родится очень плохо, лишь первыя изъ вышеупомянутыхъ овощей родятся хорошо и наиболѣе отвѣчаютъ вкусу обывателей. Относительно-же прочихъ огородныхъ овощей, какъ-то: свеклы, моркови, огурцовъ и т. п., то здѣшніе крестьяне и не слышали объ нихъ, хотя упомянутыя овощи могли-бы и здѣсь расти. Наиболѣе всего садится здѣсь картофеля 10—15 грядъ у cadaго крестьянина, — но картофель растетъ здѣсь не особенно крупный и по той простой причинѣ, что садить его на гряды принято здѣсь очень густо.

г) Льноводство и рыболовство.

Какъ льноводство, такъ и рыболовство не составляютъ здѣсь промысла, держась буквального смысла этого слова. Каждый домъ (начнемъ съ льноводства) заготавливаетъ ежегодно здѣсь столько льна, сколько его необходимо для себя, на изготовленіе нитокъ, одежды и т. п., но въ продажѣ льна во всей мѣстности почти не поступаетъ и куда. Ленъ сѣется здѣсь обязательно на пахотной землѣ, отчего онъ и родится весьма не высокаго качества. Новинъ, т. е. подсѣкъ для льна не рубятъ, да если бы и желали сдѣлать это, то нѣтъ мѣста въ надѣльномъ участкѣ земли, да и арендовать ее негдѣ.

Посѣвъ льна производится одновременно съ яровыми хлѣбными и сѣется онъ тоже въ разбросъ, какъ и яровое. Осенью, около 15-го августа, когда головки и стебель льна

¹⁾ Картофель введенъ здѣсь, встаети сказать, только въ 1765 г., когда въ Верховажскую Ратушу прислано было изъ Сената 1/2 ф. сѣмянъ его для раздачи населенію (Мисниковъ: «Ист. свѣдѣнія о Вельск. у.»).

пожелтѣють (что считается признаками зрѣлости), тогда его рвутъ. Этою работою занимаются женщины, они же и обвязываютъ его въ снопы, но сдѣлать «вѣшало» и повѣсить на него снопы льна—это уже дѣло мужчинъ. Вѣшало дѣлается такъ: втыкаются въ землю два кола наперекрестъ и связываются въ мѣстѣ скрещеванія вѣтками, затѣмъ на извѣстномъ разстояніи — 5—10 аршинъ—еще такимъ же образомъ втыкаются два кола, и на нихъ кладется сверху жердь, на которую и вѣшаютъ снопы льна для просушки.

Когда ленъ на такихъ вѣшалахъ достаточно просохнетъ, тогда его увозятъ въ гумно, гдѣ тоже сушатъ на овинахъ, затѣмъ выколачиваютъ изъ головокъ сѣмя, а стебельки его растилаютъ по лугамъ и оставляютъ тамъ до 1—10 октября, т. е. до заморозковъ или снѣгу. Послѣ снятія съ луговъ ленъ еще разъ сушатъ въ овинахъ, а затѣмъ мнутъ на мялицахъ, треплютъ, чешутъ и, наконецъ, вьютъ его. Орудія обработки, думается, общезвѣстны, поэтому мы и не будемъ говорить о нихъ.

Теперь о рыболовствѣ.

Изъ породъ рыбъ, водящихся въ здѣшнихъ рѣкахъ и рѣчкахъ, извѣстны: щука, окунь, налимъ, сигъ, нельма, харьюзъ, сорога, елецъ и ершъ, а въ рѣку Подюгу заходить и семга, даже довольно крупныхъ размѣровъ, фунтовъ 20—30 и болѣе рыба. Ловятъ рыбу здѣсь болѣе для своей потребности, рѣдко для продажи, за неимѣніемъ по близости мѣста сбыта, но рыбы, надо сказать, въ здѣшнихъ рѣкахъ и рѣчкахъ очень много. Общепотребительными ловушками служатъ здѣсь: морда, ванда, понизовка; это все—издѣлія изъ виць ивняка; изъ сѣтей же здѣсь извѣстны: мережки и курма. Всѣ ловушки, свитыя изъ виць, какъ, впрочемъ, и курма, ставятся въ ворота заѣзковъ ¹⁾ Рыба, желая пройти внизъ или вверхъ по теченію рѣки (смотря по времени года, такъ ловушки и ставятся) и не находя другаго выхода, кромѣ устроенныхъ воротъ, загорженныхъ тою или другою ловушкою, обыкновенно и попадаетъ въ нее. Такимъ же образомъ ставится и курма, какъ сказано, хотя она и сдѣлана изъ нитокъ, а не изъ виць; что же касается мережекъ—обыкновенныхъ сѣтей,—то рыбу ловятъ въ нихъ загономъ, т. е. поставятъ поперекъ рѣки двѣ такія мережки на разстояніи одна отъ другой 30—40 сажень, и пространства между ними начинаютъ болтать шестами, бросать въ воду камни, вообще производить шумъ, развѣзая на лодкахъ, отчего рыба начнетъ бросаться по сторонамъ и попадать въ ту или другую мережку, что, собственно говоря, и нужно было охотнику-рыболову.

д) О х о т а.

Прежде всего мы должны сказать, что самое слово «охота» замѣняется здѣсь словами «лѣсованіе», «лѣшня», а потому при описаніи охоты мы будемъ держаться мѣстныхъ выраженій, поясняя непонятныя слова въ скобкахъ. Лѣсованіемъ занимаются здѣсь болѣею частью въ періодъ времени съ 15-го августа по 1-е ноября, но нѣкоторыми видами лѣшни, какъ, напр., на медвѣдя, оленя, лося, кунницу, зайца и т. п. занимаются и всю зиму.

Предметами лѣшни въ данной мѣстности являются: векша (бѣлка—тожь), рябчикъ, полевникъ (тетеревъ) и полевая, утка, лисица, кунница, заяцъ, медвѣдь, олень, лось, волкъ, рысь.

Лѣсованіе на бѣлку — самое распространенное изъ всѣхъ видовъ лѣшни. Лѣсуютъ за этия красивымъ и хитрымъ звѣрькомъ всегда съ собаками, такъ какъ безъ нихъ найти человеку векшу не только трудно, но почти не возможно. Можно увидѣть векшу лишь случайно, когда она спрыгиваетъ съ дерева на дерево.

Векша весной и лѣтомъ бываетъ желтой шерсти, а осенью и зимою сѣрою. Сѣрая

¹⁾ Заѣзковъ или ѣзъ—родъ небольшой плотины, сдѣланной поперекъ рѣки изъ хвоя, сверху заваленной камнями.

векша называется «бѣлкой» и охотятся на нее тогда, когда она бываетъ въ послѣднемъ видѣ.

Разсмотримъ вкратцѣ всѣ способы лѣсованія за каждымъ предметомъ лѣшни отдѣльно, а затѣмъ уже перейдемъ къ результату этого промысла: сколько доходу приноситъ онъ въ годъ занимающимъ имъ.

Итакъ, лѣсникъ, узнавши, что векша поспѣла, стала «бѣлкой» ¹⁾, на утро собирается за лѣшной. Прежде всего онъ тщательно промываетъ ружье, беретъ рогъ и наполняетъ его порошкомъ, кожаный кошелекъ дробью, берестяной сосудикъ — пистономъ и все это, вмѣстѣ взятое, складываетъ въ холщевый кошель, привѣшиваемый къ шеѣ, не преминувъ положить туда и кудели для пыжей. Позавтракавъ самъ и покормивъ своего вѣрнаго товарища «лыска» или «громка», — отправляется въ лѣсъ. Его «лыско» или «громко» стрѣлою мчится впередъ своего хозяина и слѣдомъ находитъ въ лѣсу бѣлку, о чемъ и даетъ знать ему громкимъ лаемъ. Лѣспникъ, слышавъ лай своего лыска, немедленно отправляется къ нему, ежеминутно и самъ повсвистывая и покривывая: «лай, ла-ай!», что дѣлается для того, чтобы лыско не убѣгъ, а зналъ бы, что хозяинъ идетъ къ нему. Найдя лыска, лѣсникъ осматриваетъ то дерево, на которое тотъ лааетъ и, если бѣлки не видать, то колотитъ его топоромъ. Бѣлка, слышавъ стукъ о дерево, на которомъ сидитъ, или перескочитъ на другое дерево или какимъ-нибудь движеніемъ дастъ о себѣ знать, что отъ опытныхъ глазъ лѣсника не скроешь. Замѣтивъ ее, лѣсникъ стрѣляетъ, предварительно положивши дуло ружья на какое-нибудь дерево, дабы «не спугнуться», ибо стрѣляютъ здѣсь всегда «съ прикладу». Убивши бѣлку, лѣсникъ отрѣзаетъ заднія лапки отъ нея и отдаетъ ихъ своему лыску, въ видѣ награды, а самую бѣлку затыкаетъ за свой кушакъ. Если же такая найденная бѣлка до него уже кѣмъ-либо другимъ была найдена и «гонена», то она становится чрезвычайно хитрою и топоромъ ее не выколотишь, а увидать ужъ гѣмъ болѣе не возможно, ибо она заберется подъ самую вершину дерева и засядетъ въ такіе густые прутья (вѣтви) ели или сосны, да ляжетъ еще вдоль по пруту, что увидѣть ее надо оставить попеченіе. Бываетъ и то, что лѣсникъ замѣтитъ хвостъ такой «гоненой» бѣлки и сбѣгаетъ 10—15 выстрѣловъ въ нее, не причиняя ни малѣйшаго вреда ей, да если бы и попалъ въсколькими дробинками, то она на столько живуча, что смерти не послѣдовало бы, а лишь одно временное страданіе. Но встрѣчаются между бѣлками и такія — «погонныя» — что, какъ только собака почувала ее и залаяла, такъ она и поидетъ прочь, перескакивая съ дерева на дерево и такъ быстро это дѣлается, при томъ ежеминутно измѣняя направленіе, что рѣдкую собаку «не спугаетъ», а когда же собака собьется съ пути, то такая бѣлка засядетъ на какомъ-нибудь высокомъ деревѣ, что не скоро найдешь, да и найдя, не скоро выгонишь ее оттуда. Такіе «погонныя» бѣлки являются для лѣсника чистымъ несчастіемъ: отступить отъ нея и жадко и стыдно, согнать же на болѣе низкое дерево однимъ колоченіемъ о дерево ничего не подѣлать; единственное средство въ этомъ отношеніи является — это срубить то дерево, на которомъ засѣла бѣлка. Но рубить громадное дерево изъ-за какой-нибудь ничтожной бѣлки во 1-хъ не резонно, а во 2-хъ и строго воспрещается, поэтому зачастую лѣсники уходятъ прочь отъ такихъ «погонныхъ», махнувши рукою, и размыскиваютъ другую. Нѣкоторые лѣсники, впрочемъ, прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ слѣдующему способу согнать бѣлку: они лѣзутъ на то дерево и не долазая немного до вершины его, «страхиваютъ» бѣлку, по прибѣгаютъ къ этому способу рѣдко, потому что не на каждое дерево возможно улѣзть да и не каждому по силамъ, и кромѣ того пока слезаетъ лѣсникъ на землю, такая «погонная» бѣлка можетъ по вершинкамъ деревъ уйти очень далеко и снова засѣсть на какомъ-нибудь деревѣ, сбивши лыска, тогда лѣснику уже не возможно ее найти.

Настрѣлявши 10—15 шт. бѣлокъ, вечеромъ лѣсникъ отправляется домой, если

¹⁾ Бѣлкой потому еще называется, что кожа на ней въ то время бываетъ бѣлою, у желтыхъ-же она синяя.

домъ не далеко, а — далеко, тогда въ какую-нибудь «истопку»¹⁾, гдѣ сдираетъ шкурки и просушиваетъ ихъ на особыхъ палцахъ, мясо же отдаетъ своему лыску. Переночевавъ, снова отправляется за лѣшней.

Лѣсованіе на рябчика, полевика (тетерева) начинается приблизительно съ 8-го сентября, по наступленіи «стужи», дабы сохранить эту дичь до прихода скучпиковъ, что бываетъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ. Рябчиковъ стрѣляютъ изъ ружей, принимая на пицкъ, а также ловятъ ихъ въ силышка, какъ и въ прочихъ мѣстахъ. Полевиковъ бьютъ изъ ружей также осенью, но ловятъ въ силышка здѣсь по иному способу, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Кадниковскомъ уѣздѣ, а именно: петлю прикрѣпляютъ здѣсь не на землѣ, какъ тамъ, а на какомъ нибудь деревѣ, куда они чаще всего слетаются, обыкновенно на березѣ. Ради праманки кладутъ на то дерево грозди рябиновыхъ или вересковыхъ ягодъ, запасенныхъ ранѣе для этой цѣли. Ягоды кладутся по ту и по другую сторону петли, и птицъ, объѣвъ ягоды по одну сторону, идетъ по вѣткѣ на другую и попадаетъ въ петлю. Лѣсуютъ за тетеревами или по мѣстному «полевиками» и на токахъ, по близости которыхъ лѣсники устраиваютъ себѣ изъ хвоя «шалаша», дабы скрыть свое присутствіе, но такъ какъ этотъ способъ лѣсованія общезвѣстенъ, то мы и не будемъ о немъ говорить.

Утокъ бьютъ при перелетѣ на озерахъ, рѣчкахъ и рѣчкахъ, осенью, но за «выводками» не лѣсуютъ; развѣ случайно лѣтомъ, въ сѣнокосъ, собака найдетъ стадо молодыхъ и прудивать ихъ, тогда лѣсникъ волей и волей уберетъ ихъ на «жаренье».

Лѣсованіе на лисицу, куницу и рысь бываетъ случайное, тогда, когда лѣсникъ случайно натолкнется на ихъ слѣды или ему скажутъ объ этомъ другіе. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ беретъ свое ружье, лыска и отправляется за поимкомъ, а найдя стрѣляетъ. Зимомъ лисицъ ловятъ еще въ клепцы (капканы), которые ставятъ на ея слѣды, «тропы». Она обыкновенно ходитъ куда-либо за поѣдью однимъ и тѣмъ-же мѣстомъ, ступая въ одинъ и тотъ же слѣдъ свой; на такихъ мѣстахъ—тропахъ—и ставятся клепцы. Но такъ какъ лисица, какъ извѣстно, чрезвычайно хитра, иногда черезъ толстый слой снѣга слышитъ запахъ желѣза, то здѣсь нашли способъ и ее обманывать. Этотъ способъ заключается въ томъ, что клепцы, прежде чѣмъ поставить подъ лисицу, натираютъ предвѣрительно травомъ, извѣстною здѣсь подъ именемъ «богородской», добываемой лѣсниками черезъ богомольцевъ съ Соловецкихъ острововъ, гдѣ она будто-бы только и растетъ²⁾.

Чтобы «привлечь» лисицу лѣсники вывозятъ въ лѣсъ какое-нибудь павшее животное, вокругъ котораго и становятся клепцы.

Что же касается зайцевъ, то какъ-какъ ихъ только и ни истребляютъ! Бьютъ ихъ изъ ружей, ловятъ въ клепцы, нитки, кражи. Изъ ружей бьютъ ихъ большею частью раннею осенью, когда зайцы по вечерамъ выбѣгаютъ на гладкіе пенники или въ полянки съ озимью. Нитки же ставятся уже глубокою осенью, обыкновенно въ изгороди вокругъ какой-нибудь полянки съ озимью, куда по ночамъ прибѣгаютъ они ѣсть молодую озимь, ибо трава въ это время уже погибаетъ. Клепцы ставятся зимомъ на ихъ, заячьихъ, тропахъ, какъ и кражи, но такъ какъ всѣ эти способы описаны нами въ прежнемъ очеркѣ (см. «Трончина», Кадниковскаго уѣзда, «Жив. Стар.» 1892 г., вып. II и III), то мы и не считаемъ нужнымъ говорить объ нихъ здѣсь, отсылая интересующихся къ той статьѣ.

На медвѣда лѣсуютъ здѣсь большею частью зимомъ, во время глубокаго снѣга, въ февралѣ или въ началѣ марта. Это въ берлогахъ. Но мы были бы не точны, не упомянувши о томъ, что лѣсуютъ за ними и во всякое время года, только послѣдняго рода лѣсованіе является случайностью. Напримѣръ: слышавъ лѣсникъ, что у такогото крестьянина задралъ медвѣдъ корову, лошадь или овцу, наконецъ, — что бываетъ очень рѣдко, т. е. овецъ-то онъ рѣдко задираетъ — отправляется розыскивать «уши-

¹⁾ Истопка—маленькая лѣсная избушка, безъ оконъ.

²⁾ Такая трава—бѣлаго цвѣта, говоритъ, забиваетъ запахъ желѣза.

бину» и, найдя, устраивает по близости лабазъ, а затѣмъ садится на него и, затѣвъ дыханіе подкарауливаетъ медвѣдя. Подкарамливаютъ его и на овсяныхъ полянкахъ, стоящихъ близъ какого-нибудь крупнаго лѣса. Въ томъ и другомъ случаѣ прежде всего дѣлается лабазъ, устройство котораго несложно: кладутся на вѣтки двухъ, близко стоящихъ одно отъ другаго, деревь двѣ жерди, и концы ихъ связываются межъ собой вицами, дабы не развѣхались — вотъ и все устройство лабаза. Высота лабаза отъ земли бываетъ около 1 саж. Но мы должны оговориться здѣсь, что бьютъ медвѣдей съ лабаза лишь только лѣсники «первоучки», а старшій и опытный лѣсникъ никогда не сядетъ на лабазъ, считая это для своей чести унижительнымъ и всегда бьетъ медвѣдей съ земли, и такихъ лѣсниковъ-смельчаковъ масса въ данной мѣстности. Такихъ опытныхъ и храбрыхъ лѣсниковъ не охотѣйся мѣстный народъ называетъ колдунами, знающими съ чертами, ибо храбрость такихъ лѣсниковъ выходитъ за предѣлы ихъ пониманія. Намъ, т. е. пишущему эти строки, извѣстенъ одинъ изъ такихъ лѣсниковъ по прозванію Лискичъ, живущій въ Хмельницкомъ обществѣ, который въ свою жизнь убилъ болѣе 50 шт. медвѣдей и охотился за ними всегда одинъ. Этотъ Лискичъ разъ убилъ медвѣдя даже стагомъ (аншпугомъ), такъ какъ ружья при себѣ не имѣлъ. Дѣло было такъ, судя по его разсказу, подтверждаемому сосѣдами его: Лискичъ рубилъ бревна въ лѣсу, вдругъ его «сѣрку» залаялъ въ сторонѣ отъ него и такъ, что по его лаю сразу замѣтно, что лаетъ на звѣря, а не на кого-либо другаго. Приходитъ онъ къ своему сѣрку и видитъ, что тотъ стоитъ надъ берлогою. Что дѣлать? вернуться домой за ружьемъ — далеко, тогда онъ вырубилъ аншпугъ и давай тыкать имъ въ берлогу, дабы медвѣдь разсердился и вышелъ. Вотъ, наконецъ, вылезаетъ медвѣдь и лишь только показалъ свою голову, какъ его «трескнетъ» Лискичъ своимъ стажкомъ, и медвѣдь опять «сукурнулъ» въ свое логовище, и второй разъ намѣревается вылезти медвѣдь, онъ и второй разъ угодилъ его тѣмъ-же, а въ третій разъ уже окончательно пришибъ, ибо попалъ нежъ глазъ. Послѣ третьяго удара Лискичъ самъ валѣтъ въ берлогу со своимъ сѣркомъ и вытаскилъ оттуда медвѣдя еще немножко «живеньково».

Принимая во вниманіе, что Лискичъ обладаетъ и теперь громадною силою (ему около 70 лѣтъ), а въ молодые годы, конечно, еще былъ сильнѣе, то и повѣрить въ правдивость этого случая можно, не смотря на то, что всѣ лѣсники любятъ «прихвастнуть»...

На волковъ лѣсуютъ такъ: берутъ въ сани собаку или поросенка и развѣзжаютъ ночью по полямъ и лѣсамъ, непрестанно трепля собаку или поросенка, дабы визжали. Волки, заслышавъ визгъ, подбѣгаютъ къ санямъ, чего лѣсникъ и ждетъ, за-ранѣе сдѣлавши ружье на прицѣлъ... Ловятъ ихъ въ ямы и клепцы, но это уже общезвѣстныя ловушки.

Лѣсованіе на лосей (по мѣстному «сохацей») и оленей бываетъ только въ зимнее время, да и то во время глубокаго снѣга. Вотъ какъ оно бываетъ: замѣтивши слѣды того или другаго животнаго, лѣсникъ беретъ лыжи и отправляется по слѣдамъ ихъ и гонится за ними до тѣхъ поръ, пока они не пристанутъ, что опытному лѣснику не трудно узнать, такъ какъ приставшее изъ стада животное все чаще и чаще будетъ ложиться на снѣгъ. Добившись того, что животное уже изнемогаетъ, двинуться не можетъ далѣе, лѣсникъ подходит къ нему возможно ближе и пристрѣливаетъ, а затѣмъ гонится за слѣдующими и т. д. Иногда случается—хотя очень рѣдко,—что такимъ образомъ лѣсникъ все стадо перестрѣляетъ и рѣдкое животное спасется. Но къ сохачу въ близкое разстояніе не подходятъ изъ опасенія, что дастъ «стрекача» заднею лапой, на что они, надо сказать, очень способны. Самое удобное время для этого рода лѣсованія бываетъ въ началѣ марта мѣсяца, когда на снѣгу образуется небольшой настъ, легко поднимающій человѣка на лыжахъ, а животное обрывается и обрѣзываетъ настомъ ноги. Гоньба этихъ животныхъ продолжается иногда по цѣлой недѣлѣ и лѣснику волей неволей приходится ежедневно въ лѣсу и ночевать, хотя бы при 30 — 40° мороза, — погоды, какъ видите, не совсѣмъ благоприятной для ночлега подъ открытымъ небомъ!

Но нашъ сѣверный крестьянинъ до того привыкъ къ разнымъ невгодамъ, до того «смекальст», что изъ всякой бѣды найдетъ себѣ выходъ. И въ данномъ случаѣ найдетъ способъ спасти себя отъ замерзанія. Способъ этотъ заключается въ томъ, что лѣсникъ, желая переночевать въ лѣсу, подыскиваетъ и срубаетъ еловую или осинную «сушу» (сухоподстойное дерево), отрубаетъ отъ нея двѣ чурки по 1 саж. длины, раскалываетъ ихъ на половины и выдалбливаетъ топоромъ часть середины этихъ плахъ, дѣлая изъ нихъ какъ бы колоды для поила скоту, затѣмъ опять складываетъ ихъ въ одно мѣсто, предварительно положивши въ пустую середину ихъ хворосту и огня. Чурки эти начинаютъ внутри по-немножку глѣть, но не вспыхиваютъ пламенемъ, такъ какъ притокъ воздуха внутрь ихъ не большой. Разжегши чурки, лѣсникъ выгребаетъ въ сѣту яму, подстилаетъ подъ себя хвоя и ложится спать, положивши возлѣ себя, по ту и другую сторону, эти глѣющія чурки. Такимъ образомъ онъ и спасается отъ морозовъ и даже прекрасно выспится. Говорятъ, что такое ложе, именуемое, надо сказать, въ одномъ мѣстѣ «нотья», а въ некоторыхъ «ночья», бываетъ очень тепло. Какое влияние оказываетъ подобная «нотья» или «ночья» на здоровье спящаго—говорить нечего, надо имѣть привычку и очень крѣпкое здоровье, чтобы безвредно переносить подобные ночлеги.

Что касается выгоды, представляемой охотничьимъ промысломъ, то мы должны сказать, что промыселъ этотъ является не малымъ подспорьемъ для крестьянскаго благосостоянія мѣстности, въ особенности для Шырыхановскаго общества, гдѣ хлѣба, какъ уже сказано ранѣе, часто вызябаютъ и средства къ жизни приходится получать не отъ хозяйства. Такъ, намъ извѣстно, что крестьянинъ лѣсникъ, постоянно занимающийся (исключая сѣнокосной поры) этимъ промысломъ зарабатываетъ по 50 и болѣе руб. въ годъ, а если удастся ему убить медвѣдя, то и 100 руб. Занимающіеся этимъ же промысломъ, но только въ одно осеннее время (а такихъ лѣсниковъ большинство) зарабатываютъ отъ 10 до 20 руб. въ осень.

е) Сдирка березовой скалы и рубка лѣсу.

Еще въ недавнее, сравнительно, время, лѣтъ 15—20 тому назадъ, промыселъ сдирка березовой коры, называемой по мѣстному «скалы», былъ главнымъ послѣ хлѣбопашества во всей мѣстности, а въ настоящее время совершенно упалъ. Причинъ такому паденію промысла много; главная изъ нихъ та, что «березнику мало стало вблизи», по словамъ крестьянъ, а во-вторыхъ «дорога пошлина (аренда) стала». Прежде платилось аренды за пудъ скалы 5—6 коп., теперь же 10—12 коп., какъ разъ вдвое. Деготь, между тѣмъ, въ цѣнѣ съ каждымъ годомъ падаетъ (скала идетъ специально на выкурку дегтя) да и требованіе на него уменьшается. Но какъ бы то ни было, а промыселъ этотъ все же существуетъ еще, и нельзя обойти его молчаніемъ, а потому мы и о немъ скажемъ нѣсколько словъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, до наступленія сѣнокосной поры крестьянинъ-берестяникъ приходитъ къ мѣстному окружному надзирателю (нынѣ, кажется, именуется начальникомъ округа) съ заявленіемъ, что въ такой-то дачѣ, въ такомъ-то обходѣ или кварталѣ, онъ желаетъ содрать столько-то пудовъ скалы. Окружный надзиратель обыкновенно записываетъ его и выдаетъ проходное свидѣтельство, что-ли, въ дачу, съ которыми крестьянинъ и отправляется туда, вмѣстѣ со всею почтп семьей. Найдя березовый лѣсъ, семья обдираетъ съ него кору. (Въ іюнѣ кора обыкновенно отпрувываетъ отъ ствола дерева и легко сдирается) и укладываетъ ее въ грудки, тутъ же въ дачѣ. Грудки эти покрываются отъ дождя еловою корою и заваливаются камнями и прочей тяжестью, дабы не спихнуло ихъ вѣтромъ. Во время этой работы семья безвыходно живетъ въ лѣсу по цѣлой недѣлѣ, претерпѣвая при этомъ всевозможныя перемѣны погоды, укусы и уколы милліоновъ кишачихъ вокругъ ея комаровъ, оводовъ и т. п. твари.

Покончивши работу, семья отправляется домой и готовится уже къ сѣно-косу. Зимой, какъ только установится санный путь, крестьянинъ-берестяникъ прокладываетъ къ своимъ грудкамъ дорогу и увозитъ скалу домой; затѣмъ идетъ опять къ окружному надзирателю за провознымъ билетомъ, при этомъ уплачиваетъ аренду всю сполна. Получивши билетъ, онъ везетъ скалу въ Кадниковскій уѣздъ, гдѣ и продаетъ ее на дегтекурные заводы, которыхъ тамъ много.

Зарабатываетъ семья этимъ промысломъ въ настоящее время отъ 10 до 20 руб. въ годъ только. Чтобы заработать эти несчастные 10—20 р. потребно громадное количество рабочихъ дней и не удивительно, что промыселъ этотъ упалъ...

Но счастье русскаго крестьянина никогда не покидало. Съ упадкомъ промысла по сдиркѣ скалы, возникъ другой, еще болѣе выгодный,—это рубка и возка лѣсу на Удѣльное вѣдомство, купившее въ Архангельскѣ, какъ слышно, лѣсопильный заводъ и теперь заготавливающее изъ своихъ дачъ ежегодно до 100 тыс. бревенъ. Лѣса здѣсь громадные, можно сказать, дѣвственные, и ихъ такая масса, что надолго еще хватитъ распиливать, хотя-бы даже заготовка ихъ была дѣлаема изъ одной только описываемой мѣстности, чего вѣтъ да и ждать нельзя. Заработокъ по рубкѣ и возкѣ бревенъ для данной мѣстности равняется 10 тыс. руб. и болѣе, не считая сплава бревенъ, гдѣ тоже перепадаетъ «малая толика» мѣстному крестьянству. Къ сожалѣнiю, мы не имѣемъ подъ рукою болѣе или менѣе вѣрныхъ данныхъ о томъ, сколько ежегодно зарабатываетъ населенiе отъ Удѣльнаго вѣдомства по эксплуатаціи имъ своихъ богатѣйшихъ лѣсовъ...

Отхожихъ промысловъ въ данной мѣстности не существуетъ. Есть промыселъ мѣстный: плетеніе изъ лыка разной утвари, какъ-то: лукошковъ, корзинокъ, пестерей, лаштей и т. п., но имъ, какъ промысломъ, занимаются только старики и то очень немногіе и зарабатываютъ этимъ отъ 5 до 8 руб. въ зиму. Здѣсь каждый, или почти-что каждый крестьянинъ умѣетъ самъ сдѣлать изъ лыка нужное для семьи и лишь рѣдкіе изъ нихъ пріобрѣтаютъ къ покупкѣ сихъ издѣлій.

На этомъ мы и покончимъ со средствами къ жизни.

Умственное развитіе населенiя и народное здравіе.

Въ общемъ народъ въ данной мѣстности уменъ, смѣтливъ, но въ слѣдствіе неравнiя своего и разныхъ историческихъ причинъ выработалъ въ себѣ характеръ весьма скрытный: здѣшній крестьянинъ очень не сообщителенъ и говоритъ съ посторонними не сразу, какъ сдерживая и затанывая свои чувства. Особенно рѣзко выражается эта скрытность при разговорѣ съ чиновникомъ или, выражаясь по мѣстному, «баринномъ», хотя къ числу баръ они причисляютъ и полицейскаго урядника. Въ этомъ случаѣ каждый крестьянинъ держится крѣпко рутинной фразы «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю», хотя-бы впрочемъ шелъ о капустѣ. Боязнь передъ начальствомъ не описуема. Назначеніе о томъ, какъ держать себя передъ начальствомъ выражается въ многочисленныхъ пословицахъ, напр: «ѣшь пироги съ грибами, а языкъ держи за зубами». «хвали сѣно въ стогу, а барина въ гробу». «Въ карманѣ кружки (понимается: монеты), такъ и чиновники дружки», и т. д., разумѣя подъ послѣдней, что если денегъ много, то и съ чиновниками водить дружбу можно, а въ противномъ случаѣ «держи языкъ за зубами».

Большинство населенiя отличается любопытствомъ, желаніемъ проникнуть, понаять суть дѣла, исключая ширыхановцевъ, которые какъ-бы на все окружающее ихъ махнули рукой. Про равнодушiе ширыхановцевъ сложилась слѣдующая басня: «Брѣдана (жители дер. Ерцева) раньше жили такъ, що и не знали: есть-ли на свѣтѣ какой-нибудь другой народъ, акромя ихъ; но вотъ, разъ, вошовъ одинъ мужикъ въ лѣсъ дровъ рубить и чуетъ (слышитъ) изъ-за лѣсу—пѣтухъ поетъ. Шо, думаетъ, за прятца? Пошовъ на крикъ пѣтуха и нашовъ цѣлую деревню (Русиново) людей. Кабы не пѣтухъ, онъ и все-тъ бы не знали другъ друга», говоритъ таврежане.

Въ послѣднее время замѣчается среди населенія стремленіе въ обученію своихъ дѣтей грамотѣ, въ результатѣ чего возникло 7 школъ грамоты. Хотя и нельзя отнести это всецѣло къ иниціативѣ самаго народа, такъ какъ о развитіи грамотности заботятся священники, и большинство школъ явилось по ихъ совѣту, но нельзя умолчать и о томъ, что не будь желанія у самихъ крестьянъ обучать своихъ дѣтей, то они не послушали-бы ни чьихъ совѣтовъ. Потребность-же въ грамотности сильно ощущается здѣсь. Достаточно сказать, что ни въ Верхне-Подюжскомъ, ни въ Ширыхановскомъ обществахъ нѣтъ своего сельскаго писаря до сихъ поръ: нанимаютъ въ Нижней-Подюгѣ. Представьте себѣ, читатель, что, для того, чтобы записать какой-нибудь ничтожный сельскій приговоршшо, въ 3—5 строкъ, требуется, напр. изъ ближайшей деревни Ширыханова (Хмелеванской) ѣхать за писаремъ за 45 верстъ, а если такой приговоръ писать въ той деревнѣ (Гора), гдѣ живетъ сельскій староста, то надо еще прибавить 12 вер., итого 57 верстъ. За 57 верстъ ѣхать по ужасной дорогѣ за писаремъ, такъ какъ въ своемъ обществѣ нѣтъ такого человека, который способенъ былъ бы написать 3—5 строкъ—это-ли не ужасно? а, между тѣмъ, фактъ.

Въ настоящее время народное образованіе находится здѣсь въ слѣдующемъ положеніи: земскихъ школъ 2, а именно въ с. Пономаревскомъ и при церкви въ Хмельникахъ. Въ с. Пономаревскомъ школа носить названіе «земское училище», а въ Хмельникахъ «земская школа», но какая между ними разница—вѣдаетъ аллахъ!

Учащихся въ 1892—3 учебномъ году было:

въ Пономаревскомъ училищѣ	мальчиковъ 44	} 58 чел.
	дѣвочекъ 14	
Кончило курсъ ученія:	мальчиковъ 11	} 12 чел.
	дѣвочекъ 1	
Въ томъ-же году въ Хмельницкой школѣ училось:	мальчиковъ 19	
Кончило курсъ ученія	9	
Учащихся дѣвочекъ не было.		

Школъ грамоты въ упомянутомъ учебномъ году было 7, а именно въ деревняхъ: Пуминовѣ, Харитоновской, Кузнецовѣ, Заболотной, Боровской, Велико-Николаевской и Хмелеванской; учащихся было въ нихъ:

Въ Пуминовской школѣ:	мальчиковъ 11	} 15 чел.
	дѣвочекъ 4	
Въ Харитоновской	мальчиковъ 13	} 18 чел.
	дѣвочекъ 5	
Въ Кузнецовской	мальчиковъ 8	} 9 чел.
	дѣвочекъ 1	
Въ Заболотной	мальчиковъ 8	} 11 чел.
	дѣвочекъ 3	
Въ Боровской	мальчиковъ 11	
	дѣвочекъ не было.	
Въ Велико-Николаевской	мальчиковъ 8	
	дѣвочекъ не было.	
Въ Хмелеванской (въ Ширыхановѣ)	мальчиковъ 10	
	дѣвочекъ не было.	
Итого:	мальчиковъ 69 чел.	
	дѣвочекъ 13 >	
	Всего 82 >	

Въ слѣдующемъ 1893—4 учебномъ году число школъ грамоты увеличилось еще на 2, а именно: открыты школы въ деревняхъ Великопольской, гдѣ учащихся было 10 чел., въ томъ числѣ 3 дѣвочки, и затѣмъ въ Нижне-Подюжскомъ обществѣ, гдѣ учащихся было 19 чел., въ томъ числѣ тоже 3 дѣвочки.

Кромѣ того въ данной мѣстности открыта недавно церковно-приходская школа, при Покровско-Ширыхановской церкви, но о дѣятельности ея мы не имѣемъ свѣдѣній. Помѣщается она въ убогой церковной сторожкѣ, гдѣ живетъ сторожъ, вотъ набросокъ съ нея:

Учителемъ въ земскомъ училищѣ состоитъ кончившій курсъ въ Тотемской Учительской Семинаріи, жалованіе которому мѣстное земство платитъ 200 руб. въ годъ да «прибавочныхъ» за пятнадцатилѣтнюю службу 40 руб. Сверхъ того земство расходуетъ на это училище: жалованія законоучителю 50 р.; за обученіе ивнѣю 12 р., на сторожа, отопленіе и освѣщеніе 40 руб. Квартира же подъ училище отъ волости.

Въ Хмельницкой земской школѣ учительница получаетъ жалованія только 10 или 12 руб. въ мѣсяцъ.

Учителями же въ школахъ грамоты бываютъ мальчики, кончившіе курсъ земскаго училища или школы, вознагражденіе они получаютъ большею частью «натурою», зерномъ, а именно: отъ 10 до 20 фун. ржи съ каждой ревизской души того общества, въ которомъ находится школа. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ школахъ вознагражденіе получается и деньгами—по 1 руб. съ каждаго учащагося, за бѣдныхъ же платитъ общество. Квартира же для школъ грамоты или нанимается сообща «мирянами» или отводится по очередно, напр. сѣгодня у Петра, а завтра у Ивана и т. д.

Понятно, отъ такихъ школъ, какъ школы грамоты, ждать многого нечего, принимая во вниманіе ихъ теперешній учительскій персоналъ, во все же, думается, лучше пусть будутъ существовать пока они, чѣмъ отсутствіе всякой школы. Конечно, лучше бы имѣть еще 2 земскихъ училища, нежели всѣ эти 9 школъ грамоты, но средства у Земства весьма ограниченны, да и въ силу разбросанности населенія открывать такіе училища пришлось бы въ каждомъ обществѣ, ибо группировать учащихся въ какихъ-либо двухъ мѣстахъ не возможно. Населеніе здѣсь такъ разбросано, что дѣлами десятки верстъ отдѣляютъ деревню отъ деревни того или другаго общества. Напр. отъ ближайшихъ деревень Хмельницкаго общества до ближайшихъ деревень слѣдующаго по дорогѣ Нижне-Подюжскаго разстояніе равно 15 верстамъ; отъ Нижне-Подюжскаго до Верхне-Подюжскаго 16 верстъ, отъ Верхне-Подюжскаго Ширыхановскаго 27 верстъ. Мыслимо ли при подобныхъ разстояніяхъ посѣщеніе школы мальчиками изъ разныхъ обществъ? Нанять же квартиру по близости школы, платить за содержаніе крестьяне не имѣютъ средствъ.

Открыть же во всѣхъ обществахъ по училищу, какъ уже сказано, Земству не посланъ.

Вотъ главныя причины сравнительно слабаго еще развитія грамотности въ данной мѣстности. Кромѣ того надо принять во вниманіе еще то, что дѣти школьнаго возраста являются подсобниками своему отцу, матери въ различнаго рода работахъ и «управахъ» по хозяйству, и лишевіе такого подсобника для иныхъ родителей составляло бы значительный ущербъ ихъ хозяйству, слѣдовательно и благосостоянію семейства.

Что же касается медицинской части въ мѣстности, то дѣло это находится еще въ болѣе плачевномъ состояніи, нежели народное образованіе. Во всей мѣстности находится одинъ только фельдшерскій пунктъ, въ с. Пономаревскомъ, да и тотъ такъ бѣдно снабженъ со стороны Земства медикаментами, что пользы ждать отъ этого нечего, даже хотя бы при всемъ желаніи и умѣніи завѣдывающаго имъ фельдшера. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ фельдшеру ввѣняется въ обязанность завѣдывать не только этою волостью, но и прочими, еще далѣе находящимися отъ пункта, нежели Ширыханово, а потому оказаніе кому-либо своевременно медицинской помощи не мыслимо. Въ самомъ дѣлѣ, если случится кому-либо заболѣть, напр., хотя бы въ Ширыхановѣ, за 100 верстъ отъ пункта, то скоро-ли съѣзжать за фельдшеромъ, имѣя въ виду, что весной и осенью дорога туда бываетъ почти въ буквальномъ смыслѣ слова не проѣзжая? Скоро-ли, наконецъ, фельдшеръ пріѣдетъ да и поѣдетъ-ли по такой дорожкѣ, гдѣ полпути приходится идти пѣшкомъ? Можно, какъ говорится, сто разъ умереть, нежели дожидаться помощи.

Неудивительно поэтому, что народъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ по прежнему лечится своими «средствами», и охотно обращается къ знахарямъ и знахаркамъ,

каковых не занимать стать въ такой глуши! Да такое печальное явленіе, впрочемъ, всеобщее на Сѣверѣ Россіи, вслѣдствіе разбросанности населенія.

Рассмотримъ, насколько намъ это извѣстно, всѣ способы домашняго леченія и его результаты.

Всѣ простудныя болѣзни, какъ напр., лихорадку, воспаленіе легкихъ и т. п., по словамъ мѣстнаго фельдшера П., обязательно лечатъ «жаромъ». Это леченіе заключается въ томъ, что больного водятъ въ жарко-наполненную баню и тамъ «схлопуть» его вѣнникомъ чуть не до потери сознанія, а затѣмъ приводятъ домой и укладываютъ на печку, покрывая шубами. Если это не поможетъ, то, значить, больной не достаточно еще «пропотѣлъ» и его снова начнутъ лечить жаромъ, но на этотъ разъ уже не въ баню ведутъ, а запикиваютъ въ печку-пекарку и закрываютъ ее заслонкой, хотя бы самъ больной и протестовалъ противъ закрытія печки. Какъ результатъ такого леченія случается—хотя рѣдко,—что больной задыхается тамъ на смерть, если домашніе лекаря не догадаются во время вытащить его оттуда. Но если больной перенесъ печку благополучно, то его вслѣдъ затѣмъ поятъ настоємъ какой-нибудь лечебной травы или водкой, настоянной на стручковомъ перцѣ.

Оспу и корь тоже обязательно печкой или баней лечатъ, дабы «зажечь» болѣзнь.

О простомъ поносѣ (по мѣстному—«черевѣ») говорятъ, что «сорванъ пушъ», и лечатъ его горшкомъ. Этого оригинальный и варварскій способъ леченія состоитъ въ томъ, что берутъ большой глиняный горшокъ, кладутъ въ него свернутую въ пушъ кудель и зажигаютъ, а затѣмъ моментально опрокидываютъ горшокъ на животъ больного и держатъ такъ нѣсколько минутъ. Больной испытываетъ при этомъ страшныя боли въ животѣ, такъ какъ въ горшкѣ послѣ горенія образуется безвоздушное пространство, и весь животъ больного втянется въ него, но населеніе крѣпко вѣритъ, что послѣ такой операциі больной обязательно долженъ поправиться. Эту же болѣзнь лечатъ также и заговорами, которые произносятъ вадъ водою или лукомъ и заговоренный предметъ даютъ больному выпить или съѣсть.

Вывихи, растяженія связокъ и ушибы лечатъ прикладываніемъ къ больнымъ мѣстамъ теплыхъ припарковъ изъ сѣнной «струхи» (измельченнаго сѣна) или пелѣвы (мякины) отъ овса. Но по невѣжеству знахарей и знахарокъ прикладываніе припарковъ продолжается иногда слишкомъ долго и вмѣсто пользы приноситъ больному значительный вредъ, а именно прикладываютъ ихъ до нагноенія.

Всѣ дѣтскія болѣзни лечатъ «наговоромъ» (заговорами) на настой какой-нибудь мѣстной травы, и настой этотъ даютъ ребенку пить.

Болѣзни глазъ, напр. трахому лечатъ сначала такъ: вылизываютъ языкомъ внутри вѣкъ, предпологая, что туда пошла шаминка (соринка, пылъ), а когда болѣзнь не проходитъ отъ лизанія, тогда варятъ щелока (вода смѣшанная съ печной золой), и паръ съ этого щелока пускаютъ въ глаза, для чего больной стоитъ надъ кадлушкой по цѣлому часу времени въ наклонномъ положеніи. Нечего и говорить уже о томъ, что отъ такого леченія у больного сдѣлается еще большій приливъ крови къ головѣ и къ больному глазу, и еще больше усилится болѣзнь, тѣмъ болѣе, что пары щелока очень ѣдки. Если же вызывающая вѣки знахарка сифлячка, то въ довершеніе бѣды и сифлячкѣ еще привьется несчастному, что и случилось. Кромѣ того пускаютъ иногда въ больной глазъ нюхательнаго табаку, чтобы «проѣло» и глазъ былъ бы свѣтлѣе, а то вмѣсто табаку практикуется пускать туда водку-перцовку и т-же для той цѣли, чтобы «проѣло»... Само собою, разумѣется, что подобное леченіе не рѣдко ведетъ не къ выздоровленію, а къ совершенной потерѣ глаза, а то и обоихъ вмѣстѣ. Къ счастью, надо отмѣтить, что въ послѣднее время очень рѣдко стали прибѣгать къ подобному способу леченія, все чаще и чаще обращаются за помощію въ г. Вельскъ къ врачу или въ с. Пономаревское къ фельдшеру, отдавая имъ предпочтеніе въ леченіи глазъ передъ своими знахарями.

Раны, язвы, ссадины лечатъ кто и чѣмъ попало или какъ кого научилъ свой мѣстный знахарь. Напр. моютъ раны своею мочей, заливаютъ лакомъ, засыпаютъ землей,

табакомъ и проч., и проч. Всѣ эти средства вызываютъ лишь нагноеніе—и ничего большаго за исключеніемъ развѣ лака, которымъ, будто бы, если покрыть свѣжую рану, то очень полезно; да этому, пожалуй, и повѣрить можно, такъ какъ лакъ не пропускаетъ въ рану ни воздуха, ни тѣмъ болѣе пыли.

Отъ ревматизма лечатся настоємъ травы, извѣстной здѣсь подъ названіемъ «костоломка».

Вообще, надо сказать, леченіе травами здѣсь очень распространено, и есть такія старушки-знахарки, которыя имѣютъ до 100 сортовъ разныхъ мѣстныхъ травъ и ими лечатъ обращающихся къ нимъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ наиболѣе распространенныхъ лечебныхъ травъ:

- 1—2. Грыжныя. Употребляются отъ грыжи, какъ показывается и самое названіе.
3. Бѣлоцвѣтка. Тоже отъ грыжи.
4. Боровой вересъ. Отъ шума въ головѣ.
5. Шумиха. Тоже отъ головнаго шума.
6. Родимецъ. Употребляется отъ болѣзни, извѣстной здѣсь подъ именемъ «родимца» или золотухи.
7. Адамова голова. Употребляется отъ головной боли, отчего бы это не произошло.
8. Стародудка. Отъ боли живота у женщинъ.
9. Усолна. Отъ колотья боковъ.
10. Усовная. Тоже.
11. (Безъ названія). Отъ головной боли.
12. » » Тоже.
13. Утинная. Отъ спинной боли.
14. Георгіевское копьё. Тоже отъ спинной боли, и кромѣ того считается полезномъ для охотника-звѣролова.
15. Сквозница. Отъ головной боли.
16. Саксъ-Сапарель. Отъ «худой» болѣзни (Sifilis).
17. Отёковая. Отъ опухоли.
18. Костоломка. Отъ боли костей и ранъ.
19. Сонъ. Отъ бессонницы по ночамъ.
20. » Отъ женской болѣзни.
21. Золотуха. Отъ болѣзни послѣ родовъ.
22. » Отъ непросыпу.
23. » Отъ женскихъ внутреннихъ болѣзней.
24. Звѣробой. Отъ кашля.

Всѣ эти травы завариваются и употребляются такъ же, какъ чай, только съ непремѣннымъ условіемъ: пить на голодный желудокъ, а не послѣ обѣда или ужина.

Кромѣ лечебныхъ травъ извѣстны здѣсь еще «колдовскія» травы, но, къ сожалѣнію, пишущему эти строки не удалось пока раздобыться ни однимъ экземпляромъ ихъ. Такъ, напр., извѣстны здѣсь:

- а) Петровъ крестъ. Полезна для охотника-рыболова.
- б) Супротивница. Полезна для воровъ, съ помощью ея якобы отмыкаютъ замки. Растетъ въ рѣкѣ напротивъ теченія, отчего и получила названіе «супротивницы».
- в) Одоленъ корень. Употребляется для привораживанія дѣвицъ.
- г) Поясъ. Употребляется противъ невозможности исполнить супружескія обязанности. (Мужч.).
- д) Чертополохъ. Употребляется для изгнанія бѣсовъ, вообще «нечистой силы» изъ дому.

А. Шустиковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Письма а) аббата Іос. Добровскаго 29 Дек. 1821 г. и б)
В. С. Караджича 9 Ноября 1824 г. къ Министру На-
роднаго Просвѣщенія Шишкову.

Отъ Ред. Подлинники этихъ двухъ писемъ находятся съ недавняго времени въ библіотекѣ нашего Университета. Оба они не лишены интереса какъ для біографіи двухъ замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи славянской науки и образованности, такъ и для исторіи отношеній западныхъ Славянъ къ Россіи въ XIX-мъ столѣтіи. Письмо высокопросвѣщеннаго и проницательнаго критика, великаго основателя Славяновѣдѣнія отличается благородною независимостью тона, а письмо очень даровитаго самоучки, отличнаго знатока живого сербскаго языка и народнаго быта, къ сожалѣнію, не лишено приниженной лести и развязнаго попрошайничества.

Euer Excellenz

Hochzuwehrender Herr Präsident.

Ehe ich Wien, wo mir Herr Vuk ein Schreiben von Deroselben verehrlichen Hand überreichte, verlasse, nehme ich mir die Freyheit, Euer Exc. zu bitten, ein Exemplar von meiner slavischen Grammatik gütig an- und aufzunehmen. Dass ich von dem Wurzelsystem auch Erwähnung machte, war wohl nothwendig. Ich hielt mich in andern Stücken, als in den Paradigmen an alte Codices, um darnach alte Denkmale besser verstehen zu lernen. Wie nun — immer das Urtheil einer erlauchten russischen Gesellschaft ausfallen möge, so bin ich mir meines Fleisses bewusst und verdanke hierin meine Einsichten den alten Handschriften, die ich in Russland 1792 zu benutzen Gelegenheit hatte.

Ein zweytes Exemplar, das beyliegt, wünschte ich wohl durch Euer Excell. Seiner Majestät dem Kaiser Alexander überreicht zu wissen. Indessen soll diesz Eu. Exc. Gutachten anheim gestellt seyn. Sollte diesz Werk für so einen Monarchen vizele zu gering scheinen, so bitte ich das zweyte Exemplar dem Herrn Reichskanzler Rumanzow überreichen zu lassen, der die Gnade für mich hatte, mir ein Exemplar von Leo Grammaticus, das aber in Petersburg, zurückblieb, zu senden zu lassen.

Wenn ich Karamsins vortreffliche Geschichte werde excerptirt haben, ¹⁾ so will ich Hand an mein Onomasticum anlegen, und die alte slawische Welt vom Dnepr bis an die Moldau in Personen—Namen darstellen. Apollos Grammatik wünschte ich zu sehen, da ich nicht einmal errathen kann, ob sie die alte slawische Sprache oder die russische zum Gegenstande hat.

Diesen Brief so wohl als die zwey Exemplare übergebe ich dem Herrn Wuk, der sie bey der russ. Gesandtschaft abgeben wird. Diesen Winter verbleibe ich in Prag, da ich 16 Monate mit dem Drucke meines Werkes zugebracht hatte. Euer Excellenz befehlen mit Ihrem

ganz ergebensten

Diener Ioseph Dobrowsky.

Wien
den 29 December
1821.

NS. In der Vorrede äussere ich den Wunsch, dass doch einmal von der alten slawonischen Version der Evangelien und des Psalters eine grössere Probe gegeben werden möchte, aber mit Beybehaltung der alten Schriftzüge der alten Orthographie und aller Lesarten, auf die Art, wie man des Ulfila gothische Uebersetzung herausgegeben hat.

Gott erhalte Euer Excellenz bey steter Gesundheit und vollen Kräften, zum weitern Gedeihen der slavischen Literatur.

Ваше Высочайшее

Милостивый Государь!

Прежде половины года я имѣлъ щастіе поздравить ваше высокопревосходительство съ чиномъ Адмиральскимъ, и послать вамъ два экземпляра мною собранныхъ и въ Лейпцигѣ напечатанныхъ народныхъ Сербскихъ пѣсней. Потомъ я имѣлъ щастіа съ неописанною радостію читать въ разныхъ вѣдомостяхъ, что вы ужъ Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Всякой человѣкъ, желающій щастіе роду человѣческому, и всякой Славянинъ, желающій щастія и славы народу Славянскому, долженъ презѣльною радостію радоваться сему, не только для Россіи, но и для всѣхъ народовъ

---

¹⁾ Статья Добровскаго объ исторіи Карамзина (первыхъ 8-ми томовъ) принадлежитъ къ замѣчательнымъ современнымъ отзывамъ объ исторіи государства Россійскаго и заслуживала бы большаго вниманія нашихъ новѣйшихъ са критиковъ. У насъ къ сожалѣнію слишкомъ мало извѣстна и прекрасный разборъ Русскаго академическаго Словара (1806—1822 г.) напечатанный Добровскимъ въ тѣхъ же Wiener Jahrbücher, гдѣ былъ помѣщенъ и его разборъ исторіи Карамзина, вмѣстѣ со многими другими столь же замѣчательными критическими статьями великаго ученаго. Р.д.

Славянскихъ прешастливому событію, и непрестанно молить Всевышняго о сохраненіи драгоцѣннѣйшей жизни вашей на премногая лѣта; кольми паче я, имѣющій щастіе быть покровительствуемъ вашимъ высокопревосходительствомъ и ожидающій отъ васъ и собственнаго щастія своего! Что вы мнѣ желали и общали сдѣлать посредствомъ другихъ, это (и еще много лучше) можете нынѣ сами сдѣлать. Вамъ извѣстно, что мнѣ паче всего было-бы пріятнѣе достать пенсію. (Есть ли бы я имѣлъ щастіе теперь быть предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, безсумнительно вы спросили бы меня: коликую пенсію? отвѣтъ: отъ 100—или по крайней мѣрѣ отъ 150 червонцевъ ежегодно, въ прочемъ: чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше). Зная что величайшія заслуги часто (наипаче безъ покровительства) остаются ненагражденны, не смѣю сказать, что я сочиненіемъ перваго Сербскаго Словаря и первой Грамматики, собраніемъ народныхъ Сербскихъ пѣсней, и сочиненіемъ додатка къ Санктпетербургскимъ сравнительнымъ Словарямъ всѣхъ языковъ и нарѣчій съ первымъ опытомъ о Болгарскомъ языкѣ, заслужилъ такую милость Царя величайшаго изъ народовъ Славянскихъ; но единственно надѣюсь получить оную посредствомъ вашего высокопревосходительства, посредствомъ министра, знающаго цѣнить труды сего рода. Твердо уповая быть ошастливленъ вашимъ высокопревосходительствомъ, я опять теперь съ моимъ семействомъ преселился въ Вѣну.

По возвращеніи моемъ изъ Лейпцига (въ мѣсяцѣ мартѣ сего года) я отдалъ здѣсь Господину Татищеву одинъ экземпляръ народныхъ Сербскихъ пѣсней для отправленія къ Государю, который онъ и отправилъ, и (колико я могъ узнать) Государь приказалъ ему, одарить меня по благоразсужденію своему; и такъ прежде нѣсколько времени врученно мнѣ въ здѣшней канцеляріи Русскаго посольства пятьдесятъ червонцевъ.

Честъ имѣю теперь послать вашему высокопревосходительству два экземпляра (одинъ для Академіи, а другой для вашей собственной библіотеки) моей Сербской Грамматики, которая издана на Нѣмецкомъ языкѣ нынѣшнимъ первымъ Нѣмецкимъ филологомъ и Грамматикомъ, Іаковомъ Гриммомъ. Есть ли ваше высокопревосходительство за благоразсудите одинъ экземпляръ сей книжки поднести Государю, то я вамъ (для вашей библіотеки) съ величайшею радостію пошлю другой.

Въ милостивомъ и высокопочтеннѣйшемъ письмѣ вашего высокопревосходительства отъ 18 октября 1820 года вы желали отъ меня имѣть Богемскій Словарь съ Нѣмецкимъ или инымъ какимъ языкомъ, каковаго я тогда не могъ найти, но послалъ вамъ Нѣмецко-Богемскій Словарь; потомъ изданъ Георгіемъ Палковичемъ, Богемскаго и Словацкаго языковъ Профессоромъ въ

Пресбургъ, Богемскій Словарь съ Нѣмецкимъ и Латинскимъ языками (въ двѣ части), который я теперь честь имѣю вамъ послать, также одинъ экземпляръ народныхъ Словачкихъ пѣсней (Pjsne swetske Lidu slowenskeho v Uh-gjch). Есть ли вы сія книги ужь получили отъ кого нибудь другаго, то я прошу покорнѣйше о извиненіи: причина отсутствія моего изъ Вѣны, что я ихъ вамъ прежде не послалъ. (Не сумнѣваюсь, что Добровскій послалъ вамъ своего Кирила и Меѳодія).

Сего прошлаго лѣта я былъ съ Архимандритомъ Кенгельцемъ; онъ отвѣтствовалъ вамъ на письмо, посланное ему чрезъ меня по почтѣ прошлаго года, и теперь ожидаетъ отъ васъ отвѣта.

Поручая себя милости и покровительству вашего высокопревосходительства съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ честь имѣю быть

Вашего высокопревосходительства Милостиваго Государа

покорнѣйшимъ слугою

Вукъ Стеф. Караджичемъ.

Въ Вѣнѣ 9 ноября
1824 г.

ОТДѢЛЪ II.

Сказанія и сказки.

I.

Объ Юсифѣ Прекрасномъ.

(Записано со словъ крестьянина дер. Велико-Николаевской Степана Орлова).

Братья Яковъ и Осафъ стали рожатсѣ да и заспорили, имъ надо выйти изъ брюха обоимъ старшимъ братомъ, одинъ станётъ рожатсѣ, а другой за ногу держать. Вотъ потомъ и родивсе первой братъ въ шерстѣ, а мѣньшой братъ голой, какъ и мы. Вѣльшому дали имя Осафъ, а младшому—Яковъ. Ну, вотъ потомъ они и начали жить, большой сынъ—отца любимецъ, а мѣньшой—материнъ. Отецъ сдѣлавсѣ въ темнотахъ и живетъ въ особыхъ залахъ, потомъ и призываетъ къ сибѣ любимца и говоритъ ему: «миѣ, Осафій, составъ жертву, пойди сегодня въ лѣсъ и набей птицы-днцы, я тибѣ за это благословенье дамъ». Тотъ пошовъ. Мать и учуда эти разговоры и говоритъ своему любимцю: «пойди ты въ хлѣвъ и выбери тамъ козлища, который помегче, надо сдѣлать отцю жертву, благословенье получить тибѣ». Вотъ они (Яковъ съ матерью) и составили жертву, она и посылаетъ ево съ жертвою къ отцю, разрѣзываетъ эту овчинку на двѣ щуки (штуки) и увиваетъ на шею галстукъ вверхъ шерстью, а на руки рукавиды, тожо вверхъ шерстью, щобы не признавъ отецъ и наказываетъ сказатсѣ Осафомъ. Онъ приходитъ съ этой жертвою къ отцю и говоритъ ему: «Батюшко, вставай! я тибѣ жертву принесъ». Онъ (отецъ) спросивъ: «которой это сынъ?» «Я, гытъ (сокращенное «говорить»), Осафій»—«Що-жо по голосу-то какъ Яковъ? Покажись, за руки пощупаю да за шею». Тотъ показавсе, старикъ повиривъ и спрашиваетъ: «гдѣ твоя жертва?» (Яковъ подалъ). «Отдаю, гытъ, тибѣ благословенье, дарю тебя пшеною и житницей и золотою казной, отдаю благословенье на вѣки нерушимое»...

Потомъ жертву исправилъ большой сынъ Осафій и приходитъ къ своему отцю въ зало: «батюшко, гытъ, вставай, я тибѣ жертву принесъ». Отецъ спросилъ; «которой это сынъ?»—Я, Осафій! Онъ сказалъ своему любимцю: ну, сынъ, у меня другою благословенья вѣтъ, видно отдано Якову».. Осафій на Якова послѣ тово осердявсе, злобу понесъ. Яковъ не засмѣвъ дома жить, пошовъ на чужую сторону. Вотъ потомъ онъ вздумавъ отдохнуть на волоку, легъ и заснувъ и видитъ (во снѣ) стоитъ лис(т)ница отъ земли до неба, по этой лисницѣ видятъ Ангелы поднимаютсѣ, то снова опускаютсѣ, вотъ потомъ самъ Исусъ Христосъ сошовъ къ нему и ударивъ въ стегно (въ бедро ноги): «знай, Яковъ, видѣвъ Христа въ лицѣ!» (сказалъ Онъ). Яковъ проснувсе, пошовъ, припадочку кочувъ въ сибѣ (захромалъ); зашовъ онъ въ чудскую землю, увидѣвъ ево царь чудской и спрашиваетъ ево: чей да откуда, изъ какой земли и какъ зовутъ?

«Вотъ, гыть, ваше царское величество, я изъ такой-то земли, таково-то короля сынъ, а вовуть Яковомъ; а, гыть, пришовъ свататсѣ: отдай дочь за меня!» «Отдашь, Яковъ, гыть царя и выводить, кажетъ ему двухъ дочерей. «Которую возьмешь?» А большая-то куроглвпенская была (близорукая), и шадровитая, а меньшая чистая лицѣтъ. «Возьму, гыть, меньшую»... «Вотъ що, Яковъ, царь сказавъ, закону у меня таково нѣтъ, щобы черезъ бѣльшую да отдать меньшую... Поживи 7 годовъ въ дворникахъ у меня, тогда отдашь я мевъшую».

Яковъ согласивсе и сталъ 7 годовъ жить въ дворникахъ. А скота было у царя 300 овецъ, 200 коровъ и 100 лошадей, всего 600 головъ. Вотъ онъ 7 годовъ про- живя и говоритъ царю: отдай за меня меньшую, а царь опѣтъ сказавъ, што закону нѣтъ, щобы черезъ бѣльшую да отдать меньшую. «Возьми, гыть, сначала бѣльшую, а еще черезъ 7 годовъ отдашь и меньшую!» Яковъ взявъ, дѣлать нечево. Семь годовъ проживъ, взявъ и меньшую; обоихъ ему отдалъ царь. Вотъ у ево ужъ дитя пошли отъ жонъ, онъ сталъ просить скота у царя: «благослови, гыть, скота мнѣ». А царь ему сказавъ: «сдѣлаешъ условьѣ: даю тибѣ скота приплодаво ¹⁾ по шерстѣ; которыя народятся лисня, красноштрѣй агната, то твои, а прочей шерети, то мои». Дамъ изъ другою роду, коровья: какъ мячомъ убиты (яблочкомъ), то тибѣ, а прочіе — мнѣ, изъ лошадей — негатые жеребята, то твоя, а прочіе масти, то мои».

Вотъ написали условье и живутъ. Яковъ набасивъ (накрзспл) батоговъ и наклавъ вь разныя колоды скоту, сталъ понтъ съ этихъ батоговъ скотъ, стали суегнитсѣ овицы и нарожали все лисныхъ и красноштрѣйхъ агнушекъ. Изъ овечьево роду царю едная ягупка не родилась. Изъ коровьево скота тожо царю едная не родилась, также изъ лошадиново — всѣ жеребята родились Яковы. У Якова скота утронлось противъ царя и родилось у ево отъ двухъ жонъ 11 сыновей; сталъ онъ домой проситсе у царя, на свою сторону, а царь сказавъ: «живи у меня, Яковъ!»

Яковъ не сприся пошовъ, взявъ прогонныхъ, скота и детей, и отправивсе на свою сторону. Царь узнавъ, що Яковъ ушовъ не сприся, поснотрѣвъ всѣ свои вещи и не нашовъ золотово тельца, не сприся увезли, за нимъ въ погоню. Настигаеъ царь Якова со скотомъ и дитыми, а тогъ палатки строить, какъ дыганы, раскидываеъ паруса, царь и говоритъ ему: почему, Яковъ, золотово тельца увезли не сприся?

— Нѣтъ, батюшко, гыть, я не трогавъ золотово тельца! Царь сдѣлавъ обмскъ, ничево не нашовъ, — а меньшая дочь взяла тельца-то, — отправивсе домой.

Яковъ потомъ раздѣлиетъ этотъ скотъ на три партіи, потому раздѣлаеъ, що боитсѣ брата своево Осафія, що побьетъ всю партію вдругъ. Овъ заказываеъ своимъ прогоннымъ: «какъ сприсятъ (дорогою) чей скотъ идетъ? то отвнцйте, що Якова, а ладить дарить скотомъ брата своево Осафія, а съ-зади и самъ идетъ». Отправлѣетъ такъ одну партію скота, другую, также и третью, все наказываеъ тожо прогоннымъ. Вотъ и встрнцаетъ первую партію Осафій и спрашиваеъ: чей скотъ идетъ? Прогонной отвнцѣетъ: «Якова, а ладить дарить имъ брата своево Осафій, а съзади и самъ идетъ». Вотъ встрнцѣетъ и другую партію, тожо спрашиваеъ: «чей скотъ идетъ?» ему тожо отвнцѣютъ, що и въ первой партіи; вотъ встрнцѣетъ и третью партію и самоево брата Якова и говоритъ ему: «здравствуй, братъ Яковъ!» поклонивсе ему, не сприся о скотѣ. А Яковъ сказавъ ему: «дарю тебя, братъ, вс-мя трети партіиши скота!» «Не надо, гыть Осафій, мнѣ твоево скота, у меня своево довольно». Вотъ пришовъ Яковъ въ свою землю, въ свою страну. Погостивъ у брата немного времени и прошовъ всю свою землю, едново (ни едного) села не захвативъ у брата и завелъ новую землю Удейскую, свою, и остановивсе въ ней жить. А скота-то нагонивъ не мало, просто жить! (пояснилъ намъ рассказчикъ). Устроилъ (Яковъ) пастбы для скота, накопалъ ровъ, колодцовъ скота понтъ, а воды-то и не оказалось, пришлось далеко пасты скота. Вотъ вскорѣ родивсе у Якова двѣнадцатой сынъ Ведіаминъ (Веніаминъ). Въ далекихъ пастбахъ 10 братьевъ пасутъ скота, и привидѣвсе одному

¹⁾ Т. е. имѣющаго народитсѣя, «приплодъ».

сонъ; кажется 12 братьевъ вышли въ поле всё жать ржи и нажали по одному снопу только и поставилъ первой снопъ на землю комлемъ Осифъ Прекрасной (старшій сынъ), а потомъ окружили этотъ снопъ одиннадцатью снопами братья; всё эти снопы валились къ Осифову снопу, а тотъ стоитъ. Выслушавъ это, другой братъ и говоритъ: «Я могу разсудить этотъ сонъ!» «Разсуди», говоритъ братья. «У нашево батюшка любимецъ Осифъ и будетъ онъ царемъ, а мы всё будемъ кланятсѣ ему». Братья другіе осерчали: «будемъ-ли мы кланетсѣ ему, говорятъ, призовемъ дутше въ пустыню и даемъ ему скорую смерть». Вотъ онѣ сдѣлали заказъ своему батюшку, щобы пославъ онъ Осифа Прекраснаго къ нимъ въ пастбу съ хлѣбомъ. Яковъ, получивъ эту просьбу отряжаетъ сына своево Осифа Прекраснаго къ братьямъ съ хлѣбомъ. Пришовъ Осифъ, братья и удумали ево рѣшить, скорую смерть дать, а одинъ изъ нихъ (Веніаминъ) и говоритъ: «на що ево рѣшить скорой смертью, опустимъ ево въ сухой ровъ, онъ и самъ уходитсѣ». Опускають Осифа въ ровъ, а тотъ братъ опѣтъ говоритъ: «ну, теперъ ступайте со скотомъ въ разныя стороны», и самъ какъ будто пошовъ, а ему жаль было Осифа и хотѣвъ онъ ево вынетъ изо-рва да домой отпустить. Братья подошли да и удумали, що не ладно сдѣлали, що Осифа опустили въ ровъ, нашъ батюшко хватитсѣ, сдѣлаеть розыски, и мы виновниками останемся. Вернулись назадъ и ладятъ брата вынетъ изо рва и рѣшить. А тотъ братъ, що разославъ ихъ, ужъ тутъ. Приходятъ и говорятъ ему: «вотъ ты научивъ насъ, да не ладно, какъ Осифъ домой не будетъ, нашъ батюшко розыски сдѣлаеть, и мы виновниками останемсѣ». Вынимають изо-рва ево и ладятъ тотчасъ скорую смерть дать. Вдругъ два купца египетскіе подходятъ къ сухому рву и спрашиваютъ: «що братья дѣлаеть?» «Египетскіе купцы, отвицѣють братья, мы вотъ що дѣлаемъ: ладимъ брата рѣшить своево». А египетскіе купцы опѣтъ спрашиваютъ: «почему рѣшить надо?» «А онъ у нашево батюшка любимецъ, онъ будетъ царемъ у ево, а мы во вики кланетсѣ будемъ ему». Египетскіе купцы на это сказали: «продайте намъ, во вѣки вашъ батюшко не узнаеть, гдѣ онъ находитсѣ». Братья продали. «Ну, господа купцы египетскіе, дайтѣ только сертукъ снѣтъ (съ его) намъ!» сказали братья. Купцы отдали.

Братья зарывали козла и замарали платье кровью, приходятъ домой и говорятъ своему отцу Якову: «що жо, батюшко, ты къ намъ въ пустыню не пославъ Осифа съ хлѣбомъ?» «Какъ, дити, я посланъ къ вамъ Осифа?» «Такъ вотъ що, батюшко, мы шли домой за хлѣбомъ и нашли лежащей сертукъ на дорогѣ, весь вымаранъ въ кровѣ; мы этотъ сертукъ подынули (подняли) да и опаздываемъ (признаемъ), що этотъ сертукъ нашево Осифа; левъ зверь, видно, ево разорвалъ»... «Ну, гытъ, дити, сказавъ Яковъ, безпокойною смертью помру»...

Осифа увели въ египетскую землю, и сооривъ ему купецъ мастерскую и выучивъ ево двѣнадцатимъ азыкамъ разнымъ. Осифъ былъ красивой, и захотѣлось купеческой жонѣ ево полюбить; вотъ приходитъ она къ нему въ мастерскую и сказала ему: «полюби меня, Осифъ Прекрасной!» Онъ отвитивъ жонѣ купеческой: «Воюсю Бога я отъ жива мужа жону отбить!» Черезъ нѣсколько времени опѣтъ приходитъ (къ нему) купеческая жона и тоже говоритъ «полюби меня»; онъ тоже самое отвитивъ, що «боюсю Бога я отъ жива мужа жону отбить». Купеческа жона не могла гора стерпить, на себѣ платье изорвала, вышла безъ платья. Приходитъ къ купцу, своему мужу и говоритъ ему: «эково ты разбойника привезъ, мнѣ неходимо въ мастерскую стало, насильничеть, гытъ, сталь... Вотъ п теперъ вырвалась изъ рукъ ево, въ дверяхъ платье захвативъ, безъ платья вышла». Купецъ осердивсѣ, за самовольную руку посадили Осифа въ острогъ, а въ томъ острогѣ сидятъ два острожника, посажонные, самимъ царемъ Фараиономъ. Первой острожникъ былъ при дворѣ первымъ хлѣбодаромъ, а второй—первой винодаръ,—вотъ какіе острожники-тѣ! Видитъ этотъ винодаръ сонъ: кажется вышовъ (онъ) въ садъ гулетъ и стоятъ дрѣва въ саду, на этѣхъ дрѣвахъ рацвѣли цвѣты бѣлые, потомъ выросли ягоды красныя, кажется а этѣхъ ягодъ набравъ съ дрѣвовъ да нацѣдивъ чашу-цѣжу и подношу къ своему господину фараону». Другой, хлѣбодаръ, видитъ сонъ: «кажется несу на главѣ три корзины хлѣба, налитѣла птица

и изъ трехъ корзинъ хлѣбъ сѣла». По утру встають они и разсказываютъ сны, а Осифъ Прекрасной сказавъ: «я могу разсудить ваши сны! Вамъ, гыть, черезъ трои сутки выйдеть рѣшеніе; тебя, винодаръ, одобрятъ, останешься на своемъ мѣстѣ у царя фараона, а тебя, хлѣбодаръ, выведутъ въ чистое поле, снесутъ буйную голову съ плечь долой, птица растащитъ тѣло и кости»... Потомъ Осифъ сказавъ ицо винодару: «будешь ты служить при царѣ, такъ не забудь меня!»..

Осифъ Прекрасной ицо живъ въ острогѣ три года послѣ винодара, тотъ ево забывъ. Потомъ царь Фараонъ видить сонъ: кажетсѣ пришовъ въ рикѣ, изъ воды вышло семь воловъ, сытые и гладкіе, потомъ вышло опѣть семь воловъ морныхъ, и пожорали (сѣвли) морные хорошихъ, посмотривъ: такіе-жо тощіе и стали, не сколько и не прибыло ихъ. На другую ночь опѣть царь Фараонъ видить сонъ: кажетсѣ вышовъ въ чистое поле гулетъ и видить на одной седмицѣ (волоть) вышло семь колосовъ, на другой, радонъ-жо, тожо вышло семь колосовъ; въ одной седмицѣ полно зерно, а на другой ничево нѣтъ; но худая-то седмица и пожорала хорошую и тожо, посмотривъ,—ничево не прибыло въ нихъ. Онъ (Фараонъ) и сталъ эти сны всѣмъ разсказывать и говорить, що кто-бы разсудилъ эти сны, тому-бы и царство отдалъ. «А вотъ господинъ Фараонъ, говоритъ ему винодаръ, въ острогѣ сидитъ Осифъ Прекрасной, тотъ иогъ бы разгадать твои сны». Фараонъ призываетъ Осифа къ себѣ. «Осифъ Прекрасной! росуди мои два сна»... Осифъ сказавъ ему: «господинъ царь Фараонъ! Богъ разсудить твои сны (Однако), какіе твои сны?» Фараонъ разсказалъ свои сны. «Твои сны, гыть, вотъ що значать: семь головъ будетъ уюждай, а семь головъ нечево не будетъ хлѣба, хоть сій, хошь нѣтъ; вотъ худые-то годы и поидать хорошіе».

Фараонъ снявъ съ руки перстень имянной, подалъ ему и сказавъ: «и ты такой жо царь, только корона моя! Строй-жо житвици и закупай семь годовъ хлѣбъ, щобы хватило на семь голодныхъ годовъ хлѣба на всю землю египетскую». Прошло семь годовъ хорошихъ и худыхъ и пожорали худые годы хорошихъ, хлѣба-то и нѣтъ. Всѣ въ другихъ земляхъ узнали, що у египетскаго царя запасу хлѣба много и можеть отпущать въ другія земли. Узнали объ этомъ и братья Осифа Прекрасного и поѣхали изъ Удейской земли въ египетскую покупать хлѣбъ. Приѣзжаютъ къ царю Фараону; какъ увидить это Осифъ Прекрасной и узнавъ ихъ, осерчавъ: «Що эки за разбойники наѣхали?» а отворотивсѣ, да самъ и взвылъ.

Братья межъ собой и шепчутсѣ: «это за нашъ грѣхъ онъ озлидсѣ ва насъ, що мы брата своево продали»; потомъ обратились къ Осифу Прекрасному и сказали: «вы люди добрые, не разбойники, изъ удейской земли Якова земледержавца сыновья, насъ 11 братьевъ». Осифъ Прекрасной спросивъ: какъ зовутъ меньшого брата? Онѣ сказали: «Ведіамношъ». «Втупоръ (тогда) поверю вамъ, когда вы доставите ево сюда; девять подѣ арестъ васъ теперь возьму, а десятово отправлю за Ведіамношъ». Потомъ сказавъ: «ну да ладно ужъ, такъ и бытъ, отпущу 10 возовъ хлѣба, а другой разъ примите, то безъ Ведіамнина не идите, не отпущу». Заказавъ казначею отпустить 10 возовъ хлѣба братьямъ, и що чево стоятъ, гыть, получи и розклади въ каждой мѣшокъ, ввѣдъ деньги отправъ, щобы онѣ и не знали».

Приѣзжаютъ братья домой, стали въ житницю высыпать хлѣбъ, розвязали мѣшокъ, що за мѣшокъ было отдано—деньги тутъ; весь хлѣбъ высыпали и що за 10-ть возовъ заплачено, всѣ деньги сповна нашли въ хлѣбѣ. «Это що случилось? надо отпрavitъ деньги назадъ, говорятъ они и сказали отцю своему Якову; а большой сынъ ицо сказавъ отцю, що царь Фараонъ велѣвъ на послѣдки привести меньшого брата, а безъ тово и хлѣба не отпускаеть. «А нѣтъ, сыновья, гыть отецъ, я и то безпокойной сьерью помру,—Осифушка не стало». Большой братъ ицо говоритъ отцю: «а вотъ що, батяшко, мы ни куды сына твоево не утратимъ, а если утратимъ, то утратъ ты моево». Во второй разъ поѣзжаютъ ужъ 11 братовъ; приѣзжаютъ къ казначею въ египетскую землю и подаютъ ему деньги, которые домой возли. Казначей денегъ не беретъ, гыть, расчотъ съ васъ, братья, полученъ сповна. Осифъ Прекрасной опять сказавъ казначею, що отпусти 11 возовъ хлѣба, получишь деньги, то положи ихъ

всѣ меньшому брату на возъ да нищо чашу серебряную. Наклали братья хлѣба, отправляютеся домой; ихъ дорогой воротили,—обокрали царя. Стали обыскивать; обыскъ начавсе съ большово брата, дошовъ и до меньшово. Нашли повражу у меньшово брата Ведіамнина, и деньги, и чашу серебряную. Братья ево начали ругать воромъ, «видно, говорятъ, и ты такой дуракъ ростешь, какъ твой братъ Осифъ былъ». Осифъ Прекрасной отобравъ у нихъ 11 возовъ хлѣба и заставъ ихъ въ прихожую всѣхъ десяти братьевъ, а меньшово брата въ особыя залы увелъ для допросовъ, да тамъ и сказавъ: «братъ ты мой, Ведіаминъ! вотъ що я подумавъ: близко-ли ростояніе изъ египетской земли возить хлѣбъ въ удейскую; я васъ достану все семейство, прокормлю до самолутшнихъ годовъ, распространю на лучшія мѣста жить». Потомъ выходитъ въ прихожую и сказавсе остальнымъ братьямъ. «Ну, гыть, ступайте-жо теперь за всѣмъ семействомъ!»

Братья прѣехали къ отцу своему Якову, а Ведіамнина оставили у брата. Отецъ сказавъ имъ: «гдѣ моево сына утратили?» Онѣ отвитили: «слава тебѣ, Господи, батюшко Яковъ, нашъ братъ Осифъ Прекрасной царемъ въ египетской землѣ, у ево и Ведіамнина оставили». Отецъ сказавъ имъ: «не можетъ этово быть!» А царь Фараонъ отъ себя пославъ свою колесницу подъ Якова, въ это время колесница и сбрыкала подъ окномъ; Яковъ посмотрѣвъ въ окно и увидѣвъ, що колесница египетская, тогда и повиривъ своимъ сыновьямъ... Яковъ сѣвъ на колесницу 120-ти лѣтъ и 50 годовъ нищо живъ въ Египтѣ. Осифъ Прекрасной доставъ всю семью и распространивъ на самолутшія мѣста. Но вотъ Яковъ плохъ уже сталъ, и говоритъ Осифу Прекрасному: умру я, то тѣло мое отправъ въ свою удейскую землю»¹⁾.

II. Судья Божья.

(Сообщ. его-же).

Былъ у купца сынъ красавецъ собой, онъ снявъ съ себя патрегъ и розсылаеть по всему свѣту, находится-ли (найдется-ли) супруга мнѣ равная красотю? Такой супруги (невысты) не нашлось во всемъ свитѣ. Вотъ онъ отправляетсе самъ искать; встричаетъ дорогою чуночки (саласки) идуть простыя, и спросилъ ихъ: «Що-жо идете однѣ, не ямщика, не сѣдока нѣтъ у васъ?» Чуночки отвицѣютъ: «мы судья Божья». «Колн вы судья Божья, гыть, то расудите-жо меня: есть ли мнѣ супруга на свитѣ противо меня красотою?» Чуночки этѣ и говорятъ, що ес(т)ь супруга тѣбѣ: у царя Калики дочь, 20 лѣтъ во гнощѣ лежитъ, нездоровая. «Какая жо это мнѣ супруга», думаетъ купеческой сынъ. Вотъ онъ и поѣхавъ къ ней, къ царю Каликѣ на домъ. Прѣзжаетъ къ царю Каликѣ во дворецъ и спрашиваетъ часовыхъ: «гдѣ жо есть дочь царя Калики нездоровая?» Часовые сказала, що есть, лежитъ въ тавхъ-то залахъ 20 лѣтъ. «Пропустн-жо, гыть, меня къ ней посмотреть!» «Нечего тѣбѣ тамъ дѣлать, царя Калики дома нѣтъ», говоритъ часовой. Онъ часово скупилъ, далъ денегъ, щобы пропустилъ. Часовой думаетъ: шо онъ тамъ у нездоровыя сдѣлаеть?—пойди, гыть!» Приходитъ купеческой сынъ въ зало, она нездоровая лежитъ; онъ посмотривъ на нее да бастъ про себя: «какая жо это мнѣ супруга, и взглянуть-то брезгно». Потомъ вынявъ тесакъ изъ ножней и подперсѣвъ ее пополамъ, «вотъ тебѣ, гыть, и супруга моя! Итъ рублевъ положивъ тутъ къ ней на похороны, щобы похоронилъ ея, а самъ уѣхавъ домой. Каливиной дочерѣ будѣ во снѣ привидѣлось: пришовъ молодецъ къ ней въ зало, крылышкомъ помазавъ по сеѣдкѣ да 5 рублевъ награды далъ».

¹⁾ Послеъ этого мой расказчикъ припелъ тутъ и Моисея, и переходъ его чрезъ Чермное море и т. п., что мною при перовискѣ исключено, какъ неподходящее къ данному сказанію, а потому и самое сказаніе вышло какъ-бы незаконченное.

Вот прибѣгаетъ царь Калика къ сибѣ во дворецъ, приходитъ къ дочерѣ въ лежащую комнату и видитъ, що дочь у ово совсѣмъ здорова стала и такая-то красавица, що экихъ на свѣтѣ нѣтъ, не выдавъ. Вотъ царь Калика снимаетъ съ нея патреты и розсылаетъ по всему свѣту есть-ли суженой ей по красотѣ? Вотъ и находитеся ей ровной по красотѣ этотъ купеческой сынъ, онъ и ладитъ вѣтъ замужество во себя, посва-тавсе и—бракъ произвели. Вотъ однажды пришли молодые въ баню, онъ посмотрѣвъ: у ее рубецъ на спинѣ, на самой на середкѣ; вотъ онъ и спрашивавъ ее: «отчево-жо это у тебя случилось? Она сказывала ему: «я 20 лѣтъ вогнощѣ лежала, будто въ сно-видѣннѣй приходять ко мнѣ молодецъ красавецъ, меня крылышкоомъ помазавъ, 5 рублей награды давъ, я и обривѣла ¹⁾»

Купецъ тутъ и догодавсе, що это она, про котору Судья Вожья сказавъ.

III. Два брата или Судья.

(Его-же).

Жили два брата, одинъ богатой, другой бѣдной, у бѣдново и лошадики нѣтъ, а надо ѣхать по дрова. Приходитъ онъ къ богатому брату и говоритъ: «пожалуста, братъ, дай мнѣ коня по дровца съездить!» «Ты у меня побьешь, сказавъ богатой, а конь у меня сторублѣвой». «Пошо, храни Богъ, побью» Ну, гытъ, дамъ, ступай, поваждай! Та-кой былъ крутой на словахъ-то. Бѣднякъ выводитъ коня, а безъ хомута; онъ и не сміеть попросить хомута, думаетъ що братъ не ровно передумаетъ, не дастъ коня. «Ну, добро, гытъ, у меня хомутъ и свой ес(т)ь». Хомутъ свой не првогидвесе, налѣ; «ну, добро, гытъ, съѣзжу и так!» Вывернувъ оглобли изъ дровень ²⁾, привязавъ коня хвостомъ къ стужню ³⁾, поѣхавъ за дровами. Возъ наклавъ огромной. И случилось ему ѣхать мимо братова до-у, онъ приопаснвсѣ, що безъ хомута идеть, пригрозивъ лошади, що-бы скоряя проѣхать, а лошадь взбѣсилась да прямо во дворъ, а тутъ была подворот-ница высокая, возомъ захватило, хвостъ и оторвавъ у коня. Вотъ тутъ онъ (бѣднякъ) и заревѣвъ, пошибъ коня. Свелъ коня къ брату во дворъ, поставивъ въ конюшну и приходитъ въ избу. Братъ и спрашиваетъ его: «що съездить по дрова?» — «Съездивъ,» гытъ. «Все-ли ладно?» — «А не больно ладно:—хвостъ у коня оторвалъ!» Ахъ, ты такой-сикой, закричавъ богатой братъ, я тебя на судъ поведу, къ Судѣ. Вотъ онѣ и отправились въ дорогу, къ Судѣ, привернули ночевать къ богатому человѣку—богатой къ богатому ужъ завсегды!—хозяннѣ составилъ для ево самоваръ, а бѣдной улезъ на печку. Вотъ онѣ завели разговоръ: «куды, землякъ, пошовъ?» спрашиваетъ хозяннѣ. «Да вотъ, гытъ, братъ оторвавъ у моего коня хвостъ, такъ веду на судъ». «Да не у хорошово-то-ли коня?» говорить хозяннѣ. «У хорошово отвицѣветъ богатой братъ». «Эку бѣду-то! Судять за это ово стануть строго, сказалъ хозяннѣ.

Бѣдной братъ на печь лежитъ да слушаетъ вхъ разговоръ; выслушавъ и думаетъ: «не предамсе суду живой, съ воровца зашвбусъ о полъ». Вотъ онъ залезъ ва воронецъ и только гнетъ ⁴⁾ на полъ! А раньше хозяйка постелю ус(т)лала подъ воронецъ и съ малюткой спать легла; онъ и угадавъ на малютку, ушвбъ до смерти, а самъ не ушвбсѣ, мягко было. Хозяйка заревѣла, що малютку зашвбъ, объяснила хозяйнну; вотъ и тотъ пошовъ на судъ, надо бѣдыава засудить. Идутъ ва судъ ужъ грѣмѣтъ. Подходить къ рикѣ, виновной и думаетъ опѣтъ: «зашибусъ съ мосту о лёдъ, а не предамсе суду жи-

¹⁾ Обривѣла—выздоровѣла.

²⁾ Дровни—сама для возаки дровъ.

³⁾ Стужень—передняя часть саней.

⁴⁾ Гнетъ—отъ слова: гнѣтъ, тяжесть, и какъ тяжесть быстро падаетъ, такъ и слово «гнетъ» показиваетъ бѣстроту паденія.

вой». Въ то время снѣтъ отца волокъ на чункахъ изъ бани и только що выволокъ изъ-подъ мосту, а бѣднякъ съ мосту нищо гнѣтъ, да прямо на старика! Убивъ ево до смерти, а самъ живъ оставсе. Вотъ и счѣтъ старика пошовъ на судъ. Идутъ къ суду ужъ три просителя на одново виновника. Бѣднякъ дорогою взявъ пребольшущой камень, снувъ ево за пазуху и думаетъ, що не дамсе живой въ руки, осудитъ судья, такъ убью и судью, и себя, все одно, гытъ.

Пришли къ суду; вотъ судья и начавъ ихъ судить; спрашиваетъ первово— брата: «ну, що такое сдѣлавъ у тебя братъ?» Братъ сказавъ, што оторвавъ у коня хвостъ, опозоривъ коня. Судья взглянувъ на бѣдняка, а тотъ и поколотивъ у себя за пазуху да думаетъ: що только осуди—зашибу! Камень-то бывъ большой, пазуха такъ и оттопырилась. Судья, увидя это, подумавъ, што бумажникъ съ деньгамъ у ево за пазухой, взятку судить; вотъ онъ и рѣшивъ: «ты, гытъ, отдай ему коня-то, пусть онъ изигъ, пока не выростетъ у коня хвостъ, а какъ выростетъ, такъ и возьми назадъ!» Богатой братъ только голову почесавъ. Другой опять жалуетсе: «у меня, гытъ, малютку убивъ». Бѣднякъ опѣтъ похлопавъ у себя за пазуху. Судья и говоритъ жалобщику: «отдай ты ему жону и пусть онъ держитъ ее пока не родитъ ребенка, а какъ родитъ, такъ ты съ ребенкомъ-то втупоръ и уведи къ сябъ». Такъ и это дѣло рѣшивъ, ни чево бѣдняку не было. Вотъ третій жалуетсе, що отца убивъ. Бѣднякъ опѣтъ похлопаетъ о пазуху. Судья сказавъ жалобщику: «вотъ, братецъ, ты самъ виновникъ; волокѣшь отца по подмосту, подъ большой дорогой, мостовина валилась(бы) и тебя убила бы... Ты видно такъ и ладилъ старика-то?» Обсудивъ судья жалобщика четвертымъ штрафу. Ропустивъ судья просителей и подходитъ къ виновному: а що, гытъ, посулёное-то! а самъ хлопаетъ себя о пазуху. Бѣднякъ вынимаетъ изъ-за пазухи камвищо: «вотъ, гытъ, ваше благородьѣ, кабы ты меня обсудивъ, такъ бы и зашибъ тебя камнемъ!» Перекрестивсе судья: «слава Богу, гытъ, хоть я тебя-то не обсудивъ!..

Такъ бѣдняку нечево и не было.

IV. Сказаніе про Ивана Богатого.

Жилъ Иванъ Богатой, и былъ у ево домъ состроенъ хорошей, со флигельмъ. Приходить къ нему странникъ и проситсе поцевать. Онъ въ хорошей домъ ево не приглашаетъ; «пойди, гытъ, во флигель поцевать!» «Ну, какъ хочешъ, хозѣинъ, и со мной, а пусти въ этотъ домъ поцевать», сказавъ странникъ. А хозѣйка и услышала ихніе разговоры и говоритъ хозѣину: «не пушай, нищимъ-ли спать у насъ въ домъ? Задастсе имъ—не радъ будѣшь; про нищю братю есть отхожая килля (флигель)». Хозѣинъ на то сказавъ хозѣйкѣ: «пустимъ ево, дурново нечево не сдѣлаеть». Пустили. По-утру рано хозѣинъ и выгонѣтъ странника изъ дому: «пойди вонъ, да не кому не сказывай, що у меня поцѣвль поцѣву». «Благодарю, хозѣюшко, за твой теплой ночлеги. но какъ хочешъ и со мной, а пусти и другую ноцъ поцѣвль». Дѣлать нечево, опѣтъ пустили, да и въ третью ноцъ тожо самоѣ. Вотъ хозѣинъ и вымылаеть за утро рано странника да наказываеть: «пойди, гытъ, да не кому не хвастай, що поцевавъ у меня три ноцки». Сряжаетсе странникъ во дорожку и говоритъ: «благодарю, хозѣинъ, за хлѣбъ за соль твою, я скажу тебѣ, що на севоднишній день великое несчастье будетъ на тебя; станешъ просить Божью милость, такъ будѣшь жить, а не станешъ, такъ не будѣшь и живъ». Ушовъ. Хозѣинъ сказавъ своей жонѣ, що сказавъ ему странникъ, а хозѣйка сказала ему, што не виръ (не вѣрь) не кому, врутъ много эти странники, поѣзжай севодни долговъ собирать». А у ево только и семьи было, нищо одинъ казакъ (работникъ); онъ и сказалъ казаву, щобъ запрегъ коня... Вотъ онъ и поѣзжаетъ. Ыдетъ Иванъ Богатой до половинны волока, Господь далъ хажу (пороху) свѣга, конь не можетъ ийти, встаетъ. Выпрягъ онъ коня, прывязавъ къ тарантасу, а самъ подъ тарантасъ залезъ отъ погоды; и поднялась такая погода, що свѣту не видно, одѣлалось темно. Вспоминсе Иванъ Богатой всѣтъ

свѣтъмъ, и далъ Господь ему свѣтъ; вышевъ Иванъ изъ-подъ тарантасу: куда ѣхать, туда и свѣту нѣтъ и конь нейдетъ, а просвигло въ сторону. Запрягъ коня—конь идетъ въ сторону; прѣзжаетъ и видитъ домъ. Вотъ Иванъ Богатой и думаетъ, «що у меня домъ хорошъ, а семья доли не стоитъ этово». Господь посылаетъ Ангеловъ встрѣтить Ивана; Ангела выпрягли коня у ево. Приходитъ Иванъ въ прихожую. «Пойди, Иванъ, говоритъ, Христось, я у тебя выгостивъ, три ноцки поцевавъ. Ангела! сведите ево въ нижней слодкой поцевать». Отворили Ангела двери, въ покоѣ одно окно, одна и кровать; ему тутъ неприятно палось; «живъ, а нѣгодень». На утро Ангела отворили двери, онъ взглянувъ на себя, на немъ и платья нѣтъ, изотлѣло все. «Вставай, Иванъ!» говорятъ ему Ангела. «Радъ бы я встать да на мнѣ и платья нѣтъ», отвицетъ Иванъ Богатой. «Перекрестись, да вставай», опѣтъ сказали ему Ангела. Въ чемъ пуцали ево, въ томъ и вышевъ, ишчево вредново не оказалось. Приходитъ Иванъ въ прихожую, сѣвъ да и плачетъ: «сукажите, гыгъ, дорогу домой ѣхать». «Погости, Иванъ, я у тебя любя выгостивъ, три ноцки поцеваль»... Опѣтъ ево свели въ нижніе покои, а тамъ теперь ужъ одна кровать да два овна, а платья все на немъ нѣтъ и тѣло ево стало, какъ на елѣ кора, «живъ, а нѣгодѣнь». Заутра опѣтъ Ангела приходятъ, отпирають двери и зовуть ево. Иванъ сказавъ имъ: «на мнѣ платья нѣтъ и тѣло мое, какъ на елѣ кора, живъ, а нѣгодень». «Перекрестись, да иди!» сказали ему Ангела. Вотъ онъ опѣтъ приходитъ въ прихожую и проситсѣ домой. «Погости, Иванъ», сказавъ Христось, «я у тебя любя выгостивъ, и ты погости!» Даетъ ему три ключа: два желѣзныхъ и одинъ серебрянной; отперли Ангела двери и указываютъ ему ишо на три двери и бають: «отвори самъ желѣзными ключами эти двои двери, а смѣлость твоя будетъ, то п въ третью посмотри». Иванъ смѣлъ тутъ сталь и весель: «пушай, гыгъ, и дома не бывать, хотъ домъ и хорошъ у меня, да семья доли не стоитъ этово».

Отпираетъ Иванъ Богатой желѣзнымъ ключемъ первыя двери, посмотри, видитъ—огненна планида; онъ и запираетъ опѣтъ; отпираетъ желѣзнымъ ключемъ другія двери, посмотри—преисподняя колесница; заправъ тутъ Иванъ и эти двери. Рѣшивсе, отпираетъ и серебрянымъ ключомъ двери, посмотри:—небесное царство возсіяло, и увидявъ онъ казака своево тамъ; потомъ залагаетъ ключомъ и эти двери. Потомъ приходятъ къ нему Ангела и уводатъ ево въ прихожую, и спросивъ Ивана Христось: «отворявъ-ли желѣзнымъ ключомъ двери и що увидявъ?» «Видягъ, гыгъ, огненну планиду». «Ну, то твое, Иванъ, мѣсто». Христось опѣтъ спрашиваетъ ево: «огшправъ-ли, Иванъ, желѣзнымъ ключомъ вторыя двери и що увидявъ?» «А видявъ, гыгъ, преисподнюю колесницу». «То жоны твоей мѣсто! Отпиравъ-ли, Иванъ, серебрянымъ ключомъ третья двери и що увидявъ?» «Видявъ, гыгъ, царство небесное и казака своево». «Ну, то казака твоево мѣсто! Подѣте, Ангела, запрягите ему коня и отправте домой!» сказавъ Христось.

Прѣзжаетъ Иванъ Богатой домой, онъ коня не выпрягъ, заходитъ въ домъ и говоритъ хозѣйкѣ, що я на томъ свитѣ бывъ. Хозѣйка испужалась, думаетъ: «изднвъ хозѣинъ за дозгами и съума сошовъ, не съкраю все и говоритъ». Иванъ спросивъ у жоны про казака: «дома-ли казакъ»? Она сказала ему, що за еѣномъ уѣхавъ. «Посмотри-ко, гыгъ на синникъ, не прѣхавъ-ли?» Она посмотрела на синникъ—казакъ прѣхавъ; она говоритъ тутъ казаку: «погужи-тко о моемъ горюшкѣ, хозѣин-отъ прѣхавъ да не въ умѣ, поиди, онъ тебя въ домъ зоветъ на лицѣ». Казакъ приходитъ къ хозѣину на лицѣ и говоритъ: «ну, що, хозѣинъ, надо?»—А вотъ що, казакъ, продай на томъ свитѣ свою жиру (жизнь). Казакъ по полу прошовъ я думаетъ, што хозѣину отвидѣтъ? «Вотъ що, хозѣинъ, гыгъ, у тебя дом-отъ и добъ (добръ), а моей жиры не стоитъ на томъ свитѣ!» Хозѣинъ вотъ що сказавъ ему на это: «ты оставъ мнѣ только хлѣба, що въ брюхѣ, да платья—на сибѣ, а тутъ все тибѣ!» Казакъ на то согласнвсѣ. Хозѣинъ ушовъ въ монастырь и съ жоной Богу молитсѣ, а этотъ казакъ только оставивъ и сибѣ, що хлѣба въ брюхѣ да платья на сибѣ, все это ижѣние роставивъ по нящимъ да по церквамъ. Ну, всѣ люди изднвлись этому дѣлу: «первой домъ былъ во слухахъ, говорятъ, а на казака дѣло палосѣ,—изнуривъ ижѣние однихъ часомъ»...

V.

(Иго-жо).

У царя былъ одинъ сынъ и былъ выученъ двѣнадцатигъ языкамъ и у птицы знавъ, що птица баеть (говорить). Вотъ онъ и поѣхали съ отцѣмъ въ разѣздъ гулѣть и видѣть: сидитъ воронъ на горожоной новинѣ, да каркаетъ. Царь и спрашиваетъ у своео сына, що воронъ говоритъ?—«А нѣтъ, батюшко, не скажу!» отвѣдѣть сынъ. «Пошто не скажешь?» «А по то не скажу, що ты осерчаешь на меня». «Какой-жо ты мнѣ сынъ, коли не провѣдаешь (не объяснишь) отцю, що воронъ баеть?» «А ты осерчаешь на меня, по прежнему сказавъ сынъ, но не могъ отбиться и сказавъ: «а вотъ що, батюшко, воронъ говоритъ, що въ нѣкоторомъ царствѣ не будетъ, царя, а я буду царемъ, къ тибѣ въ гости спобываю, ты мнѣ на руки воды польешь, моя мать полотенцѣ дастъ»... Царь сказавъ на это сыну своему: «какой жо ты мнѣ сынъ, ладншь удалишсь въ чужую землю отъ отца своео»? Вотъ онъ доѣхали до моря, посадивъ царь сына своего въ бочку, заковавъ эту бочку и ма море спустивъ. Потомъ идуть по морю корабли, сынъ и закричавъ во всю голову: «господа корабельщики! выньте меня изъ бочки, я буду служить вамъ во вики». Услыхали это корабельщики, подѣвзаютъ къ бочкѣ, вынимаютъ ее на корабль, разсикли и вытащили ево оттудова. Пристали этѣ корабельщики къ берегу и вышли въ городъ, а въ этомъ городѣ царя нѣтъ,—споконвсѣ. Вотъ и судять тутока (туть) народъ и зовутъ корабельщиковъ: «господа корабельщики! пойдемте севодни въ церкву, у насъ царя нѣтъ, вывевсѣ царь и званье вывелось, не изъ ково и выбирать новово». Этѣ корабельщики и пошли въ церкву смотреть, какъ стануть новово царя выбирать. Отошла заутреня и стали выбирать царя, на двери поставили свицу и сказали: «кто во дверяхъ переступитъ порогъ и свица сама затеплитсѣ (зажжется), тотъ и будетъ нашъ царь». Стали выбирать сначала изъ господъ; вотъ господскія дити прошли, потомъ купеческія прошли—все свица не затепливаетсѣ. И приказали корабельщики иди цареву сыну,—а сами не звали, що онъ царевъ сынъ.—Онъ какъ только черезъ порогъ вступивъ, такъ свица и вспыхнула, затеплилась сама. Народъ и сказавъ: «слава Богу, царя выбрали!» Вотъ этотъ царской сынъ и водворивсѣ на царство въ чужую землю, ему и захотѣлось провѣдать своихъ родителей отца и мать, давно не видавъ. Онъ и прѣвзааетъ въ свою землю, а тамъ ужъ новово царя выбрали, а отецъ ево заштатной сталъ царь. Вотъ онъ въ гости прѣѣхавъ сначала къ новому царю, въ гостяхъ и спрашиваетъ нового царя: «нѣтъ-ли въ вашемъ царствѣ старыхъ стариковъ царсково роду»? Сказалъ на это царь ему, що есть, старой царь, онъ находится теперь въ сиротахъ, у ево былъ одинъ сынъ, онъ знавъ двѣнадцатъ языковъ, знавъ, що и птица баеть, но безвѣстно куды дѣвався. «Ну, такъ пойдемъ къ ему въ дожь, просвѣтитъ (посѣтитъ) ево». Вотъ и приходять царя въ гости къ старому царю.

Заштатной царь обрадѣвъ гостямъ (гости-тѣ, па, царя, дакъ!.. добавилъ разсказчикъ), принѣсъ воды самъ и приказавъ жонѣ полотна принести ширинку; онъ льетъ воды на руки, сынъ ево отворотнвсе да схотавъ, мать полотна ему дала на руки, онъ отворотнвсѣ да прослезннвсѣ.

Потомъ онъ сказавъ отцю, старому заштатному царю: «отецъ мой! поминишь-ли мы ѣхали, а сидѣвъ воронъ на горожоной навинѣ, ты спросилъ меня шо воронъ говоритъ? Я сказавъ тибѣ, що въ нѣкоторомъ царствѣ не будетъ царя, и я буду царемъ и спобываю къ тибѣ въ гости, а ты польешь мнѣ воды на руки, а мать да с(т)ъ полотна. Вѣдь такъ и сбмось?»... Вотъ онъ погостивъ тутока и увезъ къ свѣбъ отца и мать и до сихъ поръ живутъ, да хлѣбъ жууть!

А. Шустиковъ.

Царь Солома.

Въ одномъ какомъ-то царствѣ (батько-то зналъ, да я позабылъ) жили не русскіе люди, а Бога-то знали. У нихъ былъ царь мудреннѣйшій, непыщій и грамотнѣйшій. Народу жить было хорошо, а все-же царь порато тосковалъ, что нѣтъ у него сына послѣ смерти батька замѣнить. Потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ далъ ему Богъ сыночка, да такого пригожаго, что всѣмъ на диво. Радъ былъ царь сыну и велѣлъ повѣсить зыбку въ саду, чтобы сынъ былъ едренѣе, какъ вырастетъ на вѣтру. Случись-же оказіи! Не далеко отъ дворца жилъ кузнецъ, и у него тоже родился сынъ, вотъ нечистый и сталъ его мутитъ: «Переимни сына на царскаго! Твой царемъ будешь!» Кузнецъ послушался, взялъ своего ребенка, завернулъ въ тряпичку и понесъ въ садъ. Тамъ онъ вынулъ изъ зыбки царскаго сына, обернулъ тряпичкой, а своего положилъ на его мѣсто подъ нарчевое одѣяльце, потомъ бросилъ царскаго ребенка черезъ огороду въ кучу соломы, и самъ ушелъ какъ ни въ чемъ не бывало. Шелъ этой-же дорогой мимо дворца пастухъ и слышитъ, гдѣ-то дитя плачетъ. Остановился, смотритъ—солома-то шевелится, раздвинулъ солому, а тамъ ребеночекъ горемычный барахтается. Пастухъ былъ жалостливый: «Ну,—говоритъ,—пускай у меня растетъ, но манерамъ-то дѣвчонки долженъ быть, а хлѣба у меня будешь!» Такъ и взялъ онъ себѣ ребенка.

Вотъ и растутъ кузнецкій сынъ да царскій, никто ничего не замѣчаетъ, только одинъ царь сомнѣвается:

— «Не сынъ онъ мнѣ, говоритъ, а обмѣненныишъ—по царски не умѣетъ говорить!»

И вправду, царь толкуетъ ему про законы, которые лучше, а онъ говоритъ про желѣзо, какое на что годится, или начнетъ царь разговоръ: «тамъ-то полицію нужно поставить, а онъ: «Нѣтъ, говоритъ,—лучше здѣсь кузницу поставимъ!»—какъ тутъ не догадаться, что не царскій сынъ! Кузнецкій такъ по кузнецки и толкуетъ.

Разъ случилось, что царь поѣхалъ на охоту и взялъ съ собою свиту. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился ночевать, а свита поѣхала по лѣснымъ дорогамъ птицу разыскивать, да и заблудилась. Наконецъ выѣхали на какую-то рѣчку,—видать на угорышкѣ пастухъ сидитъ, они и спрашиваютъ его:

— «Какъ тебѣ имя? Велико-ли стадо? Глубока-ли рѣчка?»

А онъ разомъ имъ на три вопроса отвѣтилъ:

— «Триста, Матвѣй, бродъ по колѣно».

Они всѣ такъ рты и разинули отъ удивленія, какой находчивый пастухъ. Потомъ хотѣли его запутать, выдвинули свою карету золоченую впередъ и говорятъ:

— «Отгадай, что на свѣтѣ всего дороже?»

Думали, что онъ обзарится на карету, не тутъ-то было!—пастухъ вынулъ изъ кашалки кусокъ хлѣба, да и говоритъ:

«Вотъ что на свѣтѣ всего дороже!»

«Нѣтъ, сказали они промежь себя, плохо съ нимъ тягаться!»

Да и правда, въ лѣсу другой разъ заблудисься, животь подтянетъ, такъ тутъ хоть десять каретъ давай, такъ не промѣняю на кусокъ хлѣба! Разспросила свита у пастуха дорогу, да и отправилась къ царю. Рассказали они ему все, что видѣли и слышали, а царь и догадался, что пастухъ должно быть его сынъ, поѣхалъ самъ къ рѣчкѣ, а пастуха и слѣдъ простылъ,—ушелъ куда-то.

Вотъ случилось царю въ увѣдъ по дѣлу уѣхать, а у царицы-то былъ обожатель, невѣрный царь, она созвала его къ себѣ и стала съ нимъ совѣтоваться, какъ-бы царя уходить, а въ мѣсто его самнишъ царствовать. Провѣдалъ объ этомъ какъ-то пастухъ (который царскій-то сынъ) и говоритъ своимъ товарищамъ:

«Ребята! соберем войско и выберем себѣ царя; жеребій не ставем видать, а такъ сдѣлаемъ: выйдемъ на болото,—слышите, какъ вакуши квакають,—пусть каждый изъ насъ скричигъ, чтобы замолчали, и кого послунають, тотъ царь между нами!»

Такъ и сдѣлали. Почали кричать по очереди, кричали, кричали,—не слушаютъ вакуши, да и только, все квакають, потомъ какъ крикнулъ царскій сынъ и смолкли всѣ.

«Ну, говорить, мало еще этого, станемъ кричать по очереди, чтобы снова заквакали!»

Опять начали кричать. Кричали, кричали—молчатъ вакуши, голосу не подають, а дошла очередь до царскаго сына, онъ какъ крикнулъ,—и всѣ заквакали.

«Тебѣ царемъ быть!» сказали всѣ пастуху. Онъ и сталъ ими распоряжаться, всѣмъ вооружилъ и собрался ѣхать въ городъ. Только одинъ солдатъ ему измѣнилъ: побѣжалъ въ городъ царигѣ вѣсть подать, но они его на ѣзду подстрѣлили. А городъ то былъ недалеко, царица услышала выстрѣлъ, испугалась, послала сотскаго узнать, кто стрѣляетъ, что за выстрѣлы (знаешь, недоброе на умѣ-то было, такъ всего боялась). Сотскій прибѣжалъ, видитъ человекъ мертвый лежитъ, бросился бѣжать обратно и донесъ царицѣ. Она взяла свою свигу и вмѣстѣ съ невѣрнымъ царемъ, который гостилъ у ней, прѣехала въ деревню и велѣла схватить пастуха. Пастуха поймали, а войско его въ лѣсъ спряталось, когда же его вязали, онъ выпросилъ дозволеніе взять съ собою рожокъ—передъ смертью поиграть. Привезли пастуха въ городъ, стали строить висѣлицу, чтобы его повѣсить, а онъ и говорить:

«Я хочу висѣть накосе,—сдѣлайте мнѣ три петли: одну на голову, другую на руку и третью на ногу».

«Ну, говорятъ, пускай такъ висѣть», и сдѣлали три петли.

Зашелъ пастухъ на возвышенное мѣсто, гдѣ стояла висѣлица, началъ передъ, смертью въ рожокъ играть. Какъ сыгралъ одинъ разъ—ратъ его и выбѣжала изъ лѣсу, какъ сыгралъ второй разъ—повскакали на коней, сыгралъ третій—подѣхали ко дворцу, схватили царя невѣрнаго, повѣсили въ одну петлю, царицу въ другую, въ третью того, кто налаживалъ петли, и привелся кузнецъ, тотъ самый, который царскаго-то сына подмѣнилъ, тутъ онъ и признался во всемъ.

Прѣехалъ царь изъ ѣзда, узналъ въ чемъ дѣло, обрадовался, что сынъ нашелся да такой еще мудрѣный, передалъ ему царство, а самъ вышелъ въ отставку. Вотъ и сталъ царствовать новый царь, рѣшалъ дѣла все загадками, мудренѣе батька, а назвалъ себя царь Солома, потому что изъ соломы взятъ.

Когда Христось воскресъ и пришелъ вывести добрыхъ людей изъ ада, увидалъ царя Солому въ аду и говорить ему:

«Ты, больно хитеръ, да мудеръ, зачѣмъ здѣсь?»

А онъ ему прямо такъ таки и отвѣтилъ:

«Кто мудрости-то далъ, какъ не ты!»

Тогда Христось сказалъ: «Иди за Мною», и вывелъ его изъ ада, а въ рай все-же не пустилъ, такъ и остался царь Солома между раемъ и адомъ. Вотъ вѣдь какой смѣлый былъ, гдѣ бы нашему мужику такъ Самому Христу отвѣтить, ни одинъ-бы не осмѣлился! Бывало случилось на меня становой вспылить, такъ я такъ перенугался, что 10 верстъ бѣгомъ бѣжалъ, въ избу зашелъ дома-то, хватилъ шубу и безъ ужны на печь, насили отогрѣлся, добрый часъ зубы стучали, а онъ прямо Христу вонъ какъ отвѣтилъ! Смѣлость во многомъ помогаетъ, мнѣ бы на его мѣстѣ вѣкъ привелось бы пылѣть въ аду!

Да, хитрецъ изрядный былъ царь Солома, а все таки, говорятъ, не святой, въ святые-то не могъ выхитрить!

(Записано Е. Вальновымъ лѣтомъ 1894 года со словъ крестьянина, Архангельскаго уѣзда, деревни Кудьмы, по фамилиі Корольскаго).

Причитанья на рукобитья.

(Записанныя въ Архангельской губерніи, Шенкурскомъ уѣздѣ).

(Плачешъ къ отцу).

Не вставай ты, всхожее солнышко, со брусовыя лавицы ¹⁾,
Не молись, не кланяйся свѣту Господу Богу,
Не давай тѣ руки правыя на чужю-дальнюю сторону.
Тебѣ не выкупить правѣи руки ни селомъ, ни деревнею,
Только выкупишь правую руку моею буйною головою.

(Сватъ подходитъ и навидываетъ на невѣсту фату. Невѣста причитаетъ).

Пала, пала на талю землю пороха ²⁾ бѣлаго свѣту—
На мою буйную головушку фата шелковѣя!..

(Свату).

Тебя чортъ носилъ сватовца ни путемъ, ни дорогѣю по собачьей тропиночкѣ.
Колотитъ большой сватовецъ подъ косящатымъ окошечкомъ,—
Батюшковъ высокъ теремъ съ краю на край пошатался,
Наши лавицы брусовыя отъ стѣнъ отпадали,
Столы наши дубовыя съ краю на край пошатались,
Шиты-бранныя ³⁾ скатерти въ трубу завивались,
Хлѣбы бѣлы-ситніе колесомъ покатылись.
Я во ту пору погодилая середь высокаго терема,
Стояла-поилася свѣту Господу Богу,
У меня да тутъ подломилася до колѣнъ рѣзвыя ноженьки,
По локоть опустилися бѣлыя рученьки,
Испугалось-перепалось ⁴⁾ въ грудяхъ дорогѣ сердце.

(Отцу).

Отказалъ меня батюшка отъ хлѣба—отъ соли
Отказалъ, всхоже солнышко, отъ дѣла—отъ работенки;
Не указалъ мнѣ, всхоже солнышко, ни въ теремѣ мѣста, ни въ лавкѣ бесѣды,
Какъ у тебя, батюшка, уста отворилися? въ устахъ языкъ поверотился?
Ужъ что я была у батюшка ⁵⁾ не слуга, не работница, не замѣна великая?
Благословите меня, родители, мыкать горе великое!..

¹⁾ Брусовая лавица—лавка изъ брусель.

²⁾ Пороша.

³⁾ Шитыя—наборныя

⁴⁾ Это слово встрѣчается въ былинахъ.

⁵⁾ Это слово здѣсь выговаривается: батюшка, у батюшка и прѣтъ, прѣтъ-тошное батюшное.

(Матери).

Кормилица-жалостница, моя родная матушка!
Хоть вы меня избудете, не богаче будете.
Вамъ не два свѣту освѣтить, не два солнца огрѣбеть,
А только вамъ прибудетъ, что меня въ дому не будетъ,
Въ терему меня не увидите, голосу не учѣте ¹⁾.
Ты станешь, моя кормилица, рано по раннему утру,
Ты дождешь, моя кормилица, Вожья лазурева свѣту,
Ты поднимешь очи ясныя, обведешь брови черныя —
Ты кого тогда побудишь рано — по раннему утру?
Ты кого тогда нарядишь на дѣло, — на работу?
Ужъ что я была у матушки не слуга, не работница?
Ужъ что я была у матушки не замѣна великая?
Не дала ты мнѣ, кормилица, на ножки подынуться ²⁾,
Не дала мнѣ, кормилица, съ вышнимъ ростомъ сверстаться ³⁾.
Я кабыть ⁴⁾ вѣтки-вѣточка, молада отростелиночка.
Мнѣ не въ годы привязалось зло-великое горе,
Не въ пору проливались горючія слезы.
Молодыи я молодехонька, зеленѣхъ зеленехонька,
Годовницы-ровесницы во ребенкахъ шатаются ⁵⁾ —
Меня, красну дѣвицу, стали замужь давать.

(Если есть старшая невиданная замужь сестра, то ей) ⁶⁾.

Я росла бѣдна, вырастывала за горой за высокой, за сестрицей родною,
Не слывала я, красна дѣвица, взрослой красной дѣвицей,
Не держала я на головѣ дорогой дѣвьеи красоты.

(Матери).

Ты, кормилица моя родная матушка!
Какъ издается, — на красуешься, не исдается — напозорилъся.
Какъ падется на чужой сторонѣ житье неиздаточно ⁷⁾,
Ужъ я вѣкъ буду забѣдовать ⁸⁾ на родную матушку:
«Мнѣ отъ матушки родимой все горе привязалось,
Отъ кормилицы-жалостницы всѣ слезы проливались».
— Вы чего убоялися, чего устрашилися?
Моего ли недородства ⁹⁾, худого худославьяца?
Я худого худославьяца надъ людьми ненавидѣла,
Надъ собой вѣкъ не значалася.
Я жила у родителей тише воды, тише вносной ¹⁰⁾

¹⁾ Услышите.

²⁾ Подняться.

³⁾ Хорошенько вырасти.

⁴⁾ Какъ будто.

⁵⁾ Сверстницы еще въ ребятахъ.

⁶⁾ Причитанье сестръ лучше выпустить.

⁷⁾ Отъ слова невздаться.

⁸⁾ Вѣдваться.

⁹⁾ Недородство.

¹⁰⁾ Вывозной.

Ниже травы шелковны.

Не въ доростъ траву шелковую съ корешка подросли,
Въ недоцвѣтъ цвѣты лазуревы со травы соронили, —
Въ недоростъ меня красну дѣвицу стали замужъ выдавать,
Мнѣна не дали родители пожить — покрасоватися,
Меня вздумала кормилица давать на чужу-дальню сторону.
Мнѣ не ровня чужь отецкой сынъ ни ростомъ, ни дороднествомъ,
Мнѣ не ровня чужь отецкой сынъ ни бѣлоствомъ, ни румянествомъ ¹⁾,
Мнѣ не ровня чужь отецкой сынъ ни умомъ, да не разумомъ.
Вы не съ ровнюшкой сверсталися, честныя родители,
Вы не съ ровней спознавааетесь, честныя родители.
Я была роду не малаго, была роду славо-славнаго,
Я была въ роду почтеная, во всемъ міру хваленая;
По тому роду-племени надо бы не въ томъ мѣстѣ быть,
Не за тѣмъ человѣкомъ.
Да не тѣ бы вои кованы во дворѣ постояли,
Не тѣ бы люди добрыя за столами сидѣли,
Да не та бы сватья-вняжая по низку поклонилася.
У меня бы тѣ вои кованы въ сторонѣ постояли,
Меня бы тѣ добрыя люди на умѣ поддержали,
У меня бы та сватья-вняжая на печи посидѣла ²⁾.
Ужъ счастья ³⁾ мон бѣдныя, худой талантъ горе-горькій!..

(Братьямъ).

Кабы у меня были во домѣ соколы братцы родимые,
Меня не дали бы соколы-братцы давать на чужу сторону:
По росту я недоросточекъ, по годамъ не невѣста.
У меня тѣ соколы-братцы въ дому не случилися,
У меня тѣ соколы-братцы въ гульбѣ молодецкой.
Ужъ какъ много наживають злата и сѣребра,
Не срадили мнѣ всхожія солнышки драгоцѣнное платье.

(Дѣвицамъ).

Крестовая сѣстрица, по правую руку подручница,
Крестовая сестрица, по лѣвую руку лѣворучница,
Вы красуйтеся, мон сѣстрицы, на вѣкъ накрусуйтеся!
Веселитеся, мон сестрицы, да на вѣкъ навеселитеся!
— Я рада бы красоватися, да красота не красуетъ, сердце не веселитъ.
Пок-ль ⁴⁾ добры - жалостливы до васъ честныя родители.
Жалость у родителей до поры до времени, до часу до единого,
Какъ пойдуть съ чужой стороны большіе сватовцы,
Какъ у твоего батюшка пойдуть рѣдкіе отказы,
А съ чужой-то стороны того чаще приказъ ⁵⁾,
Какъ тебѣ бы послѣ меня зимы не зимовать, лѣто не лѣтовать!
Какъ тебя красну дѣвицу бѣмъ отбивають, отымомъ отымають.

¹⁾ Ни бѣлизной, ни румянцемъ.

²⁾ Т. е. подождала бы долго и въ ожиданіи у нея и на печь сѣла бы.

³⁾ Счастье — счастья — значить счастье.

⁴⁾ Покуда.

⁵⁾ Приказъ адѣсь въ значеніи просьбы, предписанія.

(Дѣвушка подноситъ подарокъ).

Спасибо тебѣ, сестрица, на большомъ подареньицѣ, на честномъ приношеньицѣ,
На любыхъ честныхъ гостинючкахъ.

Нѣсколько словъ въ поясненіе.

Написанныя здѣсь причитанья, или по здѣшнему выраженію причѣты, записаны со словъ одной старушки. Не знаю также совершенно, не появлялись ли они гдѣ въ печати, потому что данныхъ для этого совершенно не имѣю. Не знаю поэтому также требуется ли ихъ присылка, или она совсѣмъ излишня. Я предпочелъ послать только причитанья на рукобильѣ, причитанья же на дѣвичникѣ и пр. пришлю, если потребуются, если же нѣтъ, то и переписывать незачѣмъ.

Кажется, что причитанья не составляютъ чего-либо совершенно неизмѣняемаго, хотя въ общемъ остаются, конечно, одна и тѣже. Напр., годовъ 20 тому назадъ одному священнику случилось быть въ качествѣ крестнаго отца жениха, плача такъ начала ему причетъ:

Духовнымъ назвать батюшкою,—на духу не бывала,
Родимымъ назвать батюшкою,—не поилъ, не кормилъ... и проч.

Свящ. Владиміръ Ивановъ.

Пѣсни с. Писокъ, Житомирскаго уѣзда.

С. Писки, въ которомъ я записалъ печатаемыя ниже пѣсни, находится въ 12 верстахъ отъ Житомира, близость котораго замѣтно отражается на жизни и бытѣ писковскихъ крестьянъ. Дѣвчата давно уже не носятъ вышитыхъ сорочекъ, плахтъ, давно уже одѣлись въ «баскины», т. е. кофточки въ талию, нѣкоторыя, болѣе зажиточныя, нечатютъ о корсетахъ. Даже и мужское населеніе, наиболѣе въ этомъ отношеніи консервативное, начинаетъ понемногу измѣнять свою внѣшность. Молодые парни заводятъ себѣ цвѣтныя рубахи, пиджаки. Сплошь и рядомъ можно слышать тотъ малорусскій жаргонъ, состоящій изъ смѣси исковерканныхъ русскихъ и малорусскихъ словъ, которымъ любятъ щеголять солдаты, писаря и т. п. деревенскіе интеллигенты. «Расейскія» солдатскія пѣсни расиѣваются все чаще и чаще, пользуются большими симпатіями. Старыя малорусскія пѣсни начинаютъ забываться, или-же видоизмѣняются подъ вліяніемъ новыхъ. Записанныя мною пѣсни носятъ на себѣ слѣды новыхъ вліяній. Въ нихъ встрѣчаются отдѣльныя, чисто русскія слова, выраженія, а верѣдко даже и цѣлыя куплеты.

1.

Чье то поле,
Що довгіе гонь?
Ой, то того козаченька,
Що черніи брови.
Чьи то воды
По гори лодылы?
Ой, то того козаченька,

Що ми втрохъ любылы.
Идная любыла—
Виленько водыла,
Другая зодягала,
Вриривько кохала.
Чорнявая чары готувала.
Лытвала зозуля

Черезъ садъ кучы...
Ишовъ козакъ зъ вечор-
ныць,
Вже вінъ очаруєчы.
Прыходить до доу—
Ны таже нікому,
Сильъ собі кинєць стола

Пидперся рукою.
Его маты ходить
Билим ручня млынтъ,
А вины смдыть кысць
стола
Слова кы промовыть.
Прыходять товарныць

Тай прэсыть ораты.
— «Ой, ны кожу това-
рышу
Голывки носыты.
Ны тра мни сына,
Ны тра мни й тропки;
Треба мни саженъ земли,

Щей чотыры дошки.
Ны тра мни сына,
Ны тра ны концы,
Запровадять ажъ до гробу
Гарни молодцы».

2.

Загувь, загувь сывый сокилонько
Седычы на тычыни...
Заплававъ, ватужывъ молодой козакъ
По свой дивчыни.
Що любывъ, та кохавъ
Соби дивчыну навъ,
Теперь покидаю Господу Богу,
Самъ я пиду, самъ я понду,
Въ далеку дорогу.
Сподивайся мене, серденатко мое,
Тай до себе въ гости,
Якъ поросте трава шовковая
Трава на нокости.

Росла, росла трава шовковая,
Стала посыхаты,
Ждала, ждала дивчына козака
Тай стала плаваты.
— «Хилитесь густы лозы,
Звйтъилъ витерь вие,
Дивитесь чорны очы,
Звйткиль мылыи иде?»
Хылымыся густы лозы,
Та вже пересталы
Ждала, ждала дивчына козака,
Тай плаваты стала ¹⁾...

3.

Травка моравна, жонты двать (sic)
Мандруй, паченко, зе вной въ святъ.
Трай рон, трай рон, тра-ра-ра-ра (прн-
вѣвъ).

Слична ягода на нышны
Поведъ, паченко цо мыслишь?
(Пригѣвъ).

Якъ ны будошь мандрувать
Вендо люди дывувать.
(Пригѣвъ).

Слична ягода яловець
Лишій кавалеръ якъ вдовець:

Идть собі вдовець до попа
Тамъ тиби брама отперта.

Буду смывть, какъ овца,
Такъ и не пиду за вдовця.

Идъ собі, вдовець, до дому,
Шукай собі удову.

Идть собі, вдовець, до чорта,
Тамъ тиби брама отперта ²⁾.

4.

Нельзя, нельзя расчеремушку
Нестѣлон рвать...
Нельзя, нельзя раздѣвчочку
Не сватану брать.
Выкопавъ я крымченьку,
Выкопавъ я дви.
Выкопавъ я дивчыноньку

Людымъ ны соби.
А вже съ тен крымченьки
Ормы воду пьють,
А вже туу дивчыноньку
До шлюбу вють.
Иденъ веде за рученьку,
Другий веде за рукавъ,

¹⁾ Ср. Чубинскій, т. V, № 450, стр. 289; № 237, стр. 110; № 555, стр. 261, № 600, стр. 306.

²⁾ Гловаховій, ч. III, отд. I, № 138, стр. 256.

Третій гляне—серце вьине,
Що любить, та ны взавъ.
Бодай тиби, моя матинко,

Такъ тяжко внирать,
Якъ минн молодому
Дивчыну покидать ¹⁾.

5.

Думала гадала,
Явора зрубала,
Труну збудувала.
Думала гадала,
Кого бъ я п. клала?
Поклала бъ я матку—
Ны буде пораду.
П. клала бъ я батька—
Батька дуже жаль.
Поклала бъ я брата—
Въ брата нова хата.

Поклала бъ я сестру—
Въ сестры мали диты.
Въ сестры мали диты,
Никому глядиты.
П. клала бъ многого—
Ны буде другого.
Лягай, мыла, сама,
То якось то буде:
Котори диты малы—
То разберуть люди.
Котори бмальшеньки,

То при минн будутъ
Лягла мыла сама,
Трува зачынилась,
Мыла сопыталась.
Диты закрывали.
— «Цытьте, диты, цытьте,
Цытьте ны кричите!
Я ще не вмираю,
Я свого мылого
Уша вывираю».

6.

Ой, козаче, козаче,
Житте твоє собаче!
Чомъ ны сіншъ, ны орешъ,
Чомъ ны рано съ Крыму йдешъ?
Ой, я сию, я гору,
Ой, я рано съ Крыму йду.
Оно выма ядного—
Врата мого риднёго.
Шукавъ, гукавъ,
Ны знайшовъ,
Заплакавши
Тай врийшовъ.
Найшовъ я листочокъ,
Свого брата слюдочъкъ...
Косить, хлопци, лободу,
Кормить волю на биду.
Косить, хлопци, отаву,
Кормить волю на славу.
Косить, хлопци, тай овесь,
Тай подымъ у Гадесь (Одессу).
Изъ Гадесу до Кыну,
А изъ Кыну до долу,
А изъ долу до дому...
Завязжаю въ шывёчокъ,
А въ шывёчку шывькарка...
— «Шывькарочка волода,
Да!-же меду. шей выма».
«Ой, якъ тибв меду данъ,
Колы въ тебе жупанъ дранъ?»
— «Хопъ у мене жупанъ дравъ
Есть у мене грошей збанъ».

— «Якъ у тебе грошей збанъ—
Дочку свою я одамъ...
Ны такъ дочку, якъ наймычку,
Що хороша на лычку».
Въ субботу змовлялася,
А въ выдилью винчалася.
Въ понеделокъ раненько:
«Дивчыно серденько,
Скажи минн правдоньку,
Якогожь ты родоньку?
Чы ты зъ миста мищанка
Чы ты зъ села селянка?»
— «Ой, я зъ села селянка,
Зъ миста мищанка,
На прызвисько Карпьянка».
А въ вывторокъ раненько:
— «Скажи минн правдоньку,
Якого ты одоньку»
— «Я зъ миста мищавинъ,
Я зъ села селянинъ,
На прызвисько—Карпивъ сынъ».
Бодай, поне, цюпалы,
Що сестру зъ братонъ звинчали.
«Ходимъ, сестро, въ темній лисъ,
Ыхай-же насъ зверъ взвезъ».
Л: съ каже—вы прыиму,
А зверъ каже—ны пойму.
«Ходимъ, сестро, по полю,
Розсіемя травю.
Зъ тебе буде синій квітъ,
А зъ мене буде жовтій квітъ ²⁾».

¹⁾ Ср. Чубинскій, т. V ст. 204. Голосацкій ч. I, стр. 103, № 15; стр. 294 № 106.

²⁾ Ср. Чубинскій, т. V, № 407, ст. 201; № 485, стр. 917; № 157, стр. 1034. Голосацкій, ч. I, стр. 178; ч. III, отд. I, стр. 74.

7

Выйшла дивчина, вышла вдина
Якъ руж-вій цвять (sic)
Ручкы заломыла, очкы заплакала:
— «Ны бендо тв-я».
— «Бендешъ, дивчыво,

Бендешъ идыно,
Бендешъ, дали Бугъ.
Мини людзи рають,
Щей р-дзниця кажуть,
Щей самъ же я Бугъ» (цанъ Бугъ?).

8.

Теперь моя воля,
Що нима нужа въ дома:
Десь похавъ въ поле,
На пшевыченъму горе... (пашеть)
Та буйный витер мје,
Та пшевыченъку сіе...
Повій вотре, зъ яру
На пшевыченъку яру,
Та повій по долини
Въ червоій калыни
Тамъ дивчина ходыла,

Цвить колыну ломыла,
Чорнымъ шовекомъ вязала,
До лыченъка риняла,
Щей матинки пытала:
— «Чы я буду такая,
Якъ калынонька цая?
— «Будышь, доненьку, дудышь,
Закыл у мене будышь...
За лыху долю падешь,
Той храсу зъ лыченъка збудышь».

9.

Ой отдала мене маты
Та въ далеку сторону.
Въ далекую сторону,
Межъ велыку семью.
А велыка семья
Тай обидать сила,
А мене молоду
Посылають по воду.
Якъ по воду иду,
Якъ голуба гуду,
За дрибынны слывоньками
Крывыченъки ны звайду.
Якъ крыныцю знайшла.
Той водыци набрала...
И водыци набрала
Тай ны поinni вудра,
Заки до дому прыйшла,

То слывоньками долыла.
Поставлю я пидъ синьны,
А сама стану пидъ двермы,
Стану я, послухаю,
Про що семья говорыть?
Семья говорыть:
— «Чомъ ты ин ны бьешъ,
Чомъ ты ин ны бьешъ,
Чомъ ты ны ланьшъ.
— «За шо-жъ ин быть,
Колы вие все робыть?
Намеле й натовче,
И наварыть, напече,
Щей накрае, подае,
Свому мылому дае,
Шей по хати бигае,
Нича ио (sic) не сдѣлае... (sic).

10.

На вышенци, на черешенци
Жовтый цвять,
Любылся, та нохалыся,
Зъ малыхъ лить.
На вышенци, на черешенци
Цвить опаде.
Ой, такъ наше коханицко
Та пропаде.
Породыла мене маты

На биду
Хорошую, молодую
На выду.
Розсыпала горшеницьки
По леду.
А хто цїи горшеницьки
Избере—
Той моно до серденька
Прыгорне.

Сіяла діброва, сіяла,—
Съ кимъ-же ти (имя дѣвушки) стояла?
Съ тобою (имя парня), съ тобою,
Якъ въ яскою зорою.
— Чимъ-же ти (имя дѣвушки) пізнала,
Шо ти мене зорою назвала?
— По тобі (имя), по тобі;
Чорная шапочка на тобі,
Чорная шапочка, якъ галка,
Ось твоя (имя) коханка.

Ходила (имя дѣвушки) по полю,
Збирала пшениченьку зъ коколю;
Ішовъ (имя парня), шапку знявъ:
Боже тобі (имя) помагай,
Боже тобі помагай,—
Буде съ цеі пшениченьки коровай,

Ходила (имя дѣвушки) по саду,
Тай садила съ (имя парня) росаду.
Рости, рости, росадо, въ три листи,—
Надійся (имя дѣвушки) старости;
Надійся (имя) старости,—
Дайте-жъ тіі (имя) підрости;
Якъ-же вона підросте,
То ви єі радоньки ни даєте.

Литіла зіронька, литіла,—
За кого-жъ ти (имя дѣвушки) захтіла?
Ой за того, дівчата, за того,
За того (имя парня) молодого.

Помагайбі (имя дѣвушки), куди йдешь?
Десь та пшениченька, шо ти жнешь?
Підъ гаємъ, дівчата, зелененькимъ
Я живу съ (имя парня) молоденькимъ.

Піснн эти поются по возможности каждой участвующей дѣвушкѣ. Когда окончатъ пѣть, тогда каждая дѣвушка беретъ вѣночекъ, несетъ на свой огородъ и бросаетъ на огурцы. Дѣлается это съ тѣмъ, чтобы огурцы хорошо росли и такъ-же хорошо вились, какъ свиты вѣночки.

Прежде—лѣтъ 5—6 тому назадъ—на «Ивана Купайла» собирались и взрослые дѣвушки, точно также плели вѣнки и пѣли тѣ-же піснн. Въ настоящее время взрослые дѣвушки прекратили «на купайла» свои игры, считая ихъ для себя излишними и неудобными.

1894 г., м. сентабря.
Корытна.

P.

Свадебные обряды и піснн въ м. Маковѣ Каменецкаго уѣзда Подольской губерніи.

I. Сватанье.

Женихъ со «старостой» идетъ къ своей невѣстѣ (съ которой напередъ стоворился), неся съ собой бутылку водки и хлѣбъ. «Староста», обыкновенно, спрашиваетъ дѣвушку, согласна-ли она выйти за такого-то? Въ случаѣ согласія невѣсты пьютъ водку и начинается угощеніе ¹⁾).

II. Приготовление вѣнка въ субботу.

Свадьба обыкновенно начинается съ субботы. Невѣста приглашаетъ себя двѣ «друзки» (шаферки) и съ ними отправляется въ село приглашать знакомыхъ дѣвушекъ «до вѣнка», т. е. плести вѣнокъ для невѣсты. Между тѣмъ дома готовятъ «ке-

¹⁾ Иной «староста» дѣлаетъ прѣступъ въ родѣ слѣдующаго: «Десь ту є наша тыльча въ займи?»—Та котра? въ насъ може ця, або ця?—Ну, да та, та!..» и т. под.

ровай»—обыкновенно продолговатой формы. При этомъ мужчины, вырвавши у бабъ, пекущихъ коровай, лопату, которой сажаютъ хлѣбъ въ печь, бѣгаютъ вокругъ хаты, а бабы гоняются за ними, стараясь вырвать лопату. Коровай украшается «Гильцемъ»—вѣточкѣй, украшенной калиной, барвинкомъ и вышрашенными перьями. Точно такой-же коровай готовятъ и у жениха. Коровай все зрѣяя стоитъ на столѣ. Приглашенная дѣвушки остаются за воротами, пока ихъ не позовутъ. Когда-же въ комнатѣ приготовить все, необходимое для плетения вѣнка, тогда большою частью старшая дружка выходитъ за ворота и приглашаетъ дѣвушекъ въ хату. Всѣ садятся за столъ, по срединѣ та, которая лучше умѣетъ дѣлать вѣнокъ. Вѣнокъ плетется изъ «барвинку». Старшая дружка, взявши три или четыре вѣточки барвинка, и обратившись къ отцу невесты, говорить:

— «Татку, просить молода благословенства».

— Нихай Богъ благословить!—отвѣчаетъ отецъ. Такъ до трехъ разъ. Послѣ этого съ тѣми-же словами дружка обращается къ матери и къ всей присутствующей роднѣ невесты. За снѣгъ начинается плетение вѣнка, при чемъ поютъ слѣдующія пѣсни

Зъ ручочки дві квіточчн—
Благослови, Боже! (bis)
И отецъ і мати
Своёму дітяти
Віночокъ начинати.
Матінка моветь:
Най Богъ благословеть
І отецъ и мати
Своёму дітяти
Віночокъ начинати.
Вся родинка моветь:
Най Богъ благословеть,
И отецъ и мати... и т. д.

Сдрагалися стіни,
Де паньки сиділи,
А ще гірше здрігнуця,—
Якъ горілки напьюця.
Дайти намъ горивочки (bis)
Зъ нової барилочки,
Зъ старої не хочемо.
Во въ старі сколочено.
Де-ся староста подівъ?—
До води кона повівъ.
Ще кури не піли,—
Старосту вовки сзіли.
Старосто,—дівочий батьку,
Яку ти маєшь гадуку:
Че віночокъ скушити,
Че думаєшь пропити;
Або-ся поміркуймо,
(NN.—имя невесты) подаруймо.
Скочемъ ми въ городы
Черезъ гострі частоколи,

Тай нарижемъ барвинку—
Дошевати вінку.
Нікто не вгадає,
Хто вінка дошеває,—
Че зміста міщаночка,
Че с сила селянчюка,
Вілую ручку має
Віночка дошеває.

А въ лузі калина ¹⁾
Вілими цвітоми зацвіла;
Пішли єі панни рвати,
Не далася ломати.
Пішла (имя невесты) сама,
Нарвала, наломала,
Принесла до світлогньки
Міже красни панянки.
Че буду я така,
Якъ калинонька тая?
Будишь, доненько, будишь,
Поке пре мені будишь,
А якъ підешъ відъ мене,
Спади красонька съ тебе,
Зъ личенька румяного,
Съ серденька коханого.

Че ти нами (имя невесты) не рада ²⁾
Чи тобі віночка не треба,
Шо ти до насъ не ходишь,
Словонька не промовишь.
Ни дружки вінокъ вила,
Тілько-ся хвалила,
Ввили его дівки
За квартиру горивки.

¹⁾ Мотивъ этой пѣсни другой, чѣмъ предыдущихъ, болѣе нѣжный и трогательный и болѣе чувствительный.

²⁾ Мотивъ новый.

Во время пѣнія музыканты наигрываютъ мотивы тѣхъ пѣсень, которые поются. Невѣста тогда совершенно свободна: она можетъ заниматься какими-либо дѣлами, можетъ танцовать, можетъ поплакать и т. п. Иная во время своего танца поетъ слѣдующую пѣсню:

Далась мене, моя мати
За високі гори,
Будешь мене виглядати
Якъ ясної зори.

Будешь мене виглядати,
Людей-ся питати,
Десь я мала одну дочку,
І тої ни видати.

Когда окончатъ вѣнокъ, тогда дружка кладетъ его на хлѣбъ и отдаетъ съ хлѣбомъ старостѣ свадебному. Староста пьетъ къ ней водку и передаетъ ей рюмку съ водкой, а самъ беретъ вѣнокъ. Дружка-же обязательно должна пить къ той дѣвушкѣ, которая главная шела вѣнокъ, а эта пускаетъ рюмку въ круговую. Когда староста, взявши вѣнокъ, относитъ его въ другую комнату или въ чуланъ, то всѣ дѣвушки бросаютъ въ него остатками барвинка.

Дѣвушкамъ даютъ закусывать. Послѣ закуски дѣвушки поютъ:

Та нема того ві Львові,
Шо въ (ниа невѣсты) на столі:
Пшенешний хлѣбъ,
Солотвий мидъ,

Шей зеленое веко
На столі поставлено,
Хороше припрошено.

Наконецъ, обращаются къ свадебному старостѣ съ такой пѣсней:

Загіра сонячко, загіра,
Вивади, старосто, за стола,
Та на ясноє,

Та на красное
(ниа невѣсты) подвіра.

Староста беретъ крайнюю дѣвушку за платочекъ, а эта слѣдующей подаетъ руку и т. д. и всѣхъ ихъ староста выводитъ на подворье. Здѣсь протанцуютъ одинъ только разъ (только дѣвушки) и расходятся по домамъ.

III. «Заручены».

Днемъ въ субботу женихъ присылаетъ невѣстѣ при посредствѣ своихъ шаферовъ «рантухъ» (особое головное покрывало, шитое изъ бѣлаго полотна; его замужикъ женщины надѣваютъ, когда идутъ въ церковь, — но только пожилыя, молодяцы-же покрываютъ голову платкомъ. Только съ недавняго времени стало входить въ обычай, что вновь вышедшая за-мужъ должна въ первый разъ своего прихода послѣ вѣчянія въ церковь, явиться въ рантухѣ) и платокъ (болѣе или менѣе цѣнный). Вмѣстѣ съ рантухомъ передаетъ и деньги по своему желанію больше или меньше, но обязательно за-вернувши ихъ въ рантухъ.

Подъ вечеръ въ домъ невѣсты приходитъ со своей музыкой женихъ и съ нимъ его отецъ и мать и вся его родня. Поздоровавшись, садятся всѣ за столъ, — женихъ посрединѣ, за нимъ съ лѣвой стороны садятся его два шафера («дружбы»), а съ правой оставляется пустое мѣсто для невѣсты и ея «дружекъ». Невѣста въ то время причесывается куда-нибудь вмѣстѣ со своими дружками. Свахи спрашиваютъ:—«А дежъ наша молодѣ?»—«А отъ заразъ прийди»,—отвѣчаетъ мать невѣсты. Является тогда младшая «дружка». Поклонившись, она цѣлуетъ въ руку родныхъ жениха.

— А це ваша?—спрашиваетъ мать невѣсты или кто-либо изъ его родни.

— О ні, не цяя, це ни наша, наша краца, — отвѣчаютъ свахи, — покажи намъ нашу.

Входит старшая «дружка», слѣдуетъ тотъ-же вопросъ и тотъ же отвѣтъ. Наконецъ появляется невѣста.—Оце, оце наша!—воскликаетъ родня жениха. Невѣста садится за столъ подлѣ жениха и втыкаетъ за поясъ его платокъ, тотъ самый, который передъ тѣмъ получила отъ него. Затѣмъ складываетъ руки на крестъ такимъ образомъ, что невѣсты рука служитъ основаніемъ, на ея руку кладетъ женихъ свою, дагѣ его отецъ, мать и присутствующіе родственники. Свадебный староста платкомъ связываетъ руки, говоря: «Хто сей гузь розвяже, той має дати ва церкву десѣть (или двадцать) рублівъ»¹⁾. Платокъ развязываетъ самъ староста.

IV. Расплетеніе косы.

Послѣ сего невѣста садится на столчикъ среди хаты и начинается расплетеніе косы. Во время приготовленія сидѣнія невѣсты (столецъ и подушка покрытая) поется:

Дай мати стільця,
Щіточки, гребіниця,

Щіточки, і кожуха
Нехай сиде молодуха.

Старшая дружка держитъ въ рукѣ косу и, обращаясь къ отцу невѣсты, говоритъ:—«Татку, просить молада благословенства».—«Най Богъ благословить»,—отвѣчаетъ отецъ.—«Повтурни», говоритъ опять дружка.—«Най Богъ благословить», слѣдуетъ отвѣтъ.—«Повтурни».—«Най Богъ благословить».—«Дзвінує вашечи», заканчиваетъ дружка. Съ такими же словами обращается дружка къ матери и къ всей присутствующей роднѣ невѣсты. Начинается расплетаніе косы, при чемъ поются слѣдующія пѣсни:

Благослови, Боже,
І отецъ і мати
Своєму дітати
Косоньку расплетати.
Стану я на білинну,
Крикну я на родину:

Сходися родбчу
Расплетати косбчу.
Масла, матінво, масла,
Бо я корови пасла,
Щей гонила на роси,—
Давай масла на коси.

Було літо, було літо²⁾,
А тепер зима;—
Посію я чорнобривці
Напротівъ Різдва.

А вже-жъ мої чорнобривці
Розцвітають,
А вже-жъ мою русу косу.
Расплетаютъ.

Послѣ расплетенія косы невѣста поднимается съ своего мѣста, а окружающія ее дружки и дѣвушки—ея родственницы стараются занять ея мѣсто³⁾.

V. «Выражаютъ на село».

Вслѣдъ за сѣмъ невѣста собирается отправиться «на село», т. е. къ священнику и родственникамъ просить благословенія. Родители и родственники жениха и невѣсты (и другія почетныя лица, если они присутствуютъ), садятся на лавкахъ и каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ хлѣбъ, а на хлѣбъ кусокъ соли. Женихъ кланяется въ ноги родителямъ невѣсты, а потомъ своимъ; невѣста-же въ то же время кланяется

¹⁾ Смыслъ этихъ словъ тотъ, что кто отговоритъ невѣсту, тотъ долженъ заплатить въ пользу церкви штрафъ. Обычай видно недавній, но неизвѣстно съ котораго времени заведеть.

²⁾ Мотивъ другой.

³⁾ Это значитъ, которая раньше займетъ мѣсто, та скорѣе замужъ выйдетъ. Большею частью мѣсто достается дружкѣ.

родителямъ своего жениха, а потомъ своимъ. Слѣдуютъ также поклоны родственникамъ. Предварительно свадебный староста говоритъ:

— «Стало то дитятко предъ Господомъ Богомъ, предъ всіма сватими, предъ батькомъ родзониимъ, предъ маткой родзоною ¹⁾, стало-жъ оно, тай просить благословенства: шобись—ты ему простыл и благословыл и на село вырадмлы».

Во время процесса поклоновъ поють:

Кланяйся (иия невѣсты), кланяя,
Низенько до нігъ падай,
Отцові, матівоньці,
Всі свої родивоньці
І найменьші дитиньці.

Засвіти, дружбо, свічку,
Поглянь позашічку,—
Че ни ма де родини,
Найменьшої дитини,
Шо-би єі-ся вклонити,
Шо-би єі ни згнівити.

Получивши благословеніе, женихъ и невѣста выходятъ на дворъ и останавливаются подлѣ порога. Мать невѣсты святой водой окропляетъ ихъ трижды, обходя вокругъ. Окропивши, она остатою воды выливаетъ въ голенище невѣсты и туда-же вкладываетъ и кропило (сдѣланное изъ колосевъ).

Во время этого обряда, соблюдаемого и зимой, поется слѣдующая пѣсня:

Въ городі квіти,—
Скропляй, мати, діти
Свяченою водою,
Доброю дорогою.
Йди (иия невѣсты) на село,

Шобъ-ти було висело;
Че бідний, че богатий,
Ни мнай ёго хати;—
Каждий тобі відмовить:
«Най Богъ благословить!»

Женихъ, окруженный друзьями ²⁾, и невѣста, окруженная друзьями отправляются первымъ дѣломъ въ своему приходскому священнику. Свадебный староста, сопровождающій ихъ, несетъ священнику бутылку водки, хлѣбъ и живую курицу. Въ домѣ священника женихъ и невѣста падаютъ въ ноги священнику, матушкѣ и всѣмъ присутствующимъ его дѣтямъ (взрослымъ и малымъ) и стороннимъ, если они есть. Староста кладетъ водку и хлѣбъ на столъ, пробуютъ водки и расходятся. Обыкновенно невѣста идетъ къ своимъ родственникамъ, а женихъ къ своимъ. Невѣста еще въ концѣ концовъ заходитъ къ родителямъ жениха, гдѣ ее угощаютъ, а оттуда прямо къ себѣ домой. Входя въ домъ, дружки (а у жениха—дружки) поють:

Добрн вечеръ тому,
Хто є въ цімъ дому!
Че добре ми здробили,

Шо всю родину спросили,
Близкую и далекую
И сосіду блезеньку?

Танцы «челяди».

Въ субботу до поздней ночи продолжаются танцы. Обыкновенно танцуетъ «челядь», т. е. всѣ, кто званый и незваный пришелъ на свадьбу. Такъ какъ деревенской молодежи набирается очень много, то танцы устраиваются на подворьѣ (хотя бы это было и зимнее время). Танцы очень незатѣливые и несложные. Собственно говоря, существуетъ одинъ танецъ, состоящій изъ двухъ фигуръ. 1) Парень и дѣвушка, взявшись за руки, медленно, степенно, въ тактъ музыки двигаются по кругу,

¹⁾ Слова изъ польскаго языка, въ обыкновенной рѣчи не употребляемыя.

²⁾ Въ субботу-же дружки пришиваютъ дружкамъ къ шапкамъ особые изъ баранья сдѣланные букеты.

слегка подпрыгивая. 2) Парень береть дѣвущку подь мышки, а дѣвушка кладеть руки на его плечи, и такъ кружатыя поступательно. Свадебная музика состоитъ изъ скрипки и цимбалъ (инструментъ въ родѣ цитры). Иногда присоединяется бубень (но онъ не составляетъ необходимой принадлежности свадебнаго оркестра). Танцующія пары подѣвають различные куплетки и пѣсенки (большою частью парни), напригѣрь:

Ой дівчано, дівчинонько,
Товарь за водою,
Ти ходишь за товаромъ,
А я за тобою.

—
Ни дивися дівчинонько,
Що я-ся волочу,

Дай міні штире воли,
Я тебе ни хочю.
Дай міні штире воли,
А пята корову,
Я тебе не хочю
І до свого дому.

Если же какой парень желаетъ досадить и посмѣяться надъ какой-либо дѣвущкой, то онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы сгѣть ей подобранную или составленную имъ самимъ пѣсню не въ пользу ея, напригѣрь:

Ой дівчино, дівчинонько,
Яка ти гарненька,

Якъ въ ліси при дорозі
Жаба зиленька.

Одною дѣвущкѣ, служившей у помѣщика, парень изобрѣлъ такіе куплеты:

Ой булабъ ти, дівчинонько,
Въ въ осини віддана,
Якъ-бисъ була съ панами
Въ покою ни спала.
Въ Макові дороженька
На всі штыре кінці,
Побігла (имя матери дѣвущки)
За бугаємъ дівці.

Ой копана кернеченька,
Копана, копана,
Такого-то (имя отца) дівчинонька
Ходить до пана.
Копана кернеченька,
Копана, копана,—
Вона собі заслужила
Коральки съ пана.

Другой парень спѣлъ такую пѣсню:

Ой на ставу, на ставочку
Плеве, обичайка,—
Ой чия жъ-то дівчинонька
Така величайка.
Чимъ-же вона величае?
Чимъ-же гоноруе?

Чи ни тими кораллями,
Шо въ краму кунуе.
Коби то коральки,
А то жовта глина,—
Навішала їхъ багата,
Шобъ хлобці любили.

2.

Вже тиждинь минувъ,
Якъ ти въ мене бувъ,
Десь ти, сирдиня,
За мене забудь?
— Ой я ни забудь,
Тільки забуду:
Поїду въ Москву
Семь лѣтъ прослужу,
Ди повернуся,
Тамъ оженюся,
Возьму за жону семілеточку,
Вишишу еі на паперочку,

Прибью на стіні,—
Розмовляй мені:
Якъ я тебе бравъ,
То ти,—якъ макъ процвітавъ,
Теперь ти стала,
Якъ рибка вяла,—
Десь тебе мати ни жаловала
Пізно лгала,
Рано вставала:
Вставай нивістко, бодай ни встала,
Подій корови, шо ти нагнала.
— Я ті подою, шо я нагнала,
Тихъ не подою, шо я застала.

3.

Чирвоная калинонька
 На аръ-море схилилася,—
 Дурна-дівка сжурилася,
 Шо відъ роду відбилася,
 Шо одъ роду, одъ родини,—
 Та за двадцать миль, за чатври
 Дівці косу розпустили
 Та на тихий Дунай пустили.
 Та пливн, косо, за водою,
 А я молода за тобою;
 Та припливемо на нисочокъ,
 Вохда ¹⁾ сядимъ на часочокъ,

Вохда садимо, одишимо,
 Та дрібні листи напхнимо,
 Да до батенька одишимо:
 Та ніхай батько ни торбуе,
 Сивихъ коней ни моруе,
 Та дівці вінка ни купуе.
 Та черезъ дурний розумочокъ
 Потирала свій віночокъ
 Підъ білою березою
 І ни пьяною, твиризою,
 Підъ куцникомъ злиненнимъ
 Та съ козаченькомъ молоденькимъ.

Півніе подобнихъ куплетовъ считается большимъ оскорбленіемъ. Дівушка, обыкновенно, старается уйти домою ²⁾.

VI. Воскресеніе.—Отправленіе жениха въ домъ невѣсты и модъ вѣнецъ.

Въ воскресеніе утромъ женихъ и невѣста собираются къ вѣчанію. Вѣчаніе бываеъ послѣ литургіи. Женихъ въ своемъ домѣ получаетъ благословеніе отъ отца и матери, кланяясь имъ въ ноги. Благословляють хлѣбомъ, — при этомъ обыкновенно свахи поють пѣсни (тѣ-же, что и невѣстѣ). Выраженный изъ дому женихъ вѣстѣ съ друзьями, свахами идетъ въ домъ невѣсты. При приближеніи къ дому невѣсты свахи поють:

Туть біли піра впало,
 Туть-ся намъ сподобало,

(Имя невѣсты) молоденька
 Пристала до серденька.

Невѣста точно такъ-же, какъ раньше, проситъ благословенія у своихъ родителей, а послѣдніе, какъ и раньше, благословляють хлѣбомъ. Староста свадебный произнеситъ ту же тираду, которая приведена раньше. Во время обряда благословенія поють:

Зъ руточки дві квіточки
 Благослови, Боже,
 І отецъ і мати
 Своего дітати

До шлюбу виражати.
 Кланяйся (имя невѣсты), кланяйся,
 и проч.

Послѣ благословенія выходятъ женихъ и невѣста на дворъ и здѣсь подлѣ порога производится тотъ-же процессъ кропленія водою, который раньше приведенъ. Свахи-же поють тогда такую пѣсню:

Мати (имя невѣсты) родила
 Місяцѣмъ обгородила,

Совячкомъ виприжала,
 До шлюбу виражала.

Возвращеніе послѣ вѣчанія.

Женихъ идетъ въ церковь впереди со своими друзьями, а невѣста сзади съ друзьями. Послѣ вѣчанія женихъ отправляется къ себѣ, въ свой домъ, а невѣста

¹⁾ Охъ да.

²⁾ То-же самое бываеъ и во время собранія деревенской молодежи въ традиціонные дни, когда также играетъ музыка и устраиваются танцы. Такія развлечения прежде сплошь и рядомъ устраивались въ кабацѣ. Но теперь сельскія власти восбраняють имъ собратись въ кабацѣ.

въ своей. И жениха и невѣсту въ почтительномъ отдаленіи отъ церкви встрѣчаютъ музика и провожаютъ домой. Дорогой сопровождающія невѣсту дружки и свахи поютъ:

Дякуймо попопѣкові,
Якъ рідному батенькові,
Шо насъ звінчавъ,
Шо намъ шлюбъ давъ,

Нешного взявъ
Півтора червоного
Въ пана молодого ¹⁾.

Подойдя къ дому, поють:

Вийди, матічко, звитайся,
Своєго дитятки снитайся,
Дись твоє дитятко бувало,

Що твоє дитятко видало,
Підь царскимъ вінцемъ стояло,
Зъ правої рученьки шлюбъ взяло.

Мать невѣсты встрѣчаетъ ее на порогѣ дома, накинувши на плечи (шубу) козужу на изнанку, шерстью вверхъ. Въ это время поють:

Богові наші душі,—
Вийди, мати, въ кужусі;

Якій кужухъ мохнатий,
Такий твій зять богатий.

Невѣста съ поклономъ подходитъ къ своей матери, а она пьетъ къ ней водку, невѣсть-же подаетъ въ той-же рюмкѣ воду. Невѣста выливаетъ эту воду чрезъ голову назадъ себя. Второй разъ тоже самое. Третій разъ мать подаетъ ей водку, она выпиваетъ ее и, взявшись руками за край козужа, входитъ въ комнату. Начинается обѣдъ, за которымъ поють различныя пѣсни, въ родѣ такой:

Капуста мила,
Сікла еї (имя невѣсты) дівка,
Сікла, шаткувала,
Гостий-ся сподівала.

Є що їсти, пити,
Ни кому припросити,—
(Имя невѣсты) молоденька,
Дружечка пишненька.

Въ теченіи дня продолжаютъ танцы и веселье и у жениха и у невѣсты.

VII. «Посагъ».

Подъ вечеръ женихъ у себя дома, а невѣста у себя садятся на «посагъ». У жениха такая-же обрядность, что у невѣсты, и пѣсни тѣ-же самыя. Свадебный староста, точно такъ-же, какъ и въ прошлые разы, проситъ благословенія садиться на «посагъ». Невѣста становится по срединѣ комнаты и низко кланяется своимъ родителямъ. Въ то время поють:

Зъ руточки дві квіточки
Благослови, Воже,
І отець і мати
Своєго дитяти
На посагъ сідати.

Ой крикнули гуси-лебеди на воді,
Якъ добавили молоду (имя) на дворі:
Ой годі-годі, молода (имя) гуляти,
Пора-жъ тобі на той посагъ сідати;—
Ой є въ мене отець, мати до того,
До моєго до посаженьку славного.

Невѣста садится за столъ съ дружками и съ нею нѣсколько дѣвушекъ. Передъ нею стоятъ «коровай съ гильцемъ», водка, рюмка и тарелка. Свадебный староста

¹⁾ Въ селѣ Перосатковѣ Углицкаго уѣзда поють при этомъ:

Здурили ми поца,
Якъ простого хлопа,
Ми редьки накрамали,

А вінъ думавъ,
Шо талари.

вызываетъ присутствующихъ по-очередно, сначала родителей, потомъ родственниковъ ближайшихъ и дальнѣйшихъ и, наконецъ, гостей, говоря такъ: «Десь ту є пани молоді тато, а прошє, татку!» Вызванный подходитъ къ столу, пьетъ рюмку водки (рюмку держитъ чрезъ платочекъ) и бросаетъ невѣстѣ деньги, сколько желаетъ. Въ это время поютъ:

Ой татуню-голубечку,
Ставьте передъ мене,
Перепийте до мене—
Повную-повненькою
І доброю доленькою.

Я повну перепиваю,
Тобі долі ни вгадаю;
Той тобі єі вгадає,
Хто надъ нами
Всю шіць має.

Эту пѣсню поютъ каждому, кто подходитъ, называя подходящаго по имени или по степени и названію родства. Когда староста вызываетъ парней, то говоритъ: «Десь ту є наші пани молоді товаришъ (имя), а прошє, товаришу!» Вызванный подходитъ пьетъ, а ему поштъ такую пѣсню:

Молодці зъ-за порога ¹⁾,
Ой бітєся Бога:
Вїйдїти до хати

(Имя невѣсты) дарувати.
Видїлишъ даромъ посагомъ,
Доброю доленькою (имя жениха).

Или-же поютъ такую:

Пийте, молодці, пийти,
Но намъ шклянкоє ни бийте,
Бо въ насъ шклянки дорогїи,

По штири золотїи,
А келїшки по грошу,—
Я-жъ васъ, вашєцї, прошу.

А дѣвушкамъ прибавляютъ въ концѣ этой пѣсни:

Келїшки по три гроши,—
У насъ панянки хороши.

Послѣ посагу у невѣсты продолжаютъ танцы по прежнему. То-же самое у жениха.

VIII. «Дары» жениха невѣстѣ.

Около полночи женихъ посылаетъ невѣстѣ «дары» — два калача, которые относятъ дружбы. Послѣдніе, отдавши «дары», возвращаются обратно и, прїїдя къ дверямъ дома, поютъ:

Вїдалисьмо дари,
Якєсь-мо мали,—

Жетїви, пшїяпшїни,
Шобъ булі вилїчїни.

Послѣ этого ночью же женихъ съ друзьями, музыкой и свахами отправляется за невѣстой въ ея домъ, причеиъ несутъ и коровой съ гильцемъ. Женихъ вмѣстѣ со своей компанїей остается у невѣсты до утра, а иногда и дольше (до полудня понедѣльника).

IX. Понедѣльникъ. «Снупленіє дружбекъ».

Въ понедѣльникъ отводятъ невѣсту въ домъ жениха. Передъ тѣмъ, какъ невѣста имѣетъ отправляться, ея дружки надѣваютъ на головы шапки дружбокъ и садятся за столъ. Онѣ поютъ:

¹⁾ Крестьянскїя хаты, обыкновенно очень тѣсныя, не вмѣщаютъ въ себя всѣхъ гостей, поэтому большая часть ихъ остается въ сѣняхъ,—за порогомъ.

Види, дружбо, съ коморн,
Покажи чорни брови,

Никай я буду знати,
Кого дружбою звати.

Дружба подходит и бросает своей дружкѣ нѣсколько денегъ,—это называется «скуплять дружку» (какъ-бы вознагражденіе дружкѣ за услугу, оказанную тѣмъ, что дружка прицѣпила въ субботу къ шапкѣ своему дружбѣ букетъ или широкую ленту, сложенную въ формѣ цвѣтка). Въ то время дружка поетъ:

Я на тое та ни двялюся,
До стѣни обернуся,

До стѣни оченъками,
А до дружби плеченьками.

Дружба опять бросаетъ ей нѣсколько копеекъ. Дружка поетъ:

Гопча, дружечна, гопча,
Чирвиченъки здончи,

Дружбонька-ся поправитъ—
Чирвичики направитъ.

Дружба опять бросаетъ ей денегъ. Такъ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворится дружка, послѣ чего дружка възлѣзаетъ на столъ и со стола прыгаетъ дружбѣ на руки и идетъ съ нимъ танцовать. По окончаніи танца оба дружки уходятъ къ себѣ домой. Имъ даютъ по парѣ калачей, а музыка провожаетъ ихъ за ворота¹⁾.

Х. Раздача «норовая».

Здѣсь-же, въ домѣ невѣсты, раздается всѣмъ присутствующимъ коровай и гильце жениха. Старшій дружба разрѣзываетъ его на части и вызываетъ тѣхъ, кому долженъ дать, точно такъ, какъ раньше вызывалъ «до посагу». Вызванный подходитъ къ столу и получаетъ кусочекъ коровай и часть гильца.

Предъ своимъ уходомъ къ жениху невѣста раздаетъ родственницамъ и подругамъ свои ленты, которыя она носила на головѣ, часть-же оставляетъ для раздачи въ домѣ жениха его родственницамъ-дѣвицамаъ.

XI. Невѣсту ведутъ въ домъ жениха.

Наконецъ, невѣста съ женихомъ отправляется въ домъ послѣдняго. Невѣста въ вѣнкѣ и въ лентахъ на головѣ несетъ рантухъ, накиннутый на шею такъ, что оба конца его спереди, на рукѣ-же—«обрусъ» (скатерть) и два хлѣба на обрусѣ, а женихъ несетъ икону. Ихъ сопровождаетъ музыка жениха, дружки,—изъ нихъ старшій несетъ коровай и гильце невѣсты,—и свахи; родители жениха и его родственники остаются пока дома. Если новобрачные будутъ жить въ домѣ отца жениха или вообще въ предѣлахъ его усадьбы, то въ этотъ разъ за невѣстой несутъ слѣдующее ей приданое: младшій дружба несетъ въ простыни завернутыя подушки, а свахи несутъ «каликмы» и «вереты»¹⁾, перекинутыя черезъ плечи. Если-же напротивъ, женихъ поселится имѣть въ домѣ невѣсты, то всего этого не несутъ. При отправленіи невѣсты изъ дому, мать ея окропляетъ святой водой, какъ и раньше, когда «выражала ихъ на село»; поется та же пѣсня: скроцаяй, маты, діты... Когда выйдутъ за ворота, то останавливаются предъ воротами и пьютъ водку и затѣмъ поютъ:

Загортай, мати, жаръ-жаръ,
Коли тобі дочки жаль-жаль;

Загортай, кидай, дрова,—
Бувай, мати, здорова.

¹⁾ Родители дружкѣ обыкновенно не присутствуютъ на свадьбѣ. Ихъ нарочито приглашаютъ послѣ того, какъ дружки уйдутъ домой.

«Вслинокъ»—коверь, сотканный изъ шерсти, цвѣтной съ узорами, гдѣ какой мѣстные ткачи умѣютъ дѣлать. «Верета» радио, сотканное изъ поньки покрывало на кровати, тоже цвѣтное, съ полосками и дорожками, на сколько некусень ткачь.

Дорогой, когда уже «ведутъ невѣсту», поютъ слѣдующую пѣсню:

Вже веньці надовучило,
Кватирочку вичинячи.
Кватирочку вичинячи,
Нивісточки виглядаючи.
Кватирочка зелененькая,—
Нивісточка молоденькая.

Вичини, нати, скриню:
Ведемъ тобі господиню,
Въ поле робітницю,
До хати попритняю
До коморв клоуницю.

XII. Новобрачные въ домѣ жениха.

Въ домѣ жениха обыкновенно застеливаютъ полотномъ отъ порога до стола (а иные застеливаютъ отъ воротъ до порога и далѣе до стола, — все это какъ звать выраженія богатства). Новобрачныхъ хозяйка дома встрѣчаетъ съ хлѣбомъ и солью и въ кожухъ, надѣтомъ шерстью наружу. Войдя въ комнату, новобрачные сразу садятся за столъ, и имъ даютъ ѣсть обязательно медъ (для выраженія пріятной «сладкой» жизни) и жареную курицу. Когда они попробуютъ и того и другого, то невѣста намазываетъ на хлѣбъ меду и раздаетъ присутствующимъ. Раздаетъ также свои ленты родственникамъ и подругамъ.

XIII. Завязываніе платка.

Послѣ того слѣдуетъ надѣваніе платка на голову молодой такъ, какъ вообще носятъ платки замужнія женщины. По срединѣ комнаты ставятъ табуретъ, на него садится колодой, а ему на колѣни садится его новая молодая жена. Ей поддаютъ чепчикъ, но она не принимаетъ его, а бросаетъ назадъ себя черезъ голову. Такъ дѣлается три раза (этими она выражаетъ не желаніе разставаться со своей дѣвичьей свободой). За четвертымъ разомъ чепчикъ надѣваютъ ей на голову, а сверху платокъ, тотъ самый, который невѣста воткнула за поясъ своему жениху еще въ субботу, и отъ все время съ нимъ не разставался. Новобрачнымъ тогда припѣваютъ:

Съ тіста, съ тіста палинниця,—
Теперь (или невѣсты) молодиця;

Съ тіста, съ тіста обаринюкъ,—
Вже (или молодого) ни паробюкъ.

Молодая продолжаетъ танцовать уже въ платкѣ.

XIV. «Перепиваніе».

Спусти немного, невѣста надѣваетъ на голову шапку жениха и садится по срединѣ комнаты.

Родственники ея и жениха «перепиваютъ» ей различные подарки, т. е. пьютъ водку и подносятъ ей: полотенно, пряжу, «простырадла» (простыни), «коликны», «вереты», или кто-либо обѣщаетъ ей дать курей, гусей, овцу или корову и т. и.

XV. «Выводъ».

Подъ вечеръ молодую ведутъ къ священнику до «выводу». Поверхъ платка на голову ея надѣваютъ «рантукъ», обвязанный широкой лентой, и накладываютъ вѣнокъ. Невѣсту сопровождаетъ старшій дружба. Они идутъ рядомъ, держась за концы платка («дружба веде молодую»). Идутъ вѣстѣ съ ними сваха и свадебный староста, который несетъ священнику въ даръ бутылку водки и хлѣбъ, а сваха — живую курицу. Священникъ читаетъ надъ невѣстой молитву «на оягтѣ вѣнцовой» — это по крестьян-

скому выраженію и называется «прочтаты вывадь». Когда идутъ «до выводу», — свахи поють:

До выводу йдемо,
Молоду видемо,
Молода—

Якъ ягода
Червона, якъ малина,
Солотка, якъ малина.

Послѣ «вывода» невѣста возвращается въ домъ жениха тѣмъ-же порядкомъ.

XVI. «Пропій и Пропійчаны».

Въ понедѣльникъ вечеромъ или ночью отецъ и мать невѣсты и вся родня съ музыкой идутъ «на пропій» въ домъ (жениха) своего новаго зятя. Ихъ угощаютъ ужиномъ, и веселье продолжается всю ночь. Только на слѣдующій день (во вторникъ) утромъ родители и родственники невѣсты—они называются на этотъ разъ «пропійчаны»—возвращаются къ себѣ домой, опять съ своей музыкой.

XVII. Продолженіе свадьбы въ корчмѣ.

Во вторникъ около полудня или вечеромъ вся свадьба переносится въ корчму, и вѣсь далеко за полночь продолжаются танцы и веселье. Изъ дома жениха отправляются всѣ свадебные, какъ слѣдуетъ, въ полномъ составѣ и порядкѣ. Изъ дома-же невѣсты ея родители и родные отправляются съ какимъ-нибудь «паробномъ» (парнемъ), перерядившимся въ невѣсту. Его одѣваютъ въ женское платье, на голову накладываютъ вѣнокъ, сдѣланный изъ крапивы и разнаго бурьяну и т. п. Въ корчмѣ два свадебныхъ кортежа пока не смѣшиваются, а веселятся отдѣльно другъ отъ друга. Обыкновенно гости новобрачныхъ смѣются съ тѣхъ, которые итѣютъ мвиную, переряженную невѣсту, и хвалить красоту и достоинства своей молодой. Спустя въкоторое время оба свадебныхъ общества соединяются вмѣстѣ, но расходятся опять порознь: тѣ, которые пришли съ новобрачными, уходятъ съ ними-же, а которые пришли изъ дома невѣсты съ ея родителями, тѣ уходятъ съ ними.

Конецъ свадьбы.

Въ среду утромъ заканчивается свадьба. Музыкантовъ отправляютъ домой и даютъ имъ «индошу коровай», т. е. нижнюю корку. Хотя музыки нѣтъ, но въ среду какъ у родителей жениха, такъ и у родителей невѣсты веселье продолжается. Почти всѣ родственники присутствуютъ, собираются сосѣди, хозяинъ предлагаетъ водки, но большую часть гости считаютъ своимъ приличнымъ долгомъ въ складчину принести самихъ водки. Такъ продолжается почти весь день, смотря по состоянію хозяевъ.

«Гостыны».

Въ четвергъ родители и ближайшіе родственники жениха, а также и новобрачная чета отправляются въ «гостыны» къ родителямъ молодой,—это какъ-бы отдается визитъ за «пропій». Здѣсь гостятъ въ теченіи всего дня. Если-же зять принимается въ домъ своей жены, то овъ уже остается здѣсь и не уходитъ обратно. Въ противномъ случаѣ новобрачная чета вмѣстѣ съ другими возвращаются вечеромъ назадъ.

Весь свадебный ритуальъ этотъ выполняется безъ опущеній и въ томъ случаѣ, если женихъ изъ другого (сосѣдняго) ближайшаго села.

Свадебный староста.

Свадебный староста является какъ-бы замѣстителемъ отца («батька») жениха и отца невѣсты. Онъ смотритъ за порядкомъ, приглашаетъ и угощаетъ молодежь, а главное,

наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы весь свадебный процессъ былъ выполненъ въ точности и чтобы главные дѣйствія свадебнаго ритуала совершены были въ пору и во время.

С в а х и.

Свахъ бываетъ по три съ каждой стороны—со стороны жениха и невесты. Въ теченіи всей свадьбы онѣ носятъ на головѣ воткнутый за повязку платка букетъ изъ барвенку, вызолоченный «позлитой», какъ отличительный ихъ знакъ. Роль свахъ заключается, такъ сказать, въ хозяйственной части, кроме того на обязанности свахъ жениха лежитъ пѣть свадебныя пѣсни, тогда какъ у невесты пѣсни поютъ ея «друзки» и подруги. Вообще надо сказать, что свахи жениха играютъ болѣе важную роль, чѣмъ невесты.

Каждый, кто идетъ на свадьбу по приглашенію, долженъ съ собой обязательно принести, въ качествѣ дара хозяйкамъ, что-нибудь изъ състныхъ продуктовъ. Обыкновенно каждый домохозяинъ приноситъ хлѣбъ, а хозяйки — или миску муки, или хлѣбъ, или творогу, или масла, или что-нибудь другое. Молодежь-же, идущая безъ приглашенія повеселиться (въ субботу вечеромъ, въ воскресенье), ничего съ собою не приноситъ, но зато всѣ пришедшіе безъ приглашеній носятъ названіе «челюди», а не гостей.

Такая продолжительная свадьба весьма обременительная для крестьянъ. Крестьяне это отлично сами сознаютъ, но все таки подчинялись разъ заведенному обычаю. Только недавно, гдѣ пять тому назадъ, крестьяне на волостномъ сходѣ постановили, чтобы свадьба заканчивалась непременно въ понедѣльникъ и наблюдать за этимъ поручено сельскимъ властямъ. Въ виду этого свадебный ритуалъ теперь сокращается, сжимается, кой-какіе обычай опускаются, такъ—чтобы всю свадьбу вѣстить въ предѣлахъ трехъ дней, а не пяти, какъ по давнему. Суббота осталась по прежнему, безъ измѣненія количества и содержанія свадебныхъ обрядовъ. Въ воскресенье женихъ послѣ вѣчанія не идетъ къ себѣ домой, а отправляется вмѣстѣ съ невестой въ ея домъ. Здѣсь уже производится «посагъ», раздача «коровая», «скупленіе дружекъ», а вечеромъ того-же дня невесту уводятъ въ домъ жениха и уже у него производится его «посагъ» и «раздача коровая», «завязываніе платка невестѣ» и пр. Въ воскресенье-же вечеромъ идутъ на «прошій», «пропійчаны». Въ понедѣльникъ «ведутъ молодую до выводу», приченъ дружка не ведетъ молодую за платокъ, какъ прежде (обычай этотъ уничтоженъ по требованію мѣстнаго священника). Послѣ «выводу» свадьба прекращается, музыканты отправляются домой, гости расходятся, остаются развѣ самые ближайшіе родственники. Но въ четвергъ «гостыни» по прежнему бываютъ.

Рыбскій Теофанъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библиографія.

О границы Русских и Словаковъ въ Угорщинѣ. Slovenské Pohľady. Ročník XV, № 8 и 9, 1895 года.

Въ № 6 1895 года вышеназваннаго словенскаго журнала редакторъ его г. Шкультети высказалъ мнѣніе, что Словаки по вѣроисповѣданію не только католики и протестанты, но и униаты, причемъ сослался на И. И. Срезневскаго, который въ своей рецензійи Nagodori's'a Шафарика заявилъ, что униаты Пряшевской епархіи называются Русскими лишь вслѣдствіе своей религіи, будучи по языку Словаками.

Мнѣніе г. Шкультети вызвало замѣчанія жителя и, повидному, знатока Спича, г. Мишика. Хотя они помѣщены въ журналѣ подъ названіемъ: «Какой вѣры Словаки?», но вопросъ о вѣроисповѣданіи сводится въ нихъ къ вопросу о народности, къ вопросу о томъ, гдѣ кончается народность русская и начинается словенская.

Г. Мишикъ говоритъ объ угорскихъ униатахъ слѣдующее:

Разница между Русскими и Словаками въ Спичѣ, несмотря на то, что Русскіе здѣсь сильно ословенились, вполне ясна: 1) ни одинъ спичскій Русскій не выдаетъ себя за Словака, но всегда называетъ себя Руснакомъ; Руснакомъ же его считаетъ каждый Словакъ; исключеніе представляютъ лишь жители Вернара и Тельгарта, которые уже ословенились и въ языкѣ которыхъ совершенно отсутствуютъ русскія слова и формы; 2) пѣсни спичскихъ Русскихъ, ихъ постройки, женскія одежды и т. п. свидѣтельствуютъ о томъ, что они Русскіе, а не Словаки; 3) рѣчь спичскихъ Русскихъ сильно ословенилась, но все еще не утратила русскихъ словъ и формъ (последнія указаны проф. Пастрикомъ въ образцахъ изъ Липника, Торискъ, Завадки и Порача)¹⁾.

Въ Шаричѣ и Земплинѣ Русскіе менѣе ословенены, чѣмъ въ Спичѣ, и за Словаковъ ихъ никто не считаетъ.

Г. Шкультети въ свою очередь сдѣлалъ замѣчанія на заявленіе г. Мишика. Онъ не соглашается съ послѣднимъ. Если бы, говоритъ онъ, всѣ униаты были Русскіе, было бы не трудно отличить Русскихъ отъ Словаковъ; но вопросъ о народности въ данномъ случаѣ всѣми признается за трудный для рѣшенія. Очевидно, существуютъ униаты Словаки. И въ Спичѣ, и особенно въ Шаричѣ (между прочимъ въ Маковицкомъ округѣ)

¹⁾ Г. Мишекъ ссылается на грамоту польскаго короля Сигизмунда III 1590 года, какъ на доказательство того, что спичскіе Русскіе въ XVI вѣкѣ считались Русскими; но эта грамота не подтверждаетъ ссылки. Она говоритъ о Русскихъ проходящихъ со своими стадами черезъ земли жителей Любичи и при этомъ пользующихся пастбищами послѣднихъ. Рѣчь, очевидно, идетъ о Лемкахъ, которые въ XVI вѣкѣ еще вели полуочевой образъ жизни.

много таких общинъ, которыя еще во время Маріи Терезіи были протестантскими и которыя, будучи принуждены оставить протестантизмъ, перешли въ православіе¹⁾). Желательно знать, какъ эти бывшіе протестанты называютъ сами себя и какъ ихъ называютъ католическіе и протестантскіе сосѣди. Если они известны подъ именемъ Русскихъ или Руснаковъ, ссыла на названіе лишена значенія. Желательно знать, одни ли уніаты Спша нѣбють въ своемъ говорѣ руссизмы, или послѣдніе нѣбются также въ говорѣ ихъ сосѣдей католиковъ.

Г. Мишикъ отвѣтилъ на это новыми замѣчаніями.

Изъ того, что вопросъ о границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ считается труднымъ, слѣдуетъ лишь одно: Русскіе тамъ, гдѣ живутъ разбросанно среди Словаковъ,—въ Спшѣ, Шаринѣ, Абауйварѣ, Земплинѣ, Унгварѣ и частію въ Гемерѣ, настолько ассимилировались съ своими сосѣдами, что во многихъ мѣстахъ трудно отличить Русскаго отъ Словака. Словаки называютъ Русскихъ Руснаками не потому, что послѣдніе уніаты (народъ по большей части даже не знаетъ, кто каковой вѣры), а потому, что они сами себя называютъ Руснаками и нѣбють въ своемъ говорѣ, сильно ословенившемся, такія слова и выраженія, которыя ясно указываютъ на ихъ русское происхожденіе. Рѣчь Русскихъ Спша настолько разнится отъ рѣчи ихъ сосѣдей Словаковъ и Поляковъ, что узнать Русскаго легко. Нельзя сомнѣваться, что между уніатами нѣбются Словаки, но число ихъ трудно опредѣлить. Оно во всякомъ случаѣ не можетъ быть велико, дакъ потому, что трудно встрѣтить уніата, который бы называлъ себя Словакомъ, такъ и потому, что Словаки-уніаты говорятъ сильно ословенившимся говоромъ уніатовъ-Русскихъ.

Г. М. предлагаетъ считать Русскими и Словаками тѣхъ, которые себя этии именами называютъ.

Мы изложили содержаніе статей словенскаго журнала.

Они бѣдимъ данными. Главное, что окрашиваетъ народность, ея рѣчь, въ нихъ опредѣляется лишь общими фразами. Говоръ уніатовъ, составляющихъ предметъ спора, называется сильно ословенившимся, нѣбющимъ руссизмы, и только. Если онъ—словенскій съ руссизмами, то говорящіе нѣ, конечно,—Словаки; если онъ русскій съ словенскими, то говорящіе нѣ—Русскіе. Разница между малорусскимъ нарѣчіемъ (съ *i* вмѣсто *e* и *o*, съ полногласіемъ, съ *ж* и *ч* изъ *д* и *т*) съ одной стороны и словенскимъ съ другой такъ велика, что споръ о принадлежности говора къ тому или другому нарѣчію возможенъ лишь тогда, когда говоръ представляетъ пеструю смѣсь, мало поддающуюся опредѣленію. Сверхъ того, руссизмы руссизмамъ рознь: если они—названія культурныхъ предметовъ (растеній, посуды, одежды и т. п.), они не нѣбють для этнографа никакой цѣны, указывая лишь на общеніе употребляющихъ ихъ или ихъ предковъ съ Русскими; если же они—обычныя слова рѣчи (съ значеніями говорить, видѣть, ѣсть и т. п.), то они могутъ указывать на происхожденіе употребляющихъ ихъ отъ предковъ Русскихъ.

Г. Мишикъ наираетъ, что спорные уніаты называютъ себя Русскими, и потому настаиваетъ на признаніи ихъ Русскими. Но онъ самъ рассказываетъ о Полякахъ Спша, говорящихъ по польски, но именующихъ себя Словаками. Мы можемъ узнать на Русскихъ католиковъ въ Вѣлорусіи, говорящихъ по-русски, но называющихъ себя Поляками. Очевидно, названіе не нѣветъ значенія и не дѣлаетъ Русскихъ Словаками и наоборотъ.

Итакъ, вопросъ о границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ по прежнему остается вопросомъ и ждетъ изслѣдователя, который бы нѣ серьезно заинтересовался и который бы собралъ данныя, могущія привести къ его рѣшенію.

А. Соболевскій.

¹⁾ Г. Шк. ссылается на «Этнографію мадыарскаго государства» Гунфальви.

Ежегодник Тобольскаго Губернскаго Музея. Выпуск I. Тобольскъ. 1893.

Тобольскій Губернскій Музей первый изъ всѣхъ музеевъ какъ Европейской Россіи, такъ и Сибири выступилъ со своимъ изданіемъ, задачу котораго редакция опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Наше изданіе имѣетъ широкую, чуть не энциклопедическую программу. Обширность и многосложность нашей программы обусловлена: 1) самымъ дѣленіемъ нашего Музея на отдѣлы: а) естественно-историческій, б) этнографическій, в) археологическій, г) промышленный и д) обще-образовательный и 2) задачами Комитета по всестороннему изученію края. Наше изданіе не будетъ, поэтому, на первыхъ порахъ носить характера специально- и строго-научнаго по вопросамъ, указаннымъ въ программѣ, а будетъ представлять собою скорѣе собраніе матеріаловъ по этимъ вопросамъ, стремясь стать ихъ сводомъ съ дальнѣйшей цѣлью систематической ихъ обработки».

Въ первомъ выпускѣ новаго изданія помѣщены слѣдующія статьи:

1) И. В. Гурскій. Поѣздка на Сѣверный Уралъ. Не представляющій особеннаго научнаго интереса дневникъ одного изъ участниковъ экспедиціи 1892 г., снаряженной на Сѣверный Уралъ для изслѣдованія мѣдной руды.

2) К. Газенвинкель. Матеріалы для справочно-біографическаго словаря сибирскихъ дѣятелей. Здѣсь находимъ свѣдѣнія о представителяхъ родовъ князей Шаховскихъ, Шербатовыхъ и Мосальскихъ, дѣйствовавшихъ въ XVI—XVII вв. въ Сибири на службовомъ поприщѣ, между прочимъ объ извѣстномъ писателѣ XVII в. кн. Семенѣ Ивановичѣ Шаховскомъ.

3) Н. И. Палопеженцевъ. Народное образованіе въ г. Ялutorовскѣ и Ялutorовскомъ округѣ Тобольской губерніи (Историко-статистическій очеркъ). Пока передъ нами только начало первой части, заключающей въ себѣ исторію ялutorовскихъ школъ.

4) А. А. Терновскій. Матеріалы для бібліографіи Сибири. Указатель статей и главнѣйшихъ замѣтокъ, касающихся Сибири и помѣщенныхъ въ сибирскихъ періодическихкихъ изданіяхъ 1892 года.

Сверхъ того въ вышедшей книгѣ находимъ отчетъ о занятіяхъ Музея и о дѣйствіяхъ экспедиціи, отправившейся въ 1893 г. въ Тобольскую губернію для борьбы съ кобылкой.

Въ заключеніе остается пожелать, чтобы Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея не остался одинокимъ.

Н. Т.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходоовъ Волынской епархіи.

Составилъ Н. И. Теодоровичъ. Т. III. Уѣзды Кременецкій и Заславскій. Почаевъ. 1893. 8°, стр. 687 + IX.

Это изданіе можетъ быть интересно и для этнографа. Описаніе вообще составлено очень тщательно; о каждомъ населенномъ мѣстѣ даны краткія свѣдѣнія и торическія, статистическія, справочнаго характера, указаны достопримѣчательности, старопечатныя книги въ церквахъ и т. д. Города и мѣстечки описаны, конечно, подробно. При описаніи м. Рахманова сообщено мѣстное преданіе о томъ, «что далеко, за синими морями, живутъ благочестивые и богобоязненные люди, именуемые за свое благочестіе рахманами,—они соблюдаютъ строжайшій постъ и разрѣшаютъ для себя употребленіе мяса только однажды въ годъ—именно—въ т. назыв. «Рахманскій великдень», который приходится послѣ проводъ, въ понедѣльникъ Ооминной недѣли. Въ этотъ день простой народъ собирается на берегу рѣки или става и бросаетъ въ воду скорлупу съ освященныхъ крашеныхъ насальныхъ яицъ,—въ томъ предположеніи, что эта скорлупа, доплывши до далекаго мѣста Рахмана, даетъ знать жителямъ его о томъ, что уже наступило время праздновать сей праздникъ—великдень» (стр.

369). Вообще, любопытен целый ряд истинных названий. При описании с. Рожичны сообщено довольно много этнографических данных о поверьях, представлениях и обычаях народа той местности, приведено 250 пословиц и поговорок. Источником таких сообщений, приведение которых в большем количестве весьма желательное, служат такъ называемыя «церковныя летописи», заведенныя при каждом приходѣ по инициативѣ архіепископа Модеста. Копія всѣхъ этихъ «летописей» сосредоточены въ г. Житомирѣ при церковно-археологическомъ музеѣ.

Арх. Л.—ико.

Ecole pratique des Hautes Etudes, section des sciences religieuses. La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés par Z. Marillier. Paris 1894.

Вѣра въ безсмертіе души имѣетъ свое происхожденіе въ необходимости справедливости, идея которой присуща человѣческой природѣ, и въ томъ свойствѣ человѣка, по которому однѣ дѣйствія дозволены, другія запрещены. Критику этого распространеннаго мнѣнія представляетъ брошюра Marillier. Утверждая, что идея загробной жизни вовсе не есть продуктъ нравственныхъ понятій, Marillier, суммируя разбросанныя тамъ и сямъ мнѣнія дикарей о безсмертіи, дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующіе выводы: 1) загробная жизнь есть продолженіе настоящей; она одинакова для всѣхъ; 2) если въ понятіяхъ дикарей есть адъ и рай, худшая и лучшая жизнь, то «счастье или несчастье другой жизни опредѣляется вовсе не цѣнностью нашихъ поступковъ въ этой жизни, а случаемъ, произвольной фантазіей боговъ, положеніемъ, родомъ смерти»; 3) если что-либо и вліяетъ въ этой жизни на будущую участь, такъ это соблюденіе известнаго ритуала; 4) если есть, наконецъ, опредѣленное понятіе о наградахъ и наказаніяхъ въ той жизни, то оно является слѣдствіемъ сношенія съ христіанскими народами. Такимъ образомъ, по мнѣнію Marillier, вѣра въ загробную жизнь есть скорѣе понятіе чисто метафизическое.

П. III.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Ш. въ IV отд. „Живой Старины“
IV вып. 1893 г.

«Юродство Христа ради» въ здѣшной мѣстности распространено довольно широко: нѣтъ, или почти нѣтъ сравнительно большаго села, въ которомъ не было юродиваго, а то и по нѣскольку, съ тою лишь разницею, что одни изъ нихъ юродствуютъ въ своемъ селѣ, другіе же подвизаются далеко по окрестности, посѣщая и крестьянъ, и духовенство, и помѣщиковъ, и становыхъ, пріемлющихъ, такъ сказать, юродство. Юродство характеризуется внѣшними и внутренними, плотскими и нравственными особенностями, приравляемыми къ мѣстному требованію отъ лицъ не отъ міра сего, такъ какъ врожденное юродство въ понятіяхъ ограничено, то принявшіе такое юродство люди себѣ на умъ: изворогливы, пройдохи. Юродивый ходитъ въ длинной рубахѣ, безъ верхней одежды даже зимой и много-много, если надѣваетъ родъ подрясника—балахонъ, обуви не носитъ, ѣсть что и гдѣ попало, не брезгуетъ кускомъ изъ лахани, старается говорить туманно, часто повторяясь и рисуется, для чего раскладываетъ, подобно дѣтямъ, на дорогѣ клѣточки, выкидываютъ и другія штуки, внезапно прерывая и уходя на рысяхъ; не отвергаютъ подносимое вино, не отказываются служить потѣхою для другихъ. Нѣкоторые изъ нихъ собираютъ на украшеніе храмовъ, заводятъ часовни и не гласные скиты, сожительствуя въ послѣднихъ съ матушками изъ кунечества, почиваютъ въ домовникахъ (гробахъ). Замѣчательно то обстоятельство, что юродствуютъ болѣе мужчины, нежели женщины и что народъ смотритъ на нѣкоторые дѣянія юродивыхъ съласто-любиваго и зрѣческаго свойства весьма снисходительно: «блаженному (юродивому тожъ) все проща (областное—прощается)!» и значеніе юродства хотя бы и напускаго отъ того не умаляется.

По понятію крестьянства юродству подвергаются и люди, углубляющіеся въ чтеніе священныхъ книгъ, бібліи наприимѣръ,—зачитываются; юродивые - де не чувствуютъ ни холода, ни голода, побуда ихъ не научатъ браниться не цезурными словами.

Ио. Мамакинъ.

Вашт. Гор. Починковъ Нижегород. губ.

ОТДѢЛЪ V.

С М Ъ С Ъ.

Заговоръ (Архангельск. губерніи, Шенкурскаго уѣзда, село Нургоаень), когда скотина перестаетъ ѣсть кормъ.

Сначала нужно дать скотинѣ кусокъ хлѣба съ тремя вшами, а потомъ говорить: Какъ рабъ Вожій (свое имя) не можетъ жить безъ хлѣба—безъ соли, безъ вздыханья, также бы рабъ Вожій (или рабыца Вожія, если животное женскаго пола) чернѣйко ¹⁾ (или вообще названіе животнаго по шерсти пестрѣйко или чернуха и проч.) не могъ бы жить безъ питья и безъ корму, ни часу часовать, ни минуты миновать, какъ вошь жретъ безъ стыду и безъ сраму, такъ рабъ Вожій чернѣюшко или бы к ѣль (говорить три раза).

Въ заключеніе сказать:

Дай, Господи, на легко, на здравіе, кости,—жилы—суставы на старый ладъ, на старое мѣсто. Тѣмъ словамъ ключъ и замокъ. Аминь.

Заговоръ противъ разныхъ неясныхъ болѣзненныхъ признаковъ, которые называются прикосами (тоже у скотины).

Сначала очертить сукъ на стѣнѣ заслоненнымъ перстомъ, потомъ говорить: «какъ на стѣнѣ сучекъ не отростаетъ, не разцвѣтаетъ, такъ бы у раба Божья чернѣюшка ²⁾ притчи, прикосы не отростали, не разцвѣтали, а сохли бы подсыхали. Вѣкъ по вѣку, отнынѣ до вѣку.

Вынеси, Господи, притчи-прикосы изъ всякаго мѣста: изъ рукъ, изъ ногъ, изъ блага лица, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ каждой кости, изъ каждой жилы, изъ cadaго сустава, изъ cadaго ребра, изъ лѣга, изъ сердца, изъ печени горячей. Тѣмъ словамъ ключъ и замокъ. Аминь ³⁾.

¹⁾ Скотина черной шерсти.

²⁾ Скотина черной шерсти мужья и.

³⁾ Этотъ заговоръ противъ прикосовъ (вѣроятно отъ привоснутья) у людей.

Заговоръ отъ полуночницы, т. е. такого болѣзненнаго разстройства, при которомъ ребенокъ не спитъ ночью (въ банѣ).

Ночная, полуночная, полуночная бабка, полуденная тетка, Ироду сестра, не тѣшься надъ младенцемъ (няи), тѣшься надъ пруточками, тѣшься надъ листочками! Вотъ тебѣ пруточки, вотъ тебѣ листочки! ¹⁾ (три раза).

Потомъ ребенка вымыть, бросить въ воду камень и говорить:

«Гдѣль угомонно станеть лежать камешокъ, таѣъ и младенецъ (няи) спалъ бы и лежалъ день и ночь».

Защеленавши ребенка говорить:

«Не я тебя мою-парю, моеъ-парить бабушка Соломонда, она тебя моеъ-парить, притчи, привосы, уроки, скорби, болѣзни и грыжи смываетъ».

Въ самомъ концѣ сказать:

«Тѣ слова хоть и не всѣ сполна,—будьте всѣ сполна; хоть и рѣдки, да будьте гѣпки и крѣпки; тѣмъ словаъ ключъ и замокъ. Аминь.

Новгородская легенда объ апостолѣ Андрѣ.

Повѣсть о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ, какъ это доказалъ профессоръ Е. Голубинскій—простая легенда, написанная какимъ-нибудь тщеславнымъ русскимъ книжникомъ, который пожелалъ доказать что мы, русскіе, составляемъ народъ въ христіанской церкви далеко не послѣдній, что христіанство на Руси ведетъ свое начало точно также отъ самихъ апостоловъ, какъ и у кого бы то ни было ²⁾. Повѣсть эта дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ — древнѣйшей кievской, и болѣе поздней — новгородской. Проф. Голубинскій не безъ основанія предполагаетъ, что послѣдняя редакція явилась какъ бы отвѣтомъ на первую. Новгородцы, осмѣянные кievлянами въ составленной тѣмъ новѣсти, пожелали, если не отвѣтить тѣмъ-же, то по крайней мѣрѣ показать, что Новгородъ ничуть не хуже Кіева. Апостоль Андрей посѣтилъ Кіевъ и благословилъ городъ, водрузивъ здѣсь Крестъ, говорили Кіевляне, и Новгородцы въ отвѣтъ на это создали легенду, что ап. Андрей точно также посѣтилъ Новгородъ и въ благословіе оставилъ свой жезлъ, который «водрузи въ всѣхъ, нарицаемо Дружиной» ³⁾. Чѣмъ пользовался составитель этой легенды? Былъ-ли этотъ «жезлъ» его вымышле-ніемъ, или же для внесенія его въ новѣсть были какія-нибудь основанія? Второе представляется болѣе вѣроятнымъ. Какой-то «жезлъ» несомнѣнно существовалъ въ то время въ Новгородской губерніи.

Въ рукописномъ житіи Михаила Салоса, написанномъ по порученію Новгородскаго архіепископа Макарія разсказывается, что ап. Андрей, прошедши отъ Новгорода «поприщъ шестьдесятъ», водрузилъ свой жезлъ, и «отголѣ мѣсто оно проваси Грузино». Въ слѣдствіи, разсказываетъ авторъ, на этомъ мѣстѣ в-здвигнуть былъ въ честь ап. Андрея храмъ, въ которомъ «безцѣнное и честное оно сокрывище—многочѣлебный святаго жезлъ полагається, о немъ-же многа и неисповѣдима сказуются чудеса, иже и до днесь всѣми видимъ есть, вси-же вѣрніи и благоговѣніи мужіе при-тичуще въ храмъ святаго гамовидни бываютъ жезлу святаго, и вѣроу и любовію любя-заше касаются, и написанная на немъ зрятъ, спце бо написано есть на жезлѣ святаго: «аще кто дѣрзнеть изнести жезлъ сей изъ храма анаемъ предастся». Мнози-же досто-вѣрніи и благоговѣніи мужіе повѣдаютъ, яко многожды храму святаго отъ огня о горѣ вни у, жезлу же святаго цѣлу пребывающую молитвами святаго, овогда на воз-

¹⁾ Отъ вѣника.

²⁾ Исторія церкви, т. I, ч. I, стр. 2, 16.

³⁾ Огел. кн., стр. 7.

дусъ невидимо держиму, ово-же и на иконъ иѣстъ водружающуся» ¹⁾. Такимъ образомъ, можно думать, что жезлъ этотъ не былъ исключительно, по крайней мѣрѣ первоначально, достояніемъ села Друзино или-же Грузина и попалъ сюда позже, благодаря тому, что названіе села болѣе объясняло и подтверждало легенду о появленіи жезла.

Но, какъ сказано выше, повѣсть о посѣщеніи ап. Андреемъ Новгорода относится къ довольно позднему времени. Между тѣмъ легенда о жезлѣ существовала у новгородцевъ повидному довольно рано. Такъ въ Новгородской лѣтописи читаемъ: «...И прииде епископъ Іоакимъ и требища разори и Перуна посѣче, что въ Великомъ Новѣградѣ стоялъ на Перыни и повелѣ повлещи въ Волховъ; и повязавше ужи, влечаху и по валу, біюще жезліемъ и ѣхающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: о горе мнѣ! ахъ! достахся немилостивымъ судиямъ симъ — и вринуша его въ Волховъ. Оки-же плываше сквозѣ великій мостъ, верже налицу свою на кость, ею-же безумнии убивающеса утѣху творятъ бѣсомъ» ²⁾. Герберштейнъ, который былъ знакомъ съ русскими лѣтописями, въ своихъ запискахъ передаетъ тоже преданіе съ небольшою добавленіемъ. Перунъ, по его словамъ, плывя подъ мостомъ, выбросилъ свою палку, сказавъ: «вотъ вамъ новгородцы на память обо мнѣ» ³⁾. Перынский монастырь, о которомъ говоритъ лѣтопись и Герберштейнъ, действительно существовалъ въ то время въ 4-хъ верстахъ отъ Новгорода и до конца XVIII в., когда обращенъ былъ въ приходскую церковь ⁴⁾. Въ 1386 г. онъ былъ сожженъ Новгородцами и жезлъ, быть можетъ, хранившійся здѣсь, какъ трофей, былъ перенесенъ въ село Друзино, «водружень на иконѣ иѣстъ», но изъ памятника языческаго сдѣлался предметомъ почитанія для христіанъ.

Слова лѣтописи: «ею-же безумнии убивающеса утѣху творятъ бѣсомъ», позволяютъ намъ видѣть указаніе на секту стрвогльнякъ-въ-самоубивателей, появившуюся въ Новгородѣ въ концѣ XIV в. и завесенную сюда пѣнецкими крестовыми братьями ⁵⁾. Вслѣдствіе этого, можно думать, что въ XIV в. еще жезлъ не былъ приписанъ ап. Андрею и что легенда, говорящая объ этомъ, относится къ болѣе позднему времени. Какъ на переходную ступень, превратившую легенду языческую въ православную, укажемъ на легенду, въ сожалѣнію очень плохо записанную, крестьяниномъ А. Артыновымъ. Въ с. Грузинѣ, на одномъ изъ холмовъ, стоялъ теремъ Новгородскаго князя Перей-Тучи, у котораго сынъ былъ опасно боленъ; кто-то сказалъ отцу, что онъ излѣчится только кровью и водой: вслѣдствіе этого находившіеся тутъ жрецы убивали всѣхъ странныхъ, плывущихъ рѣкой Волховымъ и кровью ихъ мазали больного, кровь потомъ смывали водой р. Волхова; въ числѣ странныхъ взятъ былъ и св. апостолъ Андрей Первозванный, ѣхавшій по р. Волхову въ Ладожское озеро. Когда привели апостола къ Пирею, то болящій сказалъ, что этотъ странный исцѣлитъ его отъ болязни. Такъ и сбылось. Апостолъ однимъ словомъ исцѣлялъ болящаго отъ болязни, крестилъ въ христіанскую вѣру и приобщилъ тѣломъ и кровью Искупителя весь домъ князя Перей-Тучи». Въ этй легендѣ кн. Перей-Туча, или тотъ-же Перунъ уже ставится въ столкновеніе съ апостоломъ Андреемъ, при чемъ послѣдній одерживаетъ верхъ надъ первымъ ⁶⁾.

В. Бояновскій.

¹⁾ Голубинскій. Исторія церквч, т. I, ч. I, стр. 11.

²⁾ Полн. Собр. Лѣт., т. III, стр. 207.

³⁾ Записки о Московіи. Пер. И. Анонимова. Спб. 1866, стр. 114.

⁴⁾ Е. Замясловскій. Герберштейнъ и его записки. Спб. 1894, стр. 442. В. В. Зайринскій. Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи. Спб. 1890, т. I, № 351, стр. 200.

⁵⁾ Труды 2 арх. съѣзда, вып. II, стр. 88.

⁶⁾ Воспоминанія крестьянина с. Угодичъ А. Артынова. Съ предисловіемъ А. А. Тихова. М. 1892, стр. 52.

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ. <i>А. Соболевскаго</i>	235—236
2. Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. <i>Н. Т.</i>	237
3. Историко - статистическое описаніе церкви и приходовъ Волынской епархіи. <i>Арх. Лика.</i>	237—238
4. Marillier La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés. Paris. 1894.	238

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. III. въ IV отд. «Живой Старины» IV выи. 1893 г. <i>Ив. Мамакина.</i>	239
--	-----

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Заговоры Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда села Кургомень	240—241
2. Новгородская легенда объ апостолѣ Андрей. <i>В. Бояновскаго</i>	241—242
Объявленія	1— 4